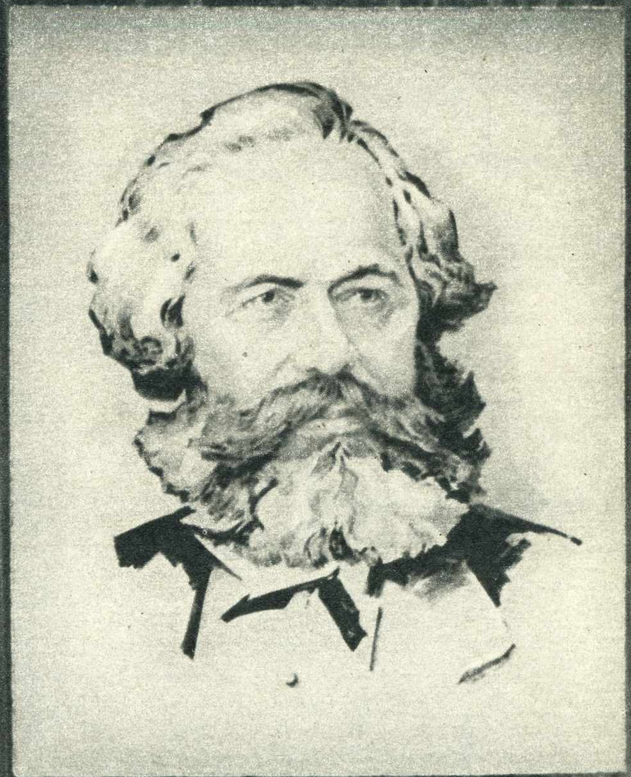

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 15 АПРЕЛЬ 1983

Большой театр Союза ССР. Президиум торжественного заседания, посвященного 165-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти Карла Маркса.

ГЕНИАЛЬНЫЙ МЫСЛИТЕЛЬ, ПЛАМЕННЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР

СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ОБРАЗОВАНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ ЯВИЛОСЬ ЗАКОНОМЕРНЫМ РЕЗУЛЬТАТОМ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ, СТАЛО ПОВОРОТНЫМ ПУНКТОМ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ РОССИЙСКОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРОЛЕТАРИАТА...

СОЗДАНИЕ ПАРТИИ НЕОТДЕЛИМО ОТ ОГРОМНОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. И. ЛЕНИНА — ГЕНИАЛЬНОГО МЫСЛИТЕЛЯ, ПОСЛЕДОВАТЕЛЯ И ПРОДОЛЖАТЕЛЯ ВЕЛИКОГО ДЕЛА К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА.

Из постановления ЦК КПСС «О 80-летии Второго съезда РСДРП»

Фото А. ГОСТЕВА

В Москве, в Большом театре Союза ССР, 30 марта состоялось торжественное заседание, посвященное 165-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти Карла Маркса.

В зале — представители рабочего класса столицы, тружеников сельского хозяйства Подмосковья, ветераны партии, ученые, деятели культуры, воины Советской Армии. Присутствуют главы дипломатических представительств социалистических стран.

Бурными, продолжительными аплодисментами, стоя, участники торжественного заседания встречают товарищей Ю. В. Андропова, Г. А. Алиева, М. С. Горбачева, В. В. Гришина, А. А. Громыко, Н. А. Тихонова, Д. Ф. Устинова, К. У. Черненко, В. И. Долгих, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, М. В. Зимянина, И. В. Капитонова, К. В. Русакова, Н. И. Рыжкова.

В президиуме также — ветераны ленинской партии, руководители партийных, советских и общественных организаций, передовики промышленности и сельского хозяйства, видные деятели науки и культуры, военачальники. Здесь же — Первый секретарь ЦК Компартии Уругвая Р. Арисменди, Генеральный секретарь Компартии Чили Л. Корвалан.

Торжественное заседание открыл член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин.

Слово для доклада «Учение Маркса — руководство к действию» предоставляется кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС Б. Н. Пономареву.

Доклад был выслушан с вниманием и неоднократно прерывался аплодисментами.

Торжественное заседание объявляется закрытым. Под сводами зала звучит «Интернационал».

В НОМЕРЕ:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 15 (2908)

9 АПРЕЛЯ 1983

Десятки тысяч человек приняли участие в антивоенной манифестации в графстве Беркшир (Англия). Взявшись за руки, они образовали протянувшуюся на 14 миль живую цепь между военно-воздушной базой Гринэм-Коммон, центром ядерных исследований в Олдермастоне, и заводом по производству ядерных боеприпасов в Бергфилде.

Манифестанты решительно осудили гонку ядерных вооружений.

Фото ТАСС

СЕГОДНЯ ВСЕ УСИЛИЯ ДОЛЖНЫ БЫТЬ НАПРАВЛЕНЫ К ОДНОМУ — ПРЕДОТВРАТИТЬ ЯДЕРНУЮ КАТАСТРОФУ.

Из ответов Ю. В. АНДРОПОВА на вопросы корреспондента «Правды».

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Юрий КОРНИЛОВ

МИР—НАША ЦЕЛЬ

Если окинуть взглядом бурные и сложные события, потрясающие планету, нетрудно убедиться, что наше время отмечено прежде всего нарастающей борьбой двух основных направлений в мировой политике. С одной стороны — курс Советской страны, ее союзников и друзей на обуздание гонки вооружений, укрепление мира и разрядки, на защиту суверенных прав и свободы народов. С другой — линия империалистических кругов США и НАТО, нацеленная на подрыв разрядки, на взвинчивание гонки вооружений, политика угроз и вмешательства в чужие дела, подавление освободительной борьбы.

Принципиально важное изложение советской позиции по стержневым проблемам войны и мира содержится в ответах Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова на вопросы корреспондента «Правды». Этот документ, как и выступление члена Политбюро ЦК КПСС, первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко на пресс-конференции в Москве 2 апреля, остается в центре внимания мировой общественности. Разумеется, высказывания, которые делаются в этой связи за рубежом, не однозначны. Они зависят от того, интересы каких кругов выражает тот или иной политик, тот или иной орган массовой информации. Но если выделить из потока откликов основное, главное, есть все основания сказать: видные государственные и общественные деятели разных стран, печать по праву расценивают позицию СССР по важнейшим проблемам войны и мира как позицию подлинно миролюбивую, конструктивную, отражающую устремления и чаяния не только советских людей, но и всех народов планеты.

И это действительно так! Советский Союз — единственная ядерная держава в мире, взявшая на себя обязательство не применять первой ядерное оружие и предложившая другим ядерным державам последовать ее примеру. Именно наша страна выступила и продолжает выступать с предложениями, которые золотыми буквами записаны в историю,— о запрещении навечно применения ядерного оружия и о всеобщем и полном разоружении в сочетании со всеобщим и полным контролем. Именно наша страна выдвигает инициативы, создающие реальную возможность решить справедливо и на долговременной основе такую актуальную проблему, как ограничение ядерных вооружений в Европе, предлагая отказаться от всех видов ядерного оружия, рассчитанных на поражение целей на континенте. О том, что политика социализма — это поистине политика мира и дружбы между народами, убедительно свидетельствует и широкий комплекс конструктивных внешнеполитических инициатив, сформулированных в принятой недавно в Праге политической декларации государств — участников Варшавского Договора.

Силы мира — в наступлении. Но и силы войны отнюдь не сложили оружия! Напротив: вашингтонская администрация, рассматривающая мир через призму своих безудержных имперских амбиций, вновь и вновь демонстрирует, что она готова буквально на все, дабы попытаться взломать сложившийся в Европе и мире военно-стратегический паритет и, обзаведясь ядерным мечом подлиннее и поострее, диктовать свою волю суверенным государствам. На достижение этой цели направлена подхлестываемая Вашингтоном гонка вооружений: только за последние десять лет блок НАТО затратил на осуществление милитаристских программ астрономическую сумму в 1 триллион 774 миллиарда долларов. Достижению той же цели призваны служить и попытки «команды Рейгана» наглухо заблокировать переговоры о ядерном оружии в Европе, ведущиеся в Женеве,— сначала путем выдвижения пресловутого «нулевого», а ныне — и с помощью так называемого «промежуточного» варианта. Чтобы дать представление о том, куда хотели бы вести дело изобретатели этого «варианта», достаточно напомнить, что будь он реализован, у НАТО стало бы в Европе почти в 2,5 раза больше ядерных боезарядов средней дальности, нежели у СССР!..

Линию США и НАТО на подталкивание планеты к смертоносной ядерной дуэли в Вашингтоне пытаются замаскировать шумихой о несуществующей «советской угрозе», разглагольствованиями о неких «высоких моральных ценностях», которые, видите ли, призваны защищать США. Но на кого же, спрашивается, эта пропагандистская пиротехника рассчитана? Разве может защищать «моральные ценности» государство, занятое подготовкой войны, в огне которой сгорели бы сотни и сотни миллионов людей? Чего стоят заклинания вашингтонских деятелей о необходимости «обеспечить оборону Америки», коль скоро эти заклинания исходят от тех, кто конструирует каннибальские концепции «первого удара», «затяжной», «ограниченной» и иных ядерных схваток, кто создал в 132 странах мира полторы тысячи американских военных баз, этих плацдармов агрессии? Мы уж не говорим о том, что на роль этаких моралистов, якобы имеющих право поучать других, претендуют те, кто обнимается с убийцами мирных жителей Сабры и Шатилы и амнистирует палачей Сонгми, кто пригрел и укрывает нацистских преступников, поощряет и вооружает террористические и расистские режимы в Центральной Америке и на Юге Африки...

Примечателен и тот политический фон, на котором развертывается борьба двух основных направлений в мировой политике. Идеи всеобщего мира, предотвращения термоядерной войны овладевают сознанием все большей массы людей, а антивоенное, антиракетное движение приобрело ныне огромный размах и наступательный характер. Вот и в эти дни участники движения, развертывающие многотысячные весенние марши мира в Англии и ФРГ, в США и Канаде, в Японии и Италии, во многих других странах мира, вновь подтверждают свою твердую волю отстоять первейшее право каждого народа, каждого человека — право на жизнь.

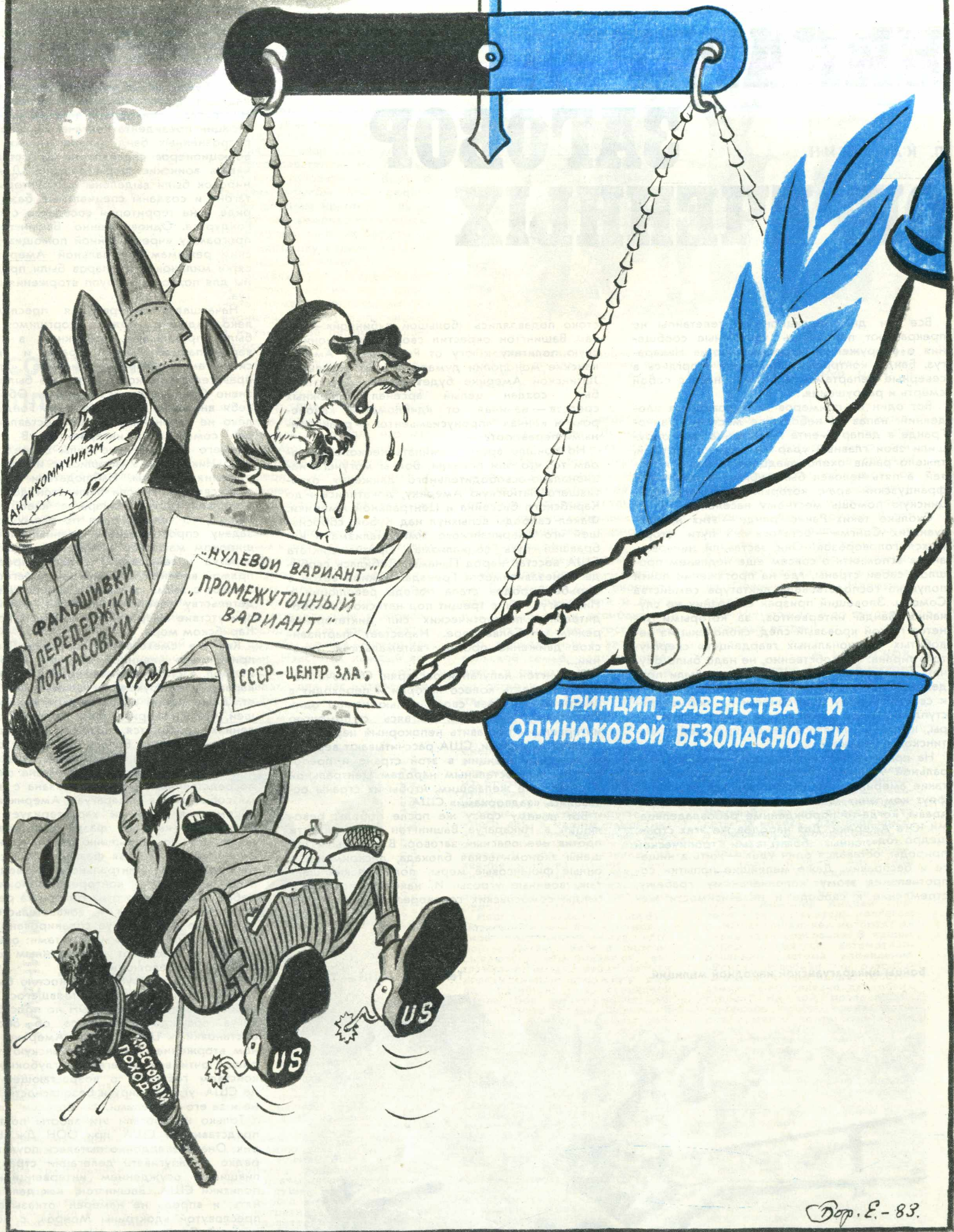

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Мы не допустим нарушения равенства или равновесия, как хотите назовите это. Не допустим. И у нас слово с делом не будет расходиться. У нас есть такие возможности. Не раз мы это доказывали.

Из выступления А. А. Громыко на пресс-конференции.

НЕ ДОПУСТИМ!

Апологеты истинного зла,
Пророки термоядерной агрессии,
Творя неблаговидные дела,
Пытаются нарушить равновесие.
То напускают в формулах туман,
То оскорбляют, то сулят
репрессии...
Но ругань, подтасовки
и обман
Поколебать не смогут равновесие.
«Поход крестовый» тоже
не спасет
Ревнителей воинственной
профессии.
Предупреждаем вспыльчивых
господ:
Мы не дадим нарушить
равновесие!

Стихи Ник. Энтелиса

НИКАРАГУА: ЗАГОВОР ОБРЕЧЕННЫХ

Л. КАМЫНИН

Все эти дни редакционные телетайпы не прекращают передавать тревожные сообщения о вооруженной агрессии против Никарагуа. Банды контрреволюционеров вторглись в северные департаменты страны, неся с собой смерть и разрушения.

Вот один из примеров их чудовищных злодеяний: напав на небольшое местечко Ранчо-Гранде в департаменте Матагальпа, они обрушили свой главный удар на мирных жителей, тяжело ранив около двадцати женщин и детей, а пять человек были убиты, в том числе французский врач, который оказывал медицинскую помощь местному населению.

Сколько таких Ранчо-Гранде — этих никарагуанских Сонгми — осталось на пути вторгшихся головорезов! Они заставили никарагуанцев вспомнить о совсем еще недавнем прошлом своей страны, где на протяжении почти полувека господствовала диктатура семейства Сомосы. Зловещий призрак ее возник не случайно. Банды интервентов, за которыми тянется густой кровавый след, сколочены из недобитых «национальных гвардейцев» свергнутого тирана. Их, собственно, не надо было обучать науке убивать. Они и до этого были предельно вышколены в духе злостной ненависти к своему народу и готовности на любые преступления ради защиты сомосовской диктатуры, которая считалась самой кровавой в Латинской Америке.

На протяжении многих десятилетий в Центральной Америке безраздельно хозяйничали такие американские монополии, как «Юнайтед фрут компани», для которой эталоном служат нравы, когда-то порожденные рабовладельцами Юга Америки. Для народов же этих стран, щедро одаренных богатствами тропической природы, оставался один удел — жить в нищете и бесправии. Даже малейшие попытки сопротивления этому колониальному грабежу, стремление к свободе и независимости жестоко подавлялись «большой дубинкой» — так сам Вашингтон окрестил свою экспансионистскую политику к югу от Рио-Гранде. Американские монополии думали, что их засилье в Латинской Америке будет вечно. Для этого был создан целый арсенал надежных средств — начиная от «дипломатии канонерок» и кончая «пронусиамьенто» — реакционными переворотами.

Но пришло время пожинать неоколонизаторам то, что они посеяли. Волны могучего национально-освободительного движения, охватившего Латинскую Америку, докатились и до Карибского бассейна и Центральной Америки. Факел свободы вспыхнул над Кубой, сбросившей иго американского империализма и избравшей путь социализма. Против диктата США восстал народ Панамы. Добилась свободы и независимости Гренада. Важной вехой в борьбе народов стала победа революции в Никарагуа. Ныне трещит под натиском освободительных патриотических сил диктаторский режим в Сальвадоре. Нарастает партизанское движение против гватемальской тирании...

Вашингтон напуган и растерян. Он хочет повернуть вспять колесо истории и переходит в контратаку, избрав своей целью номер один Республику Никарагуа. Пытаясь с помощью интервенции поставить непокорный народ Никарагуа на колени, США рассчитывают вернуть утраченные позиции в этой стране и преподать «урок» остальным народам Центральной Америки, не желающим, чтобы их страны оставались «задворками» США.

Вот почему сразу же после победы революции в Никарагуа Вашингтон начал плести против нее опасный заговор. В ход были пущены экономическая блокада, дискриминационные финансовые меры, политический шантаж, военные угрозы. И, наконец, появились банды сомосовских головорезов, засылаемые с территории Гондураса. В их задачу входил всякого рода саботаж с целью запугивания населения и дестабилизации правительства этой страны.

Особенно резко возросла эскалация провокаций и подготовка прямой агрессии против Никарагуа с приходом к власти в США администрации президента Рейгана. Именно тогда из разрозненных банд никарагуанских контрреволюционеров специалисты ЦРУ стали сколачивать воинские формирования. Для их тренировок были выделены инструкторы из Пентагона и созданы специальные базы во Флориде и на территории соседнего с Никарагуа Гондураса. Одновременно Вашингтон принял программу «чрезвычайной помощи» диктаторским режимам Центральной Америки, и десятки миллионов долларов были предназначены для подготовки групп вторжения в Никарагуа.

Начавшаяся интервенция преследует далеко идущие цели. Вторгшимся бандам было предписано проникнуть в глубь северо-западной части страны и провозгласить там контрреволюционное «временное правительство», которое тут же было бы признано Соединенными Штатами. Обращает на себя внимание и то, что роль Гондураса далеко не ограничивается предоставлением баз для сомосовских интервентов. В последние дни его вооруженные силы сосредоточились близ Никарагуа. Участились с их стороны нарушения границы. Наблюдатели отмечают в этой связи, что если Вашингтон до сего времени вел против Никарагуа «необъявленную войну», то теперь, судя по всему, он ставит задачу спровоцировать военный конфликт в широком масштабе между Гондурасом и Никарагуа и тем самым создать предлог для прямой военной интервенции в регионе. Связывают с этими планами и возросшее, по свидетельству газеты «Нью-Йорк дейли ньюс», присутствие американских военных кораблей в Карибском море.

Как же смехотворны попытки Вашингтона прикинуться невинной овечкой, которая стоит, мол, в стороне от интервенции против Никарагуа и ни слухом ни духом о ней не ведает. Даже самой американской печати, набившей, что и говорить, руку на лживых измышлениях, приходится, похоже, краснеть за неуклюжие увертки Белого дома. Как отмечает, например, журнал «Тайм», «нет никакого сомнения, что администрация Рейгана самым непосредственным образом связана с нынешними событиями в Никарагуа». Американская телекомпания Эн-би-си характеризует эти события как «вторую фазу» долговременного плана ЦРУ по свержению сандинистского правительства». («Первая фаза» сводилась к сбору под эгидой Центрального разведывательного управления контрреволюционного отребья, выброшенного из Никарагуа революцией.) Нет недостатка в доказательствах, что вторжение в Никарагуа спланировано и организовано Соединенными Штатами: они финансируют и снабжают современным оружием банды контрреволюционеров.

Все это со всей убедительностью было подтверждено и во время состоявшегося на днях в Совете Безопасности ООН по просьбе Никарагуа обсуждения вопроса об обострении обстановки в Центральной Америке, вызванном вторжением на никарагуанскую территорию. Почти все делегаты с глубоким беспокойством говорили о возрастающей по вине США угрозе миру и безопасности в регионе и за его пределами.

Только не трогали эти заботы постоянного представителя США при ООН Дж. Киркпатрик. Она беспардонно пыталась поучать, а нередко и запугивать делегации стран, выступившие с осуждением интервенционистской политики США. Вашингтон, как дала она понять, и впредь не намерен отказываться от пресловутой «доктрины Монро», с помощью которой Соединенные Штаты присвоили себе право вмешиваться во внутренние дела своих южных соседей.

...Сандинистская народная армия, органы государственной безопасности и отряды народной милиции успешно ведут операции по преследованию, окружению и уничтожению банд интервентов. Народ Никарагуа решительно выступил в защиту своей революции. И он не одинок.

Бойцы никарагуанской народной милиции. **Телефото ЮПИ — ТАСС**

С СОВЕТСКИМ ДИПЛОМОМ

Поезд подошел к перрону в Улан-Баторе. Мы, группа сибиряков, преподавателей Новосибирского электротехнического института связи, сразу же увидели людей с цветами и услышали свои фамилии, радостные приветствия. Милые, знакомые лица. Возгласы, рукопожатия и то особое чувство, которое испытываешь при встрече с добрыми знакомыми. А память невольно уносила на двадцать лет назад.

В 1961 году в Новосибирский институт связи приехал учиться монгольский паренек Томур Орги. А еще через два года — его соотечественник Норовжав.

Я в то время был деканом инженерно-экономического факультета. Есть люди, наделенные особой цельностью и трудолюбием. Именно такими были Томур и Норовжав. Энергичные, упорные в учении, они быстро сумели завоевать уважение и товарищей-студентов и преподавателей. На первых порах трудновато им было с русским языком. Мы предложили ребятам некоторые льготы. Но они вежливо отказались. Не захотели никаких поблажек. И на картошку ездили и в субботниках участвовали.

Промелькнули студенческие семестры, наш институт окончило немало монгольских товарищей. Многих выпускников я и увидел на перроне улан-баторского вокзала.

— Как вы узнали о нашем приезде?

— Секрет! — весело улыбался Томур, подвижный и веселый, как прежде.

Оказывается, о том, что мы едем в Монголию, сообщили своим старшим товарищам домой ребята, которые учатся у нас сейчас. И вот бывшие выпускники встречали своих бывших преподавателей.

Мой дипломник Норовжав ныне — министр связи Монгольской Народной Республики. Томур Орги — его заместитель. Успешно складываются дела и у других выпускников.

Дни, проведенные в Монголии, остались как яркий праздник дружбы между нашими народами. Нэисовцы каждый вечер приходили к нам в гости, устраивали для нас интересные поездки.

Преподаватели Новосибирского электротехнического института связи в гостях у своих выпускников. Справа — министр связи МНР Норовжав, слева — его заместитель Томур Орги. В центре — автор письма.

Однажды нас пригласила в гости Дашвандан Лхамсурэн. Помню, как мы восхищались трудолюбием этой скромной девушки. Она училась на факультете автоматической электросвязи. Круглая отличница. И параллельно посещала занятия на факультете радиосвязи и радиовещания.

— Такие специалисты очень нужны моей родине,— говорила Дашвандан. Она окончила сразу два факультета и была рекомендована в аспирантуру.

И вот мы у нее в гостях. Вечер, проведенный в этой монгольской семье, надолго останется в памяти. Трудолюбие и упорство у Дашвандан — качества семейные. Ее брат успешно окончил Московский инженерно-строительный институт, прекрасно говорит по-русски. Во время работы на стройке ему пришлось общаться со специалистами из Польши и ЧССР, и он самостоятельно выучил языки друзей. В тот вечер нам казалось, что мы не в гостях, а у себя дома — так было уютно и непринужденно.

Но вот настал и день отъезда. Пожимая руку, Норовжав сказал:

— Не прощай, а до свиданья, до новых встреч!

А. КОЛОСКОВ,
доцент Новосибирского электротехнического института связи

ШКОЛА ИМЕНИ ИВАНА

Н. Орлов и директор Братиславского транспортного предприятия Владислав Моштенан (слева).

В нашем семейном альбоме хранится фотография моего старшего брата Ивана. Совсем еще молодой — 17 лет. Снимался перед самой отправкой на фронт. Иван служил в артиллерийских частях, участвовал в Сталинградской битве. Мы получали от Ивана солдатские треугольники, ждали с победой домой. В феврале 1945-го пришла похоронка. Брат погиб в Чехословакии. «Пал смертью героя в боях за Родину и похоронен с отданием всех воинских почестей в селе Детва, в 10 метрах восточнее церкви...»

На фотографии, которую посылаю в «Огонек»,— делегация нашего автобусного парка на Братиславском предприятии городского пассажирского транспорта. Мы дружим уже 25 лет. Наш парк обслуживает в Москве сорок два автобусных маршрута, а сорок третьим называем маршрут в Братиславу, на улицу Красной Армии, 1. Ездили туда даже на своем автобусе.

Первый раз я приехал в Чехословакию в 1957 году. Когда увидел могилу брата в Детве, аккуратно покрашенный обелиск, цветы, что-то перевернулось в душе. Значит, память о нем дорога не только мне!

Я встретился с учениками и преподавателями школы, ухаживавшими за могилой. Попросили рассказать о брате, прислать его фотографии. На обратном пути зашел в Братиславе в автохозяйство, где мне давали машину до Детвы. Вот с этого и началась дружба двух автопарков.

Теперь мы почти каждый год обмениваемся делегациями. Скоро в нашем парке вступит в строй новая механизированная мойка — чертежи привезли из Братиславы. В прошлом году к нам поступили первые венгерские «Икарусы». В Братиславе их эксплуатируют уже много лет, и нашим ремонтникам очень помогает опыт друзей. По их примеру мы организовали у себя соревнование за звание экипажа имени советско-чехословацкой дружбы.

А коллегам понравился наш опыт организации комплексных ремонтных бригад.

Наш парк шефствует над 81-й московской школой, братиславское предприятие — над школой в Детве. Ребята переписываются, обмениваются выставками, вместе ведут розыск родственников советских солдат, погибших на словацкой земле. Обе школы носят имя моего брата Ивана Орлова. В одной он учился, пионеры другой ухаживают за его могилой. При школе в Детве открыт музей, в нем рядом с фотографией Ивана — фотографии Павла Сахно из Киева, Гаврилы Заболотного из села Заозерного Винницкой области, Филиппа Марущака из села Кривчане Хмельницкой области. Они погибли, освобождая Детву. Школьники разыскали родственников этих солдат, пригласили их в Словакию.

Бывшее село Детва теперь большой современный город. Здесь находится крупный завод, продукция которого — погрузчики, землеройные машины — поставляется во все страны СЭВ. Эти машины с надписью «Детва» я часто вижу на московских улицах.

Однажды я был в Братиславе и зашел к своему старому другу Яну Влчеку. Оказалось, он на работе. Жена объяснила, на каком он сегодня маршруте, и я отправился на остановку. Подъезжает троллейбус, вижу — за рулем Ян. Я вошел, подошел к кабине: «Здравствуй!» Он остановил троллейбус, перешел в салон, извинился перед пассажирами: «Соудрузи, это мой советский друг Николай, мы не виделись сто лет!» Обнялись, расцеловались, а пассажиры аплодировали.

В последний раз мы были в Братиславе в декабре прошлого года. Шофер Александр Клейменов и бригадир автослесарей Виктор Ласткин практиковались там в ремонте «Икарусов». Инженер Андрей Скоробогатов рассказал коллегам о нашей новинке, которая их очень заинтересовала. В нашем парке внедряется автоматизированная система управления «Рейс», подобная же разрабатывается в Братиславе. Обсуждение было полезно для обеих сторон. Из той поездки мы привезли пробы масла, которое намного увеличивает срок службы двигателей. Создано оно в лаборатории Братиславского предприятия, а в испытаниях примут участие москвичи. Все это, может быть, скучные технические подробности, но для нас — живое общее дело.

Во время той поездки и была сделана фотография. Друзья вручают нам памятные знаки по случаю 25-летия нашей дружбы. Обыкновенная фотография. Такие есть сейчас, уверен, в «семейных альбомах» многих советских предприятий, установивших связи с партнерами в социалистических странах. Но мне представляется, что именно это и ценно: дружба с народами братских стран вошла в нашу повседневную жизнь, примеры ее мы видим на каждом шагу.

Н. ОРЛОВ,
секретарь парткома
2-го Московского автобусного парка

АВТОРА—В ЗАЛ

АНОНИМНОСТЬ МАЛОПОЧТЕННА. УЖ НЕ ПОТОМУ ЛИ ЕЕ ОХОТНО ИСПОЛЬЗУЮТ И БРАКОДЕЛЫ?

К. БАРЫКИН

— Бис! Браво! Автора — в зал...

В торговый зал, уточняю я. И пусть автор поторопится. Потому что без него никак не уразуметь: что это за конструкция? Внешне похожа на обычный консервный нож, да и продавец утверждает: это нож для консервных банок. Но едва я нажал на лезвие, оно стало пружинить и прогибаться. Продавец стеснительно отворачивается, он понимает, что таким ножом консервную банку не одолеть...

Кто выпустил такую халтуру? На белой пластмассовой ручке — несколько букв аббревиатуры. Расшифровать ее не удается. Но есть основание предположить, что сделано сие в Одессе, тамошними шутниками. Видимо, было приурочено к дню смеха, но за этот день (и в последующие за ним месяцы) все не распродали, вот и передали часть тиража в обычную торговую сеть. Чтобы мог всласть посмеяться над собой доверчивый покупатель?

Передал я ножичек специалистам торговли хозяйственными товарами, они подтвердили: пользоваться им нельзя. Но автора (завод-изготовитель) установить не смогли. Обратился я в Госторгинспекцию (где и сейчас лежит этот нож — на опознании). Там перерыли все каталоги, опросили знатоков — тот же результат.

Брак идет, а бракодела нет! Точнее, он неизвестен. И никто до него не может добраться.

Если бы опыт такой не был распространен, не стал бы я писать эти заметки. Но вот захожу в магазин одежды. Знаю, да и ни от кого это особо не скрывали, что швейная фабрика должна поставить сюда костюмы, сшитые по разработке известного Дома моделей. Довелось видеть их в демонстрационном зале — прекрасные костюмы, не всякий импорт выдержит сравнение.

Спрашиваю: есть ли в продаже эта модель? Меня не сразу понимают, но мы все же выясняем: да, есть. Ее артикул номер... Объясняю, что ищу не артикул, а костюм, сшитый по модели такого-то мастера, называю его фамилию.

— Откуда же нам знать имя модельера?— искренне удивляется продавец...

Мы просматриваем десяток пальто и костюмов, к которым не всегда аккуратно, но почти всегда накрепко, основательно прикреплены невзрачные ярлыки. Все, что удается вычитать на них: размер и рост. Иногда — название ткани. Длиннейший, мало кому понятный артикул. Адрес фабрики. «А кто автор модели? Кто шил костюм?» На меня смотрят уже не только с сочувствием, но и с раздражением: и настойчив чрез меру и непонятлив к тому же.

А почему непонятлив? Совсем наоборот. Смею предположить, что не личная скромность руководила модельером или директором фабрики, когда они не указали на том же ярлыке свои фамилии — я отлично понимаю это... Не хотят, чтобы их доброе имя упоминалось рядом с пальто или костюмом такого качества, из такой ткани. Запомнился мне первый образец этой серии — не костюм, а картинка из журнала мод. А тут и ткань иная и строчка не выдержана, вильнула в сторону. Пуговицы же — боже мой, кто сотворил такие пуговицы?

Не хотят швейники назвать себя. Но покупателю полезно знать их фамилии, чтобы в последующем избегать моделей, «сооруженных» под руководством такого-то директора. Увидел знакомую фамилию — и обошел пальто сторонкой. Надо знать имя человека, который пытается испортить настроение покупателя. Пусть шьет и складывает на базе; правда, здесь и без того неходового товара уже скопилось на несколько десятков миллионов рублей — запасы пополнятся прежде всего такими вот безымянно-халтурными поделками...

Дома моделей одежды доброго влияния на работу швейной промышленности почти не оказывают. Во всяком случае, в торговом зале их участия не ощущаешь. Может, модельеры об этом не догадываются? Не будем лукавить — они все знают. Иначе не стремились бы к нынешней анонимности: не такие уж они скромники, чтобы избегать славы. О другом их забота: чтобы ярлыки не разнесли по белу свету их бесславие... А покупатель вправе попросить, предложить, потребовать — публикуйте на ярлыке имя, фамилию и отчество автора модели. Если он хочет, чтобы его серийная модель была тютелька в тютельку похожа на образец, пусть поедет на фабрику, пусть поговорит с мастером, с начальником ОТК, с директором. Пусть дойдет до министра легкой промышленности — все эти усилия зачтутся. Но не рвется что-то модельер по крутым ступеням, а безымянный ярлык укрывает его от покупателя.

Как-то на львовское объединение «Маяк» прислали ярко-красный искусственный мех. Всем было ясно: из такой ткани принято шить шубки для десятиклассниц или студенток первых курсов. Но у объединения свой взгляд на моду, свои масштабы. И оно предложило торговле манто, среди которых 56-й размер считался маленьким. Пожилые люди, конечно, отказались от ярко-красных пальто. Итак, надо бы узнать имя новатора, давшего указание: шейте!

Любой товар должен начинаться с этикетки, дающей сумму определенных сведений. И среди прочих данных желательно видеть фамилии модельера и мастера. Это как минимум. Нам же пока что с готовностью предлагают «ОТК № 8». Но я не хочу общаться с номером, да номеру и не бывает стыдно.

Если же вещь красива и приятна, у ее владельца не появится желания сообщить об этом «гражданину ОТК № 8»; а человеку (имярек) он, может, и напишет несколько хороших слов.

Дурная манера анонимности расползается все шире. Обошел с десяток швейных ателье, побывал в мастерских по ремонту обуви и радиоаппаратуры. Приглядывался к мастерам, к приемщикам: может, они представляются клиенту? Или хотя бы их фамилии, имена и отчества можно узнать по личному знаку, что украшает фирменную куртку или комбинезон? Делают же так в лучших магазинах.

Повышение ответственности, честь не только фирмы, но и мастера! Все резервы следует подключить к решению задач, поставленных недавним постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии и улучшении бытового обслуживания населения».

...Допускаю, скромны, «забывчивы» некоторые работники службы быта, обременены ремонтом сверх меры; вот руки и не дошли до таких визиток. Пусть тогда укладывают в отремонтированную пару ботинок или вписывают в квитанцию на снова заговоривший (их старанием) радиоприемник несколько строк. Дескать, ремонт выполнял такой-то. Спасибо за доверие! А если что не так, позвоните, вот номер телефона. Может, где так и делается, но мне встречать подобную манеру общения не приходилось.

Беда с анонимами. Будто и нет на них управы... На банке овощных консервов — никаких данных о составе. Написано «овощная смесь». Но что там смешано-то? Диетологи требуют — и правильно делают — не переедать. А я не знаю, сколько того, чего я не должен переедать, находится в брикете сметаны. Сколько там калорий, белков, каково процентное соотношение важнейших, как говорят специалисты, ингредиентов? Предельный срок реализации сметаны тоже обозначен так скромно и незаметно, что его подчас не видят даже торговые работники. Вот и продаются порой продукты, срок годности которых миновал. А уж этикетки продуктов скоропортящихся должны быть совсем необычными: все даты — крупно, броско. Да и цветом такому ярлыку следовало бы отличаться. Неужели авторы этикеток не понимают разумности столь очевидного решения? Или им кто-то препятствует? Тогда кто? И тут фамилия не окажется лишней...

Недавно газета «Советская торговля» сообщила о поразительных фактах: десятки коробок с обувью, пошитой на бакинской фабрике, пришлось вернуть на предприятие: сплошной брак. Но ни в одной коробке не было талончика-визитки с именами и фамилиями бракоделов. И когда журналист обратился за разъяснениями к заместителю министра легкой промышленности республики, тот сказал: «Все нормально...»

Может быть, ведь замминистра виднее. Но если в браке не виновна фабрика, то кто? Пригласите в торговый зал (или в прокуратуру?) виновника, пусть с ним поговорит покупатель (или прокурор?).

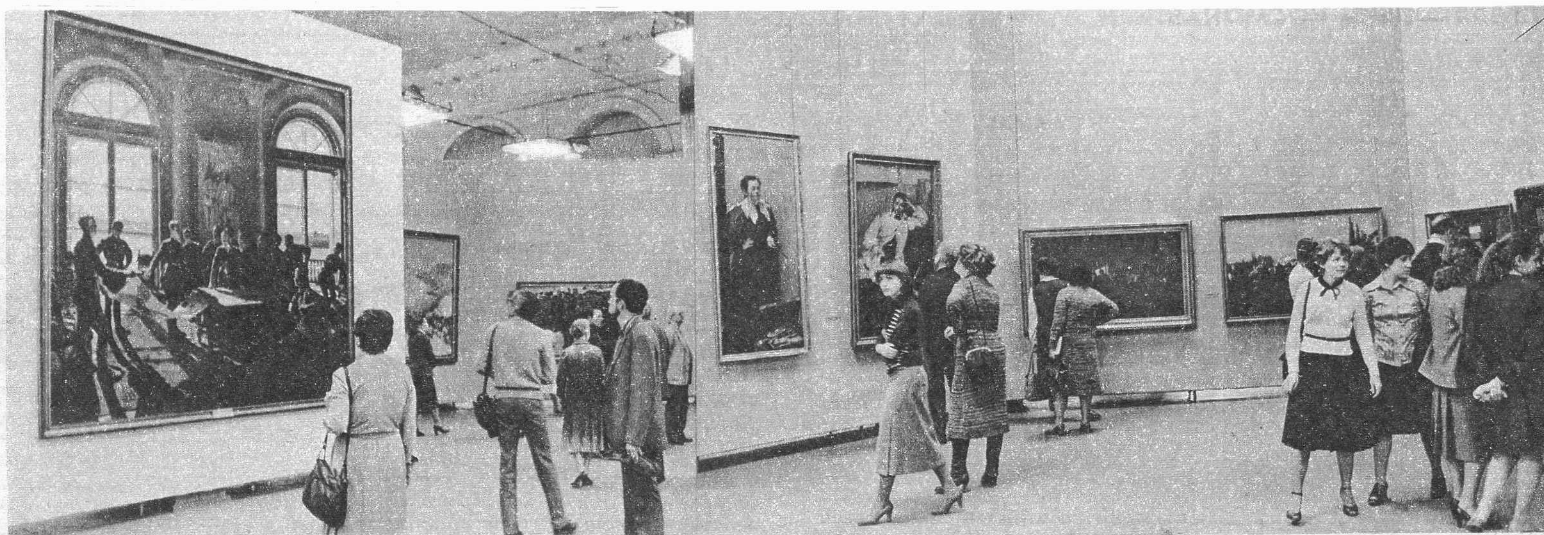
Пренебрежение к этикеточной информации пытаются преодолеть лучшие предприятия пищевой промышленности, но их пока немного — фабрик и объединений, рискующих выносить полные сведения о себе и о товаре на этикетку. Их единицы. А товаров по стране выпускается — 300 тысяч наименований; около миллиона разновидностей.

Кто их сделал, из чего? Хочу знать авторов, чтобы сказать им: «Браво! Спасибо!»

Или для того, чтобы отвернуться, не подать руки бракоделу...

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ЮБИЛЕЙНАЯ, АКАДЕМИЧЕСКАЯ

225-летию Академии художеств СССР посвящена ретроспективная выставка, открытая в Москве, в Центральном выставочном зале. Это первая из выставок в столице, отражающая выдающийся вклад академии в сокровищницу отечественной культуры, в развитие искусства всех народов нашей страны.

В экспозиции представлены дипломные работы, живописные холсты, рисунки, выполненные учащимися академии, показывающие разнообразие тем, стилей, почерков, широту художественных поисков.

На открытии присутствовал кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр культуры СССР П. Н. Демичев.

В выступлениях заместителя министра культуры СССР Г. А. Иванова, вице-президента Академии художеств СССР Ф. П. Решетникова, главного ученого секретаря Президиума академии П. М. Сысоева, председателя правления Союза художников СССР Н. А. Пономарева, первого секретаря правления Союза архитекторов СССР А. Т. Полянского, ректора Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина Б. С. Угарова прозвучали слова глубокого признания, восхищения и уважения к традициям академии, являющей славу и гордость нашего Отечества.

На снимке: в залах выставки.

Фото А. Награльяна

РАМПА

ЯЗЫКОМ ТАНЦА

Со времени нашего первого знакомства прошло много лет... Небольшого роста, смешливая скромная девочка, похожая тогда на школьницу, подняв взор, ждала вопросов. А вопросы, тщательно мною продуманные, вдруг показались мне безжизненными и холодными. Интервью не состоялось. Зато получилась чудесная творческая дружба на годы.

После премьеры балета «Асель», в котором Айсулу Токомбаева танцевала заглавную партию, и пришла к ней слава: она получила звание лауреата премии Ленинского комсомола Киргизии.

Нынешняя народная артистка СССР прима-балерина Киргизского ордена Ленина Академического театра оперы и балета имени А. Малдыбаева, лауреат Государственной премии СССР Айсулу Токомбаева, на мой взгляд, почти не изменилась, стала только более сосредоточенной — все годы смотрела на мир, впитывала в себя его движения и краски. Он вошел в душу. И вместе со сценическим опытом стал источником вдохновения.

— ...Знаешь, у меня даже характер испортился, — жаловалась Айсулу во время подготовки к премьере балета «Макбет». — Ловлю себя на том, что стала безжалостной. Все видится в темном свете. Иногда кажется, что кругом враги, строятся какие-то козни...

Все ее успокаивали. Главный балетмейстер театра Уран Сарбагишев, постановщик спектакля, утешал:

— Ничего страшного: это Айсулу входит в роль леди Макбет. После премьеры все пройдет!

Так и было...

А как Айсулу стала балериной...

Однажды ее, ученицу фрунзенской школы № 2, спросили:

— Хочешь учиться в Ленинграде, в балетной школе?

Айсулу растерянно пожала плечами:

— Не знаю.

— А ты поговори с мамой! И приходи во Фрунзенское хореографическое училище — там будет набор...

Мама, солистка оперного театра, заслуженная артистка Киргизской ССР Мунжия Еркимбаева привела дочку на просмотр. В глубине души она, мечтавшая, что дочь будет пианисткой, надеялась, что для балета у Айсулу нет данных, повела, чтобы только девочка не плакала. Совершенно неожиданно педагоги-хореографы тепло оценили данные Айсулу.

— Приняли за красивые глаза! — смеется балерина. — В Ленинграде к моим талантам отнеслись сдержаннее. Я видела, что педагоги, члены комиссии не были от меня в особом восторге. А я привыкла быть всегда первой: училась в двух школах — общеобразовательной и музыкальной и везде была отличницей.

Первый год в Ленинграде был самым трудным. Непривычен был климат после благодатного тепла Киргизии. А главное — скептические взгляды преподавателей на заключительном туре... Но они-то и пробудили упорство, неожиданное упорство в двенадцатилетней девочке. И сразу учеба пошла успешней.

— Не знаю, хватило бы сил стать балериной, если бы не помощь педагогов. Евгения Марковна Межервицкая, Нина Алексеевна Железнова, Нина Викторовна Беликова, Марина Борисовна Страхова, многие другие преподаватели ленинградского училища — все они помогли мне поверить в свои силы, сделать первые, самые трудные шаги.

...И вот снова Фрунзе. Родной город. Зелень и тепло. И большая, заглавная роль в балете В. Власова «Асель».

А учеба все равно продолжалась! Ежедневно полтора часа «класс» — тренаж, обязательный для всех. Требовательность — порой до жестокости — педагога-репетитора Инги Евгеньевны Левченко. Каскад сложнейших движений, которые придумывал танцовщик, ныне балетмейстер Сарбагишев. Он поверил в неисчерпаемые возможности Айсулу Токомбаевой. И у нее так болели измученные мышцы, что она не могла спать ночами, но наступал новый день, начинался «класс», и забывалась боль. Оставался Балет...

— Все время трудно? — спрашиваю я.

— Ты спрашиваешь, трудно ли жить в балете?.. А мне другой жизни не нужно...

— Но ведь у тебя есть другая жизнь! Член партбюро театра, делегат комсомольских съездов...

— Но давай вернемся к балету. «Асель», это было началом. Дальше — сложней. Повесть Чингиза Айтматова «Тополек мой в красной косынке», по которой поставлен балет, я выучила наизусть. Ведь мне предстояло передать ее языком танца.

А потом новая вершина — «Материнское поле». И тоже по повести Айтматова. В минуты крайней усталости брала досада на Сарбагишева: вот задачки находит! А потом увлекалась...

— А классика? — говорю я. — Ведь здесь «Лебединое озеро», «Дон Кихот», «Спящая красавица», «Жизель», «Щелкунчик»...

— Тут трудности другие. До зрителя нужно донести образы во всей первозданной чистоте...

— А последний этап: «Томирис»?

— Ну уж последний! — возражает Айсулу. — Сарбагишев на этом не остановится... А нам с Базарбаевым опять предстоит работа!..

Чолпонбек Базарбаев, народный артист СССР, — постоянный партнер Айсулу с 1969 года. В их дуэте уживаются «вода и камень, лед и пламень». Импульсивность, взрывчатость Айсулу уравновешиваются спокойствием, мягкостью, интеллигентной деликатностью Чолпонбека.

— Кто же в вашем дуэте лидер?

— У нас нет лидера. Мы дополняем друг друга... И «Томирис» — это очень увлекательная работа! Сложная симфоническая постановка. В течение всего спектакля я нахожусь почти все время на сцене, и нельзя ни на секунду расслабиться... Когда танцуешь классику, можно выкроить минутку для отдыха: ведь большинство классических балетов построены как дивертисменты, там множество сольных номеров. А наши современные балеты танцевать сложно, иногда физически тяжело, но очень интересно.

Радует ответная реакция зрителей. Когда я на сцене, мне, кроме оркестровой ямы, ничего не видно, а из черноты зрительного зала идет нежная и теплая волна... Мистика? Нет, я физически чувствую эту волну и взлетаю на ее гребне.

Юрий РОМАНОВ

«МЕНЯ ВЛЕЧЕТ НЕИЗВЕСТНОЕ»

Ванда БЕЛЕЦКАЯ, специальный корреспондент «Огонька»

За окнами Министерства обороны Народной Республики Болгарии, где мы встретились с космонавтом Георгием Ивановым, зима мягко и сыро лежала на крышах. Однако разговор наш был полон весенних событий и того далекого апреля 1961 года, когда поднялся в космос первый человек Земли Юрий Гагарин, и более близкого от нас по времени апреля, когда, впервые побывал в космосе гражданин Болгарии Георгий Иванов.

Болгарский космонавт с гордостью показывает снимки, сделанные им из космоса. Очертания материков и океанов на голубоватом диске Земли тонут в черной, бархатной бездне. «У него еще нашлось время фотографировать?!» — невольно думаю я. И, словно угадав мои мысли, присутствующий при нашей беседе Цветан Цаков — товарищ Иванова, заместитель главного редактора болгарского журнала «Крылья» — спрашивает:

— Георгий, а тебе не кажется, что ты живешь вторую жизнь?

— Каждый летчик, а тем более каждый космонавт живет вторую, а может, и десятую жизнь,— спокойно отвечает Георгий.— Для нас риск — профессиональное качество. Ну, а что касается нашего полета с Рукавишниковым, то я испытываю моральное удовлетворение, сознание честно выполненного долга.— Он улыбается с обезоруживающей искренностью.— Хотя, конечно, я не буду утверждать, что благодарен судьбе за ту ситуацию, которую преподнес нам космос. Но надеюсь, я еще побываю на «Салюте».

Накануне беседы с Георгием Ивановым я была в Центральной лаборатории космических исследований Болгарской Академии наук. Заместитель председателя Национального космического комитета Болгарии профессор Димитр Мишев говорил: «Когда ученые считают эксперимент удачным? Тогда, когда он принес новые сведения, новые данные. В этом смысле полет Рукавишникова и Иванова был чрезвычайно удачен: он вскрыл некоторые неполадки и помог их устранить для будущих экспедиций на орбитальную станцию. Подобные знания всегда добываются с риском».

Интересно, что Мишев родился в том же городе, что и Иванов,— в Ловече, и отцы их жили на одной улице и в детстве играли вместе, но так случилось, что познакомился он с Георгием в Советском Союзе, в Звездном. «Георгий Иванов сейчас хорошо проявляет себя и как научный сотрудник, как исследователь,— рассказывал Мишев.— Он пишет интересную научную работу по дистанционному исследованию Земли из космоса.

Я знал, что и раньше Георгий Иванов думал заняться научной работой,— добавил профессор.— После возвращения это решение окрепло. И я думаю, он должен продолжать исследовательскую работу — ведь во время полета космонавт получил большой комплекс знаний. Георгий часто бывает в нашей лаборатории, когда мы разрабатываем новую аппаратуру, космонавт — всегда соавтор исследований».

Н. Н. Рукавишников и Г. Иванов в Центре подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина.

Фото А. Пушкарева (ТАСС)

И вот теперь я продолжаю разговор на ту же тему с Георгием Ивановым.

— Может быть, это и нескромно, но я согласен с Димитром Мишевым,— говорит Георгий.— Пока еще нет и не может быть рядовых, обычных космических полетов. Каждый приносит новое, поэтому работа космонавта всегда творческая, и в той или иной степени мы действительно являемся соавторами и ученых, которые готовят программу, и конструкторов, что создавали технику. Космонавт углубляет эксперимент, вносит в него, если можно сказать, свой, «космический» взгляд. Конечно, многое в космосе делают автоматы, но не могут они заменить человека. Самый простой пример: исследования из космоса Земли космонавт ведет творчески и даже более точно, чем автомат.

Во время нашего с Рукавишниковым полета мы изменили программу. Поняли, что нам не состыковаться со станцией, и встала проблема возвращения на Землю. Тогда мы оставили основной вариант работы и перешли на резервный.

Были еще чисто технические детали решений, которые мы с Рукавишниковым принимали во время полета. В основном, конечно, на него, Николая, легла вся тяжесть. С удивительным человеком я летал! Если бы выбирал сам себе командира, выбрал бы только его. У Николая Рукавишникова мышление ученого, и к тому же он ведет эксперимент с мгновенной реакцией на изменение обстановки. Спокойный, верный, мужественный. Говоря честно, никто из людей, с которыми я встречался, не оказал на меня такого влияния. Я вот часто думаю: каковы основные черты Николая? И пришел к выводу: те же, что у Гагарина,— они типичные русские, советские люди. Их лучшие черты национальные, хотя оба они не только сыновья своего народа, но и всего человечества.

— Вспоминаете ли вы Звездный?

— Нет, не вспоминаю,— смеется Георгий. И серьезно:— Вспомнить можно только то, что забыл. А Звездный, мои советские друзья продолжают жить во мне. Да и я сам живу теми же интересами, теми же чувствами, как тогда. Но, конечно же, хотелось бы чаще встречаться. Я думаю, что наше космическое братство — это нечто особое, может быть, это даже больше, чем братство по крови. И я мечтаю о создании организации (название не важно: клуб, секция), которая помогла бы нам встречаться чаще и ближе, чем на научных международных конференциях и съездах.

А Звездный стал, по существу, моим домом,— продолжает Георгий.— И родители мои тоже были там со мной, на время переселились из Ловеча.

— У Георгия замечательные родители,— говорит Цветан Цаков.— Помнишь, Георгий, когда ты окончил школу и пошел в летное училище, мама только сказала: «Летчик так летчик». Потом, узнав, что ты приступил к тренировкам для полета в космос, произнесла: «Космонавт так космонавт».

И оба весело хохочут.

«Ох, уж эти мужчины!— думаю я.— Никогда не понять им, даже самым чутким сыновьям, что скрывала за этой короткой фразой мать Георгия».

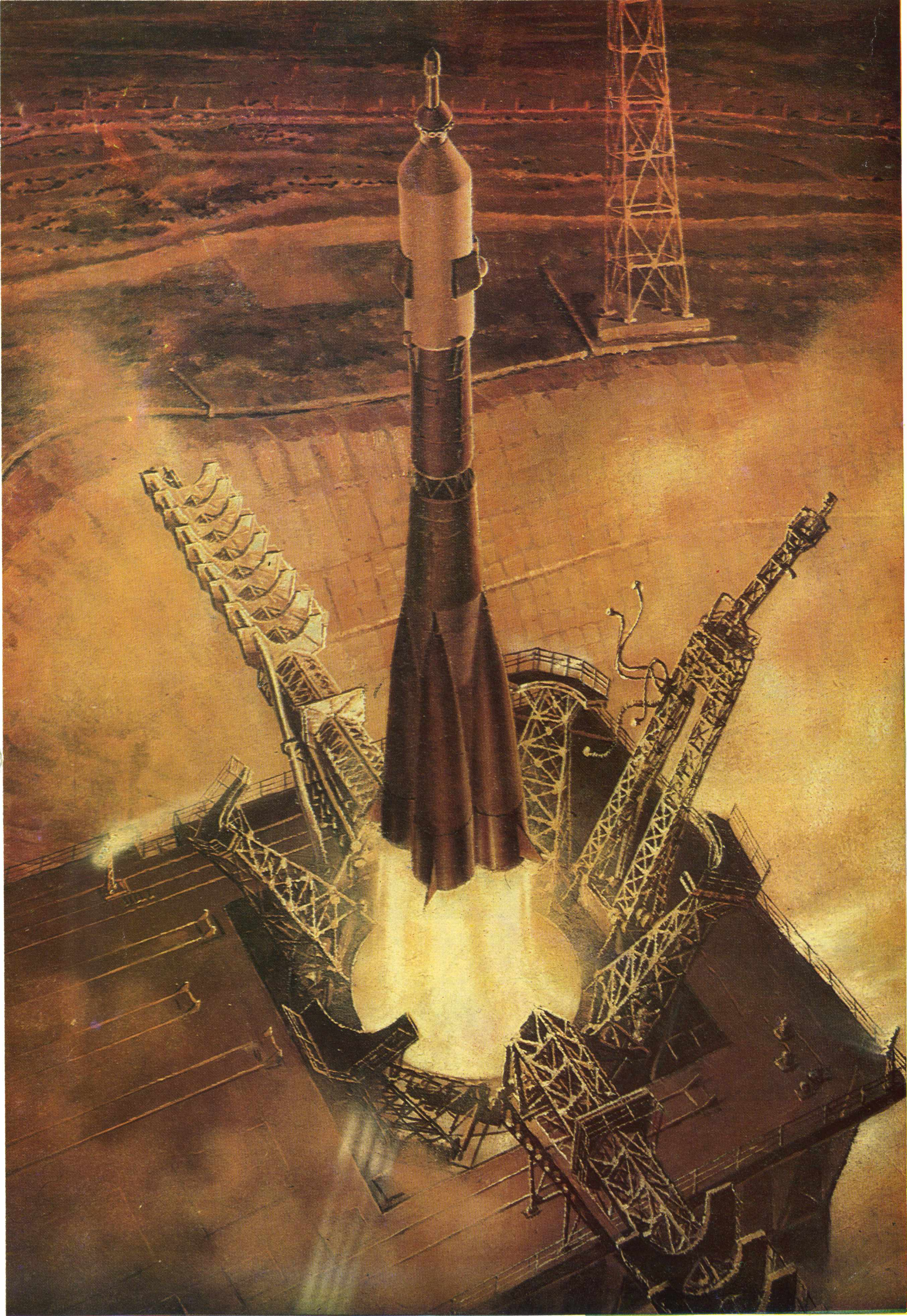
— Какие события в освоении космоса вы считаете самыми важными?

— Запуск первого искусственного спутника Земли, полет Юрия Гагарина, выход в открытый космос Алексея Леонова. Все эти эпохальные события подготовили и свершили советские люди, открывшие миру космос. Благодарное человечество никогда не забудет их подвиг. То, что именно Советский Союз взял на себя основную работу по совместному освоению космического пространства социалистическими странами, является продолжением этой политики, направленной на дело познания и мира. Благодаря этой политике развитие космических исследований в социалистических странах тоже получило мощный толчок. И я горд, что сейчас все больше включается в освоение космического пространства научно-технический потенциал моей Болгарии,— продолжает Иванов.— Вы были в нашей Национальной лаборатории космических исследований, она тесно связана с планами «Интеркосмоса», и знаете, какие работы ведутся под руководством академика Серафимова и профессора Мишева.

Особенно много совместных работ по плану «Интеркосмоса» выполнено на советских станциях «Салют-6» и «Салют-7». Взять хотя бы эксперименты «Дуга», «Спектр-15», «Сре-

А. Плотнов. Род. 1916. НА РОДИНЕ. 1982.

А. Соколов. Род. 1931. НОЧНОЙ СТАРТ.

Коллеги и друзья Г. Иванов (НРБ) и Б. Фаркаш (ВНР) на тренировках.

Снова в родном Ловече.

дец» — древнее название Софии. Аппаратура «Дуга» помогла дать объяснение непонятному ранее явлению, имеющему отношение к влиянию солнечной активности на Землю. Аппаратура «Спектр-15» применялась для определения из космоса загрязнений атмосферы Земли, поиска нефти и газа. А приборы системы «Средец» нужны для точного определения в полете психо-физиологических качеств космонавтов.

Ушел в космос спутник «Болгария-1300». Спутник предназначен для изучения магнитосферы и ионосферы Земли. Несколько ранее вышел на орбиту еще один спутник — «Метеор — Природа» для исследования Земли из космоса по этой же программе. Руководитель совместного проекта директор Института космических исследований АН СССР академик Р. З. Сагдеев назвал спутник «самым крупным, выдающимся научным проектом социалистических стран, разработанным в рамках программы «Интеркосмос». Задача была, чтобы спутник работал шесть месяцев, а он уже почти два года дает данные.

Сейчас под руководством советских ученых создается еще один интереснейший совместный проект — «Вега — Венера — Галлея». Через три года, в 1986 году, вблизи Земли появится таинственная комета Галлея. Она посещает нас раз в 76 лет. И, как сообщали летописи и легенды, раньше ее появление всегда связывали со всевозможными несчастиями. Ученые давно мечтают изучить эту комету. И сейчас впервые имеется этот шанс. Готовятся автоматические станции, которые пройдут мимо Венеры, от них отделятся спускаемые аппараты, которые продолжат исследования в атмосфере планеты. А затем, продолжая свое космическое путешествие, автоматические станции встретятся с кометой, пройдут через нее и передадут на Землю все, что узнают. Проект поистине грандиозный! Ученые могут получить сведения о составе протовещества, генезисе нашей планеты. Существует предположение, что у кометы Галлея два ядра. Станция, пройдя через комету, поможет ученым изучить ее состав.

Руководит проектом академик Р. З. Сагдеев. В работе принимают участие, кроме советских и болгарских ученых, исследователи социалистических стран и Франции, Австрии и ФРГ.

— А могли бы вы сейчас представить мир без запуска первого советского спутника, без полета Гагарина?— спрашиваю я Иванова.

— Все было бы как до спутника, до полета Гагарина. Даже невозможно подумать, скольких открытий и в космических и в земных науках человечество бы недосчиталось! Мне кажется, земляне еще не осознали, что значит для них этот рубеж. Больше, чем открытия Коперника, Галилея, Колумба! Стало другим все: наука, техника, человек, главное — философия, мировоззрение человека.

— Георгий, в одном из материалов журнала «Крылья» Цветан Цаков приводит такую вашу фразу: «Меня влечет неизвестное». Расшифруйте ее поподробнее...

Иванов задумывается. Перебирает лежащие на столе космические фотографии Земли. Затем говорит:

— Фразу эту, по существу, мог сказать каждый космонавт. Наверное, ее говорил и Гагарин. А может быть, в мире вообще нет человека, кого бы не влекло неизвестное... В детстве, например, я удивился: как, почему из радиоприемника слышатся музыка, слова? Для меня это было неизвестным. В шесть лет я свой первый приемник сломал, в восемь сам сделал из деталей приемник. Потом меня стала преследовать мысль: почему летают самолеты? Вернее, я знал, почему они летают, но все равно удивлялся. Фантастику читал взахлеб, но не вся литература такого рода мне нравится. Очень люблю Брэдбери. И Кларка. Брэдбери смотрит на космос как реалист и как художник. А Кларк — как ученый, его герои — космонавты будущего. Мне интересны оба подхода. Кое-кто из моих друзей считает, что фантастика — будущее литературы. Я думаю не так. Литература — прежде всего орудие познания души человека. Мне кажется, что фантастика — это будущее науки, будущее техники. Фантастика интересна, когда выходит из реальных основ науки.

Сам я мечтал стать моряком, но неведомых земель теперь не осталось. Вот и пошел в космонавты, там много неизвестного — Солнечная система, Вселенная,— с улыбкой говорит Георгий.— А сейчас понял, что не только космическое пространство, далекие миры нам неизвестны, но и Земля, если на нее взглянуть из космоса. Земля с высоты космического полета,— Иванов опять смотрит на фотографии,— что может быть красивее! Это мое самое сильное впечатление там, в космическом корабле. И беречь должны мы свою огромную и маленькую Землю, украшать ее, любить ее и тех, кто живет на ней. Любить и охранять — об этом тоже первым сказал людям Юрий Гагарин.

София — Москва.

КРОШКА ХЛЕБА

Мой дед часто рассказывал нам, детишкам, о силе насущного хлеба. Бывало, вся семья соберется за столом, он поучает: «Не будет в доме вдоволь хлеба — не будет на столе и мяса, молока, яиц, пирогов. Стало быть, не будет у человека силы, красы и разума». Потом собирал крохи со стола, клал в рот, приговаривал: «Вот, мой дорогой внучек, из каких крох состоит большой хлеб!»

Дедово напутствие принял я как святыню и дорожу ею, нося в сердце вот уже 65 лет. Трудиться на хлебной ниве начал сызмальства. Помню, подойдет отец на заре к моей кровати, толкает: «Костик, Костик, вставай, поедем пахать, пока муха спит...» А муха, правда, днем жизни лошадям не дает, особенно злым бывает овод. Лошади, тащившие плуг, шарахались от укусов, выходили из борозды, обрывали постромки, получались огрехи, а то убегали прочь, вырвав повод из рук погонщика.

Вот и приходилось подниматься в два часа утра и идти с отцом пахать землю под черный пар. Острие лемеха лезло в тело земли, отваливая набок глыбы пахучего чернозема. Лошади, посапывая, напрягали постромки, и хомуты поскрипывали в утренней тишине, как бы пели степную мелодию прилежному хлеборобу! Отец управлял плугом, а я, спотыкаясь босыми ногами о травянистые кочки, вел за повод лошадей Сивку и Мышку, строго по борозде, прикрикивая звонким голоском и постегивая слегка их кнутом.

Горизонт пылал огнем. Розовые блики слизывали темную кромку неба, освещая окрестные леса, горы, поля. Шел день. В эту пору меня одолевал сон. Я не успевал за лошадьми, и отец сажал меня на Сивку, приказывал не упасть лошадям под копыта. От качки я незаметно засыпал, снова пробуждался, но все же управлял лошадью.

Но вот красное солнышко окончательно вынырнуло из-за земли, посылая утренние, еще прохладные лучи на широкие степи. Запели петухи. Взвился в небо жаворонок. В хлеву замычала корова, вызывая доярку, ибо настало время доения.

— Шабаш!— воскликнул отец.— Поедем на завтрак и лошадей накормим. А вечерком еще попашем.

Дед уже ждет нас.

— Ну, внучек, как работалось на хлебном поле? Небось, уморился?

...Моего деда давно нет на свете. Но в сердце таятся золотые слова деда о крохе хлеба нашего насущного. Часто приходят они мне на память в дни посевной и уборочной страды, а особенно в часы семейных трапез. Я ветеран Великой Отечественной войны и труда. Как и все, в дни войны пережил много страданий, бед, видел и ужасы голодной смерти.

И сейчас, когда наблюдаю бесхозяйственное отношение к печеному хлебу или же зерну,— душа немеет. На городских свалках, в урнах вокзалов, скверах, на базарах вижу куски хлеба, выброшенные бездушной рукой.

Это еще не все... Я еще видел, как городские школьники пинали ногами полбуханки хлеба. Сейчас молодежь, особенно еще городская, не стремится быть хлеборобами — идти на колхозные нивы. И не знают и не хотят знать, как добывается та буханка, что они гоняют ногами по улице. Надо срочно менять такое отношение к хлебу, терпеливо объяснять, рассказывать, но не проходить мимо. Надо объявить бой равнодушию. Так думаем мы, старшее поколение.

К. ФИЛОНОВ

Пятихатки,
Днепропетровской обл.

1.

2.

1. В. И. Ленин и Д. Бедный на VIII съезде РКП(б). 1919 год.

2. Демьян Бедный.

3. Д. Бедный с сыновьями.

4. Е. Щаденко, Д. Бедный, В. Блюхер.

3.

4.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

В. П. РАКОВ,
доктор филологических наук, профессор

●

Ефим Алексеевич Придворов (таково подлинное имя поэта) родился 1(13) апреля 1883 года в семье крестьянина Херсонской губернии. В раннем возрасте, еще ребенком, вместе с отцом, служившим церковным сторожем, он переезжает в Елизаветград. О днях своего детства поэт вспоминал с тяжелой болью в сердце: «Жили мы вдвоем в подвальной каморке на десятирублевое отцовское жалованье. Мать с нами жила редкими временами, и чем эти времена случались реже, тем это для меня было приятнее, потому что обращение со мной со стороны матери было на редкость зверское». Окончив Киевскую военно-фельдшерскую школу и проработав несколько лет фельдшером в елизаветградских казармах, Ефим Придворов в 1904 году поступает на историко-филологический факультет Петербургского университета.

Большое влияние на будущего поэта оказали революция 1905—1907 годов и наступившая затем реакция («...Я растерял все, на чем зиждилось мое обывательски-благонамеренное настроение»). В 1909 году в журнале «Русское богатство», редактором которого был В. Г. Короленко, начали появляться первые поэтические произведения Е. Придворова. Но подлинным началом своей творческой деятельности поэт считал 1911—1912 годы, когда он становится сотрудником большевистских газет «Звезда» и «Правда».

Неоценимую роль в идейно-творческом формировании Демьяна Бедного сыграл В. И. Ленин. В ответ на пожелание поэта («Хочу непосредственно списаться с Вами») 5 декабря 1912 года В. И. Ленин, находившийся в то время в Кракове, писал: «Уважаемый товарищ! Спешу уведомить Вас, что письмо Ваше от 15 ноября 1912 г. получил... Мы были очень огорчены Вашим временным уходом из «Правды» и очень обрадованы возвратом... Были бы очень рады, если бы Вы теперь, проверив адрес, т. е. убедившись, что Ваше письмо дошло, написали поподробнее и о себе, и о теперешней редакции «Правды», и о ведении самой «Правды», и о ее противниках... Жму руку и шлю привет и за себя и за коллегу. В. Ильин».

Это, к сожалению, единственное из сохранившихся писем В. И. Ленина к Демьяну Бедному. Но и оно свидетельствует о том, сколь высоко ценил Владимир Ильич сотрудничество поэта в «Правде» и как огорчен он был временным уходом поэта из газеты.

Обращаясь по этому поводу в редакцию «Правды», В. И. Ленин писал: «Насчет Демьяна Бедного продолжаю **быть за.** Не придирайтесь, друзья, к человеческим слабостям! Талант — редкость. Надо его систематически и осторожно поддерживать. Грех будет на вашей душе, большой грех (во сто раз больше «грехов» личных разных, буде есть таковые...) перед рабочей демократией, если вы талантливого сотрудника не притянете, **не поможете** ему. Конфликты были мелкие, а дело серьезное. Подумайте об этом!».

Многие произведения Демьяна Бедного, опубликованные в «Правде» и в других большевистских изданиях, были созданы по просьбе или при поддержке В. И. Ленина, о чем поэт вспоминал впоследствии в стихотворении «В защиту басни»:

И можно ли забыть, чьим гением
                                                она
Была тогда оценена?
Чтоб я не бил по дичи мелкой,
А бил по зубрам бы, бродившим
                                        по лесам,
И по свирепым царским псам,
Моею басенной пристрелкой
Руководил нередко Ленин сам.

Так оно и было. Отвечая на просьбу В. И. Ленина написать сатирическое стихотворение на ликвидаторов, Демьян Бедный печатает в «Невской звезде» басню «Кашевары» (1912), в которой обличает меньшевиков: «Ох, ликвидаторы! Что долго говорить! Нам с вами каши не сварить!»

Тематика демьяновских басен была самой разнообразной. Поэт писал о царской цензуре («Азбука»), о рабочей печати («Газета», «Муравьи», «Цензор»), о социальном страховании («Щука и ерши»), о черносотенцах («Правда», «Убийца»), о штрейкбрехерах («Пес»), о буржуазной предвыборной демагогии («Гипнотизер»), о купцах и кулаках («Дерунов 1001-й», «Хозяин и батрак»), призывал рабочих и крестьян объединяться для борьбы с эксплуататорами («Голь», «Лапоть и сапог», «Кларнет и рожок»). В стихах Демьяна Бедного нашли отражение все наиболее значительные стороны политической борьбы того времени.

В речи на Первом Всесоюзном съезде советских писателей Д. Бедный говорил: «Я, как чернорабочий, не брезговал в работе никакой темой. Все шло на потребу времени и действия... Агитационное мастерство имеет свои законы. Агитатор бросает во вражий стан не розы, а разрывные снаряды. Чем удачнее, динамичнее снаряд, тем оглушительнее разрыв, тем на большее число осколков, поражающих врага, разрывается снаряд».

Поэтические снаряды Демьяна Бедного били в цель без промаха. Когда поэта однажды спросили, какое из своих стихотворений он считает наилучшим, последовал ответ: «И там и тут...» В нем всего лишь четыре строчки:

На фабрике — отрава,
На улице — расправа.
И там свинец и тут свинец...
Один конец!

Стихотворение, опубликованное в марте 1914 года в газете «Путь правды», не несло прямого призыва к борьбе с самодержавием, но объективно, всем своим содержанием оно воспринималось рабочими как боевой клич к решительному выступлению против царского правительства, убивавшего рабочих, травя их в ужасных условиях свинцовобелильных фабрик или свинцовыми пулями на улицах во время демонстраций («Один конец!»).

В. И. Ленин проявлял неизменный интерес к поэзии Демьяна Бедного. В 1913 году, после выхода в свет первого сборника басен поэта, Владимир Ильич в письме к А. М. Горькому спрашивал: «Видали ли «Басни» Демьяна Бедного? Вышлю, если не видали. А если видали, черкните, как находите». Он неоднократно обращался в своих работах к поэтическим образам Д. Бедного. Одно лишь стихотворение «Либердан», в котором поэт высмеял меньшевистских лидеров Либера и Дана, выступивших в канун Великого Октября за единство действий с буржуазией, В. И. Ленин использовал много раз, разоблачая Каутского, Троцкого и других предателей революции.

После победы Октябрьской революции и в тяжелые годы гражданской войны пламенное слово Д. Бедного приобретает новую силу и действенность. Большую популярность в народе, особенно среди воинов Красной Армии, получили его агитационные и сатирические произведения («Проводы», «На защиту Красного Питера», «Честь красноармейцу!», «Танька-Ванька», «Генерал Шкура», «Манифест барона фон Врангеля» и другие).

В годы гражданской войны Демьяну Бедному был предоставлен специальный вагон, в котором размещались его библиотека, пишущая машинка и все необходимое для работы. Поэт побывал на многих фронтах, встречался и беседовал с красноармейцами, читал им свои стихи. Советский народ никогда не забудет героического подвига выдающегося поэта, приравнявшего перо к штыку и помогавшего Красной Армии приблизить нашу победу над внутренним и внешним врагом молодой Страны Советов. В 1923 году за активное участие в гражданской войне Демьян Бедный был награжден орденом Красного Знамени.

Та поддержка и внимание, которые ему оказывал В. И. Ленин, многое значили для Демьяна Бедного. Они вливали в него свежие силы и воодушевляли на создание новых произведений. Но, оказывая поэту внимание и поддержку, Владимир Ильич был вместе с тем строгим и требовательным критиком. Ленинские оценки и замечания помогли Д. Бедному преодолеть отдельные промахи и заблуждения в творчестве. Он на всю жизнь остался благодарен Владимиру Ильичу, близкому другу, учителю и советчику. Свои мысли по этому поводу он выразил в стихотворении «Живой образ Ильича»:

Пишу — и думаю все время
                                        о нем,
Об Ильиче, судье взыскательно-
                                        строгом:
Прочтет он и весело прищурится
Или, задумавшись, нахмурится...
И стану я рисовать живей
Красоту подвига, бытовое
                                        уродство.
Во всем, во всем, даже в работе
                                        моей,
Отражалось ленинское
                                        руководство!

В 20-е годы, после успешного завершения гражданской войны, поэту приходилось не столько «рисовать красоту подвига», сколько обличать «бытовое уродство», доставшееся в наследство от частнособственнического уклада жизни дореволюционной России. И это тоже отвечало указаниям и призывам В. И. Ленина.

И если скажет кто затем,
Что я касаюсь «скучных» тем,
Что «где навоз — там нет
                                        геройства»,
Того я быстро излечу,
Послав на взбучку к...
                                        Ильичу,—

писал поэт в стихотворении «Моя отставка».

Большое место в творчестве Демьяна Бедного в восстановительный период занимают поэмы и фельетоны, посвященные борьбе с культурной отсталостью и суеверием, разоблачению религиозных пережитков в сознании людей и раскрепощению женщины («Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна», «Долбанем», «Кузькина мать», «Клятва Зайнет», «Ната» и другие).

Разоблачению империалистических замыслов, направленных против Советского Союза, посвящены стихотворные памфлеты Демьяна Бедного «Мистеру Чемберлену — мед заместо хрену», «Другу милому» и другие. Поэт призывал советский народ быть на страже завоеваний Великого Октября. И когда началась война, развязанная фашистской Германией, Демьян Бедный снова, как и в первые годы революции,— на передовой линии борьбы. Его сатира громит и обличает фашизм. Вот лишь некоторые из его произведений: «Драй петук!», «Гитлер и смерть», «Просчиталися!», «Счастливый Бенито», «Лютый зверь», «Подлую тварь — на фонарь!»... Неизбежность разгрома фашизма и нашей победы над ним Д. Бедный выразил еще в самом начале войны:

Пусть приняла борьба опасный
                                        оборот,
Пусть немцы тешатся
                                фашистскою химерой,
Мы отразим врагов. Я верю
                                        в свой народ
Несокрушимою тысячелетней
                                        верой.

Николай ЭНТЕЛИС

ТОВАРИЩ ДЕМЬЯН

«Я верю в свой народ...»
Д. Бедный

Ты верил в народ,
Коммунист и глашатай,
Стоял за рабочих,
Стоял за крестьян.
И верил в поэта
Народ наш крылатый,
Ильич в тебя верил,
Товарищ Демьян!

В сраженьях с фашизмом,
В боях на гражданской
Твой стих был бесстрашен,
И хлесток, и рьян.
На фронте, в тылу,
На тропе партизанской
Вселял ты отвагу,
Товарищ Демьян!

Когда ополчается
Наша сатира
На каждый порок,
Недостаток, изъян,
Когда обличает
Губителей мира,
Мы слышим твой голос,
Товарищ Демьян!

Шумят крестоносцы
В воинственном раже,
Забыв о могилах,
Где вырос бурьян...
Но вместе с народом
И ныне на страже
Правдист-агитатор,
Товарищ Демьян!

ИЗ НЕДР НАРОДА

Сергей ГОРОДЕЦКИЙ

В архиве С. М. Городецкого сохранилась статья о поэзии Демьяна Бедного, которая интересна и как свидетельство современника и как анализ проницательным критиком творчества поэта, вызывавшего немалые споры. Написанная около полувека тому назад, статья эта не потеряла своего значения и сегодня.

— Дайте мне какое-нибудь исследование о синтаксисе Демьяна Бедного.

Книготорговец (на развале) большой знаток книг, удивленно поднимает глаза.

— О синтаксисе Демьяна Бедного? Исследование? Нет! Синтаксис — это у Маяковского. Вот, пожалуйте, исследование профессора Арватова.

— Может быть, у вас найдется что-нибудь о поэтике Демьяна Бедного?

— Поэтика? Извольте! Профессор Шувалов и Никитина, тоже профессор. Серьезная книга. Вдвоем писали. Только поэтика — это, извините, у Блока.

— Ну, дайте мне какую-нибудь книгу или брошюру о лирике Демьяна Бедного.

— О лирике? Сколько угодно!— Он раскрыл веером целую стопку книг: — Только лирика — это же ведь у Есенина.

Он смотрел на меня уже довольно подозрительно — не издеваюсь ли я над ним, когда я задал последний вопрос:

— Может быть, вы дадите мне какое-нибудь исследование о пафосе революции у Демьяна Бедного?

— Пафос революции... Пафос революции...— засуетился он: — У кого же это?.. Вспомнил! Пожалуйте! Пафос революции — это у Всеволода Иванова! Так и есть! Правдухин пишет! Не годится? Простите! Если у меня нет, значит, и в Госиздате не найдете! Да как же так? И синтаксис, и поэтику, и лирику, и пафос революции, и все у одного Демьяна Бедного? Нет! Такой книги еще не написано! И не ищите! Каждому, знаете, свое. У кого синтаксис, у кого пафос! Надо же людям жить! И зачем все это Демьяну Бедному? Его и так читают.

«Моих читателей — сочти их! — миллионы, и с ними у меня эстетика одна» — в этой целеустремленной формуле Демьян Бедный точнее, чем все его критики, определил свое положение в современной литературе.

Его эстетика определилась двадцать лет тому назад.

Тогда появились первые басни Демьяна Бедного.

Тогдашние поэты уже приучили своего читателя к мистическому изображению в стихах рабочего, столь же похожего на реального рабочего 9-го января, как теперешний какой-нибудь «людогусь» похож на живого динамовца или прохоровца.

На фоне этой громокипящей поэзии простые рассказы Демьяна Бедного на темы, взятые из газет, прозвучали странным диссонансом. Некоторым эстетам введение в литературу разговорной речи показалось даже достаточно смелым новаторством. Лишь очень немногие отметили у нового поэта серьезные данные к большому будущему.

И действительно, читая теперь старые басни Демьяна Бедного, можно уже в них найти все основы его эстетики. Эти основы на всем протяжении работы Демьяна Бедного остались неизменными. Сам он так определяет их:

Еще, друзья, приметою
Отмечен я одной:
Язык, мое оружие,—
Он ваш язык родной.
Без вывертов, без хитростей,
Без вычурных прикрас,
Всю правду-матку попросту
Он скажет в самый раз.
Из недр народа мой язык
И жизнь и мощь берет.

Если это простое признание перевести на ученый язык, которым наши критики говорят о наших поэтах, дело представится не таким простым, а лаборатория Бедного гораздо более сложной, чем это принято думать.

М. Кольцов, М. Горький и Д. Бедный на совещании художественной интеллигенции. 1935 год.

Не знаю, ведет ли Демьян Бедный систематические записи народного говора во время своих постоянных скитаний, но для всякого его читателя несомненно, что у него на слуху огромное количество народных речений. Не скрывает он и своей любви к старым словарям, сонникам, письмовникам и т. п.

Но ведь если так, то, пожалуй, умелые стилизаторы тоже могут сказать массовому читателю: «Наш язык — ваш язык родной». Ведь у них-то на каждом словечке висит ярлычок: «сия дыня съедена такого-то числа», в таком-то селе, у такого-то охотника.

И все же их язык не больше чем коллекционирование бисера, литературное начетничество, а язык Демьяна Бедного — живой народный говор.

Разница между словом, подобранным начетчиками, и словом, пущенным в оборот Демьяном Бедным, такая же, как между гайкой, лежащей на полке в магазине, и гайкой, работающей на своем месте в машине. Начетчик берет слова, как окаменелость. Демьян Бедный ни на минуту не забывает, что живая речь — несущийся поток, отражающий каждое движение истории. Начетчики слагают из слов пустопорожние узоры. Демьян Бедный строит из слов машину, динамо, с приводным ремнем к тому пункту жизни, который нужно двинуть.

Орнамент начетчиков вытерпит какую угодно вычуру или выверт — это даже требуется для орнамента. Целеустремленный стих Демьяна Бедного, как хорошая машина, не допускает ничего лишнего, праздного, бездельного. Вот в этом своем качестве язык Демьяна Бедного вплотную сходится с живым говором, всегда всю красоту ставит себе на потребу — в этом основной закон его эстетики.

Думается, что ни один писатель не имеет такого широкого и свободного словаря, как Демьян Бедный. В основную массу среднерусского наречия он легко вплавляет и все новые словообразования революционных лет и все бытовые речения, характерные для той или иной классовой прослойки, часто он заставляет играть поновому умершие слова, часто создает новые слова. Тут же надо отметить его умение пользоваться суффиксами, префиксами, как могучим рычагом оживления слова.

То, что составляет неотъемлемую принадлежность письма очень многих наших писателей, и то, что старые грамматики называли «украшающим эпитетом», то есть беспричинное расцвечивание плохо найденного слова то ли для размера, то ли для «красоты», Демьяном Бедным отвергается с упорной настойчивостью. Его эпитет скуп, неожидан и прилипчив: не оторвешь.

Голос поэта слышней всего в его образах. Про свой голос Демьян Бедный как-то обмолвился, что он у него «глухой, надтреснутый, насмешливый и гневный». Из этих четырех определений вполне приемлемы только два последние.

Откуда же Демьяну Бедному слышатся в его стихах глухота и надтреснутость? Не думается, чтобы он ставил себе в упрек отсутствие у себя бальмонтовской или кирсановской гитарности. Тут дело в другом.

Когда захочет, Демьян Бедный может показать свое мастерство в любом размере (взять хотя бы триолеты «Нэпграда»), но вкусы его лежат к наименее олитературенным формам. Можно было бы ждать — и в эту сторону клонится дальнейшее формальное развитие Демьяна Бедного,— что поэт, так смело нашедший себе язык, обойдется более решительно и с существующими стихотворными канонами, но до сих пор мешало ему в этом то, что его поэзия не кабинетное изобретательство, а «подвиг ежедневный».

И все же строчку Демьяна Бедного сразу отличишь от строки любого старого, даже наиболее близкого ему поэта, скажем, Некрасова. Отличает ее та динамика в интонациях, в нюансах, в подчеркивании произношения, которой пользуется Демьян Бедный для приближения своего стиха к живой речи и для которой он не жалеет никаких типографских значков и сигналов.

Определения «насмешливый и гневный» далеко не исчерпывают всех доступных Демьяну Бедному жанров. Мы не затруднимся определить все его творчество одним словом л и р и к а. Ведь в лирику входит вся гамма человеческих чувств от смеха до гнева, от нежности до боевого пафоса, и всю эту гамму мы найдем у Демьяна Бедного. Его мало знают как поэта «Печали» и стихов о детстве, но он даже в самых широких своих, эпических полотнах остается лириком: брюсовского бесстрастия у него не найти ни в одной строчке. Таким и должен быть поэт современности.

Нам осталось коснуться только одной еще формальной стороны творчества Демьяна Бедного — композиции. Здесь, конечно, Демьян Бедный должен быть признан первоклассным мастером. У него есть два любимых приема: ход от противоположного (типичен «Андрон Непутевый») и логическое доведение до абсурда (типично «Евангелие» и газетные четверостишия). Но и вне этих ходов любое его стихотворение всегда построено, развито и заключено. Таково непосредственное влияние прямой идеологической линии всего его творчества.

Но говорить об идеологии Демьяна Бедного — это значит говорить об идеологии тех масс, для которых он работает, говорить об его тематике — это значит говорить об истории Октябрьской революции — и то и другое выходит за пределы этой статьи.

Нужно сделать только один вывод: если звание народного артиста у нас еще не окостенело и не превратилось в нечто вроде чина действительного статского советника, то звание народного артиста слова, то есть народного поэта, по праву принадлежит Демьяну Бедному.

<1925>. Публикация Р. С. ГОРОДЕЦКОЙ

СЛУЖУ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ!

10 АПРЕЛЯ — ДЕНЬ ВОЙСК ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ

На позицию... Фото В. ЛЕОНТЬЕВА

ОХРАНЯЯ МИРНЫЕ РАССВЕТЫ

Беречь Отчизну... Что может быть выше и почетнее этой обязанности? В числе тех, кому доверена честь стоять на страже мирного созидательного труда советского народа,— воины войск противовоздушной обороны. В их руках, образно говоря, находятся ключи от неба нашей Родины.

Особенно ответственная задача возложена на войска ордена Ленина Московского округа ПВО. В любую погоду, днем и ночью, как часовые на посту, они несут неусыпную боевую вахту, ратным трудом своим продолжая и приумножая славные традиции старших поколений.

Первые страницы боевой летописи войск противовоздушной обороны Москвы были написаны в годы гражданской войны и интервенции, когда немногочисленные подразделения зенитных батарей и авиационных отрядов открыли счет сбитым самолетам.

В годы Великой Отечественной войны доблестные воины истребительной авиации, зенитной артиллерии и ВНОС покрыли себя неувядаемой славой, сорвав попытки гитлеровцев подвергнуть Москву разрушению с воздуха. 1305 фашистских стервятников было уничтожено в небе столицы.

Родина высоко оценила подвиги защитников воздушных просторов Москвы. Всей стране хорошо известны имена капитана К. Титенкова, лейтенантов В. Талалихина, А. Катрича и многих других воинов, удостоенных высокого звания Героя Советского Союза.

Ныне под овеянными славой боевыми знаменами частей Московского округа ПВО несут службу сыновья и внуки тех, кто отстоял столицу в лихую военную годину.

Будни защитников воздушных рубежей Отчизны заполнены нелегким ратным трудом. Высочайшая ответственность требует от них полной самоотдачи, напряжения всех сил, а порой и героизма.

В мирное время за мужество, проявленное в критической ситуации, был удостоен звания Героя Советского Союза полковник И. Жуков. Высокими правительственными наградами отмечены успехи в службе многих других воинов.

Советские люди могут быть спокойны: небо над их головой под надежной охраной.

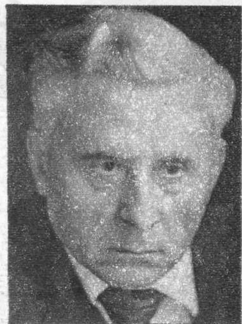
Ю. ПАВЛОВ,
старший лейтенант

После полета. В центре — майор В. Кузнецов.

Анатолий **КАЛИНИН**

КУРГАНЫ НАД ДОНОМ

●

Не терзай ты понапрасну
Рифму бедную, придет
К предназначенному часу
Та, что музою слывет.
Не зови ее, не требуй,
Ей одной известен срок,
А настал — и прямо с неба
Муза сразу на порог.
И тогда уже, как птица,
За спиной твоей она
Неотступно будет виться
От рассвета до темна.
Все, что грезилось, подскажет,
Все, что брезжило, найдет,
Не предаст, и не откажет,
И с намека все поймет.
Будет верною до гроба,
Но и ты, смотри, творец,
Ни враждой своей, ни злобой
Не сожги ее венец.

●

Когда с раскатами прощальными
От гор отчалила война,
Над бухтой утренней миндальная
Сквозь гарь проклюнулась весна.
Мы много брали городов,
Но в этот, пеплом занесенный,
Внесли гвардейские знамена
Сквозь строй бушующих садов.

●

От века в век, от века в век,
На вид приметливый не очень,
В степи известен тем кермек,
Что он цветет уже под осень.
Еще тогда, когда простор
Ногайским гиком оглашался,
Он на кургане, как костер,
Огнем небесным возгорался.
И в судный день издалека
С родного Дона, из тумана
Звездою синей казакам
Светил он Разина Степана.
Он не померк, он не померк,
Вот и теперь в степи ненастной
Один-единственный кермек
Зацвел на кладбище солдатском.

●

Михаилу Сербичу

В старом доте, рухнувшем под
танком,
В крошеве могильном и в пыли
Пулемет — грозу фашистов —
станковый
Следопыты юные нашли.
Прикрывая конематок переправу,
Целый день без отдыха «максим»
На откосе пьяную ораву
Раскаленным лезвием косил.
Клокотала, в гривы заплетая
Синеву донскую навсегда,
И все та же самая, донская,
Клокотала в кожухе вода.
А когда последний жеребенок
Переправился на берег тот,
Замолчал, под танком
погребенный,
Безымянный боевой расчет.

●

Не желая под старость придурком
У станичников наших прослыть,
Только ночью в простреленной
бурке
Я рискую теперь выходить.
Только мне на январском морозе,
Под ногами гремящем, как жесть,
Выжимая из памяти слезы,
Пахнет дымом косматая шерсть,
Только мой с переметными
сумами
Мчится конь с серебристой уздой.
...Хорошо о товарищах думать
До утра под высокой звездой.

●

Саше

Из юности бурной,
Из самой войны
Женщина в бурке
Глядит со стены.
И днем неотлучно
Меня стережет
И ночью вдруг жгуче
Глазами сверкнет.
Чужая и близкая,
Та и не та,
С замерзшей улыбкой
Надменного рта.
Нашла, безусловно,
Художника кисть
В ее родословной
Внезапный каприз,
Когда из тумана
Ворвался в роман
С рязанскою Анной
Поляк Юлиан.
Тогда же назначив
И мне в эту смесь
Добавить казачью
Любовную песнь —
Для той, что, как радость,
Явилась сквозь дым,
Едва не украдена
Кем-то другим,
Для той, что, из ниши
Подавшись слегка,
Потомственной Мнишек
Глядит свысока,
Победно-печально
Глядит со стены
Из рамы овальной
Глазами войны.

●

Опять я карту старую ищу
С маршрутом красным на зеленом
фоне,
Уехать с Дона страстно я хочу,
Чтоб вновь грустить безудержно
о Доне.
Незаменимая краса родимых мест,
С которой сросся я до слез,
до боли,
Так за зиму, бывает, надоест
И так до смертной скуки
намозолит,
Что та же радужная птица
свиристель
Под настроение по странной
связи,
Мгновенной вспышкой озарив ель,
Напомнит вдруг о Крыме и
Кавказе.
Без тайны красоте не уцелеть,
Привычному нельзя без
обновления.
И, чтобы в старом новое узреть,
Оно должно явиться с отдаления.
Вот так и буду до последних дней,
По кругу неизбежности вращаясь,
Бежать весной я от любви своей,
К своей любви под осень
возвращаясь.

●

Однажды, в ударе,
Разбрызгало море
Вокруг Ореанды
Рубин и агат...
Лозой благодарной
На каменном взгорье,
Свиваясь в гирлянды,
Пророс виноград.
А вот и очам
Из сиреневой дымки
Отлился в награду
Божественный вид:
Неся на плечах
Обнаженных корзинки,
Из моря бригада
Встает Афродит.

●

Александру Суичмезову

От друга старого, как ласка,
Пускай приветствиям не в счет,
К тебе с высот Новочеркасска
Поклон из юности придет.
И пусть твоей взгрустнувшей музе
Опять при огненной звезде
Паек приснится кукурузный
И первый трактор в борозде.
И вновь из утренней заметки
Воскреснут вместе на века
И ранний рокот пятилетки
И древний цокот Ермака.

●

Внучке

Опять синицы прилетели
Кормиться к дому моему,
Но что-то нету свиристели.
И я не знаю почему.
Или отныне край отлетный
Ее навек приворожил?
Или охотник беззаботный
На спор с друзьями подстрелил?
Или теперь в избытке пищи
В лесу холодном и нагом?
А может, стыдно ей, как нищей,
С утра маячить под окном?
Напрасно с коркою румяной
Я на ступеньки выхожу,
Напрасно в мареве багряном
За каждой тенью я слежу.
Не виден крыльев шелестящих
Знакомый просверк золотой...
Скорей, Наташа, возвращайся
С прекрасной птицею домой.

ПРАВДИВЫЙ

Александр Испольнов. «Мед великанов». М., «Современник», 94 с.

Николай Никишин. «Метель на хуторе», М., «Современник», 64 с.

МОЛ

РАССКАЗ О ЖИЗНИ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ

«В жизни нации 60 лет — весьма незначительный срок. Однако за 60 лет СССР прошел путь от сохи до космических станций».

«Ни одно европейское государство не испытало что-либо соизмеримое с ценой тех жертв и разрушений, которые вынес Советский Союз, потерявший 20 миллионов человеческих жизней в борьбе против фашизма».

Эти два высказывания взяты из выступлений председателя Общества британо-советской дружбы У. Вильсона и заместителя лидера совета Большого Лондона И. Харрингтона на открытии фотовыставки ТАСС «СССР — 60 лет», недавно с успехом демонстрировавшейся в крупнейшем концертном зале английской столицы «Ройял фестивал-холл».

Около 300 цветных и черно-белых снимков фотокорреспондентов ТАСС из всех союзных республик рассказали о жизни нашей страны, о мирном, созидательном труде советских людей, о братской дружбе и плодотворном сотрудничестве народов СССР, о последовательной миролюбивой внешней политике Советского государства.

Экспозиция, вызвавшая большой интерес широких слоев местного населения, была организована по инициативе Общества британо-советской дружбы и совета Большого Лондона. За две недели выставку посетили более тридцати тысяч человек. Вот лишь несколько записей, оставленных в книге отзывов:

«Прекрасная выставка, которая дает англичанам редкую возможность познакомиться с жизнью Советского Союза.

К. Кларк».

«Будучи в Советском Союзе много раз и имея там большое количество друзей, подтверждаем, что эта фотовыставка является правдивым рассказом о жизни советских людей. Да здравствуют мир и дружба между советским и британским народами!

Ф. Смит,
К. Хоу».

«Все, что здесь показано, является правдивым рассказом об огромных достижениях в развитии страны и процветании советского народа. Это, несомненно, дает большие надежды народам всего мира, которые борются и будут бороться, несмотря на саботаж и пропаганду. Бесспорный факт, что никто не сможет скрыть истинную правду. Я желаю вам всяческих успехов в борьбе за мир.

В. Масточхилл».

«Эта выставка еще раз приводит к мысли, что силы мира и гуманности превосходят силы разрушения и насилия. Она убеждает в том, что настанет день, когда все люди планеты будут жить в мире.

Рикардо Фигуэра».

Живой интерес посетителей вызвала организованная на выставке передача текущей информации ТАСС, демонстрировавшаяся на видеомониторе, установленном в выставочном зале.

Большим спросом пользовалась распространявшаяся на выставке литература о различных сторонах жизни нашей страны, выпущенная издательством агентства печати «Новости».

На снимке: в залах выставки.

Фото В. Кошевого

ОДЫЕ ГОЛОСА

Не так уж много времени прошло после VII Всесоюзного совещания молодых писателей, а на книжных полках любителей литературы появилось достаточное количество томиков прозы, поэзии, критики с именами его участников. К успешным дебютам можно отнести и первый сборник стихов Александра Испольнова «Мед великанов».

В название книги автор вынес слова из своего стихотворения «Поэзия», которым открывается сборник.

Поэзия — мед великанов,
Ни с чем не сравнимый мед.

Именно великанов, для духовных карликов, людей злых и завистливых поэзия горька и, мало того, по образной мысли автора:

Целебный для великанов —
Смертельный для карликов мед.

И не только поэзия, но и все настоящее искусство, призванное к жизни и утвержденное ею.

Поэт пишет о весенней поре, встреченной под древним Загорском, его вдохновляют памятники Ленинграда, картины природы и, конечно, образ любимой. И все же главной в сборнике является тема истории Родины, культуры, человечества. И далекие предки русичей: Боброк, и Владимир, и Сергий Радонежский, и тысячи, тысячи воинов, одолевших врага на Куликовом поле. И Ермак с Хабаровым, которые прошли по пространствам Сибири, «чтоб мускульной стала Россия... чтоб три океана послушно легли у ее берегов». Поэт обращается к древнегреческим образам-легендам — Прометею и Одиссею, к таким известным именам наших современников, как Рихард Зорге и Тур Хейердал.

Думается, программными для А. Испольнова являются такие строки:

Я пью за тех, кто выстоит
в беде,
Плывет в мертвящей ледяной
воде,
Кто в яхте, перевернутой
вверх дном,
Карабкается к днищу с топором,
За тех.
Кто, землю потеряв свою,
Сражался и погиб в святом бою,
Кто, ненавистью укрепив сердца,
Отстреливаться будет
До конца.

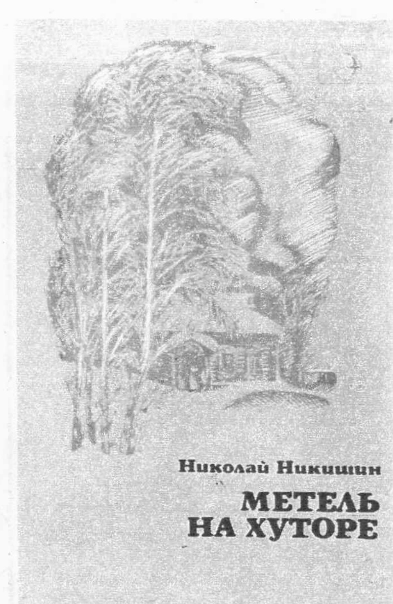
Отчетливы и громки полемические ноты в стихах Испольнова, и это, думается, идет не от молодой запальчивости, а от уже сформировавшегося характера человека, который знает, что отстаивать, за что бороться и что надо беречь.

Если для «Меда великанов» Александра Испольнова характерно публицистическое начало, то сборник другого молодого поэта, Николая Никишина, «Метель на хуторе», — книжка «негромких» лирических стихов.

Достаточно легко определить генезис лирики Никишина. Ближе всех предшественников ему С. Есенин и Н. Рубцов. Но сколь бы ни была сильна традиция, она ничто, если в стихах поэта не слышны новые звуки, если новые чувства и мысли не владеют поэтом. И приятно, что Никишин смог найти свой, именно ему присущий тон, сумел выразить свое отношение к жизни и миру. Точный взгляд, внимание к детали, очень личное, я бы сказал, «домашнее», ощущение природы — вот характерные черты поэзии Никишина.

Осенние заводи в лиственном
тлене.
В березовых стойлах стога
у проток,
И в сердце моем, словно
в розовом сене,
Тоска задрожала, как черный
щенок.
На заводях темных оставлена
мета:
То ночь навострила свои
топоры,—
И всплески на просеке лунного
света —
Как будто горят и сгорают
костры.

Станислав Куняев, предваряя своим словом книгу Никишина, точно определил суть его таланта: «У Николая Никишина «легкое дыханье». В его стихах живет упругое лирическое и одновременно целомудренное чувство, и это целомудрие, свойственное юности, делает светлым внутренний драматизм жизни, который он так же постоянно ощущает».

Первые сборники Николая Никишина и Александра Испольнова в целом удались, хотя, конечно, и не лишены недостатков. Так, скажем, у А. Испольнова стихи порой умозрительны, посвященные искусству, поэзии, они, что называется, не обеспечены достаточным запасом чувства. Иные строки очень неудачны. Такие, например: «И некуда себя девать, и одного хотелось мне бы — лежать на крыше и плевать в астрономическое небо» (?).

Подобные промахи тем более обидны, что вслед за подобными строками идут настоящие, сильные.

Николаю Никишину хотелось бы пожелать более смелого расширения тематических границ.

Но все-таки, повторим, сборники удачны, в этом можно полностью согласиться с Михаилом Львовым и Станиславом Куняевым, давшими хорошую оценку стихам молодых поэтов в предисловиях к книжкам «Мед великанов» и «Метель на хуторе».

Мы вправе рассчитывать и на продолжение знакомства с А. Испольновым и Н. Никишиным и будем надеяться, что оно будет столь же интересным, как и первая встреча.

Ник. ГОРБАЧЕВ

Платон
ВОРОНЬКО

МОЙ ДОМ

Тебе, мой дом,
Жилье родное,
Стихами должное воздам...
Зависло облачко льняное
За стеклами оконных рам.
Шпиль тополиный, шпиль зеленый,
Когда листы его звенят,
Коснется вдруг плиты
балконной —
И Костик-внук ужасно рад,
Что тополь четырехэтажный!
Под нами — наш Хрещатый яр,
Везде каштаны с тенью влажной
Взошли на светлый тротуар.
Левее — площадь, Бессарабка.
И станция метро видна:
Из-под земли, как чудо-шапка,
Приподнимается она.
А вон гостиничное зданье
На Черепановой горе.
Над крышей алое мерцанье
Не гаснет о ночной поре:
Мол, нет здесь лайнерам посадки.
Мол, нет свободных номеров!..
Вон яблонь старенькие остатки,
След бывших киевских дворов.
Другие окна. Зелень та же.
Наш дворик, к гаражу гараж.
И вновь отель, и видно даже:
Гостей-туристов, их багаж
Развозят лифты в «Украине»
Чуть не до самого утра.
Я по-хозяйски горд: ведь ныне
Наш Киев краше, чем вчера.
Пусть убедятся в этом сами
Друзья, гостящие у нас!
Рассвет. Запахло пирожками:
В кафе пекут их в ранний час...
А вот с гранита, с постамента,
Где тополя стоят в строю,
Ильич
Людей всех континентов
Приветствует в моем краю.
Люблю и чту свой дом, который
Дарован мне страной, людьми,—
Дом, где, считай, полвека скоро
Живу с открытыми дверьми.
А что же та седая хата,
Истлевшая в тоске немой,
Где песни мне певал когда-то
Мой берест — брат зеленый мой?
Тот уголок со мною связан,
Как корень — с деревом живым!
Он вместе с детством в сердце,
в разум
Ростком пробился межевым —
Мой дом в Чернетчине,
на Ворскле
Да на Ковальском том горбе,
Где ссохлись яблоньки, померзли,
Где пни — как плач по их судьбе.
И сам я плачу, вспоминая,
Как вдаль мечта меня влекла,
Как на руки земля родная
Взяла — и сыном нарекла.
Когда подумаю: «Я дома!» —
Ковальский холм, Хрещатый яр
Со мною.
Это всем знакомо.
Родимый дом — бесценный дар.
Он как залог надежды, веры,
Он дорог мне —
Что там, что тут...
...Через Крещатик пионеры
С цветами к Ленину идут.
Внучата. Эстафета жизни.
Он здесь, их дом — купель тепла.
Их на руки взяла Отчизна
И сыновьями нарекла.

Перевел с украинского
Валентин КОРЧАГИН.

ВЗМАХ АЛОГО ФЛАЖКА

● НА ТРАССЕ УРЕНГОЙ — УЖГОРОД.

● ТРУБА УХОДИТ ПОД ВОДУ.

Михаил ЩУКИН,
фото Геннадия КОПОСОВА,
специальные
корреспонденты «Огонька»

Толстые стальные тросы, человеческие нервы — все было натянуто до крайнего предела. Рев моторов глушил все иные звуки. А на огромном пространстве буйствовал резкий, злой ветер, швырял заряды мокрого, тяжелого снега. Горизонт затянуло белесой мутью, и невысокое солнце едва маячило стертым, размазанным пятном.

Но люди не чувствовали ни ветра, ни снега. Их взгляды были прикованы к длинной железной трубе и к деревянному помосту, где стоял с красным флажком в руках главный инженер Евгений Фаттахович Максутов.

И вот долгожданная команда — взмах красным флажком. Еще громче взревели трубоукладчики, туже, до звона, натянулись тросы, внутренне подобрался и напрягся каждый человек, который находился здесь сейчас. Длинная тяжелая труба, словно живая, ворочаясь и скрипя, медленно, неохотно уходила под воду, чтобы соединить своими концами обские берега. Два с лишним километра — таковы размеры самой длинной стальной подводной нитки на всем протяжении экспортного газопровода Уренгой — Помары — Ужгород.

Протаскивание дюкера — подводной части трубопровода — венчало труд многих людей. Если вернуться на полгода назад... Впрочем, трудно даже представить, что еще в августе прошлого года не было здесь ни техники, ни поселка. А была лишь большая поляна, расчищенная от тайги, да звучное название давно разъехавшейся деревни — Андра... Сюда, на глухой обский берег, и прибыли рабочие второго участка специализированного управления подводно-технических работ № 10 треста «Сургутподводтрубопроводстрой».

Им нужно было построить промышленную базу, жилье, начать подготовку к протаскиванию дюкера — все на голом месте. Руководить этими работами пришлось молодому прорабу Олегу Васильеву. «Северный» стаж у выпускника Новочеркасского политехнического института невелик — три года. Но на севере, в сложных условиях, год можно считать за два.

Грязь на вырубленной поляне была по колено. Но времени на сетования не оставалось. Уже через несколько недель после высадки первого десанта на поляне появились домики, устанавливали электростанцию, оборудовали котельную. Все нужно было успеть сделать до наступления холодов. И перед началом зимних морозов в вагончики были поданы свет и тепло.

...В октябре на баржах начали прибывать трубы. Теперь главное слово было за сварщиками. С первых же дней звено, которым руководит Анатолий Зверев, взяло высокие темпы. Валерий Полянский, Николай Ступин и сам звеньевой ни разу не уходили от трубы, не выполнив норму. Но, кроме темпов, требовалось еще и особое качество — даже самая малейшая неточность уже считается браком. Две с лишним сотни стыков сварили. Контролировали их самыми современными приборами и проверяли водой под высоким давлением — ни одного случая брака!

Анатолий Зверев — опытный трассовик. Десять лет трудится на нефте- и газопроводах и шесть из них — на Оби. Так что с сибирской рекой породнился крепко, как и со своей профессией.

...Труба медленно двигалась по траншее, прорытой по дну реки. Трубоукладчики, поддерживая ее многотонную тяжесть, иногда даже отрывались одной гусеницей от земли, как нагибается человек, несущий в руке тяжелую ношу. Команды летели по рации с одного берега на другой, и взгляды по-прежнему были прикованы к невысокому деревянному помосту, где стоял Евгений Фаттахович Максутов,— к алому флажку в его руке. По команде трубоукладчики все ближе и ближе подходили к берегу, и все дальше продвигалась стальная труба. Люди и машины работали в едином напряженном, слаженном ритме.

Сторожким взглядом улавливая сигналы флажка, замер за рычагами машинист трубоукладчика Вячеслав Леонтьев. Его машина, тяжело подминая гусеницами перемешанный с песком снег, вместе с другими метр за метром продвигалась вперед, подтаскивая на тросах трубу к широкой майне, над которой кружился легкий парок. В эти минуты ни о чем постороннем, отвлекающем Вячеслав, наверное, не думал. Это уж потом он скажет, что одиннадцать лет назад и сейчас он испытывает все то же удовлетворение, когда еще одна река остается пройденной. А их в свои тридцать три года Вячеслав прошел уже с добрый десяток.

Обо всем он расскажет сыну, который вырос на трассе и дело отца знает не понаслышке — в кабине трубоукладчика не новичок, даже умеет рычагами работать. Несколько лет назад Вячеслав увез свою семью в Томск, получил там квартиру, но долго не продержался, снова махнул на север.

Еще не раз и не два придется услышать от этих людей с прокаленными ветрами и стужей лицами о том, что у трассы есть свой невидимый, но сильный магнит.

— Я ведь тоже уезжал, все говорил: точку ставлю,— обстоятельно и неторопливо рассуждал на эту тему степенный украинец Иван Артеменко, старшина водолазной станции.— Ну и вот, опять тут. Как увидишь по телевизору север, заболит душа, заноет.

От водолазов на прокладке дюкера зависит очень многое — за ними все подводные работы. Только они могут сказать, как легла труба в траншею, только они могут сделать и многие другие дела, опускаясь под лед. Для них неширокая майна — как проходная на рабочее место. Медленно передвигая ногами, на которых галоши со свинцовой подошвой, Иван Артеменко идет к ней. А его товарищи Юрий Равинский, Леонид Михалко и Владимир Шляхтицкий остаются наверху. Так уж устроено в водолазном деле: тот, кто уходит под воду, доверяет товарищам, оставшимся наверху, свою жизнь.

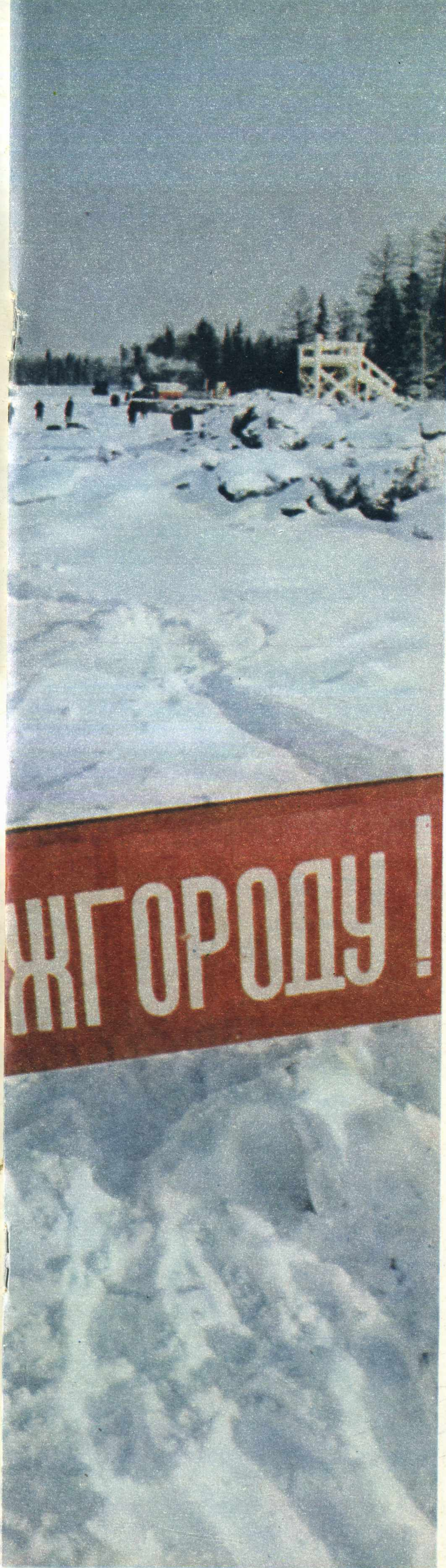
...Совсем немного оставалось пройти трубе. И тут один трос все-таки не выдержал, лопнул.

Но труба двигалась. И вот уже, растолкав воду, она показалась тяжелым оголовком, сгребая песок со снегом, поползла на пологий, заранее подготовленный берег. Взмах флажка, вздох облегчения, и неожиданная, оглушающая тишина. А следом дружное «ура!» надтреснутых от мороза голосов. Труба мирно и покойно, пока еще в тросах, лежала на дне Оби, соединяя собой ее берега.

Старшина водолазной станции Иван Артеменко. * Стальная нить магистрали начинается на стенде поворотной сварки.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Через минуту водолаз спустится под лед * На трассе газопровода проложен дюкер через Обь * Машинист трубоукладчика Вячеслав Леонтьев.

Через Обь — к У

ЖГОРОДУ !

Чужое оружие

Владимир КАШИН

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

III

Когда Коваль возвратился в райотдел, в его кабинете оказалась еще одна анонимка.

На этот раз письмо подложили под самую дверь, и Дмитрий Иванович чуть не наступил на него.

Подняв конверт, от которого остался на пыльном полу заметный прямоугольник, Коваль решил, что пролежал он здесь не меньше суток.

Подполковник распечатал конверт, достал белый лист бумаги с наклеенными снова с помощью пинцета буквами из газеты и прочитал: «Их было двое! Чепиков не виноват!! Очевидец».

Та самая манера клеить буквы, то самое, казалось, содержание, что и в первой анонимке, те же неровные буквы и, наконец, тот же стиль. Но сейчас было что-то новое и, возможно, наиболее значимое: автор объясняет, кого именно он имел в виду в первом послании, когда писал: «Их было двое». Его утверждение, что подозреваемый Чепиков не виноват, давало возможность под словом «двое» понимать двоих: Марию Чепикову и Петра Лагуту. Да и тон анонимки на этот раз был несколько иной — настойчивый, даже категоричный. В конце предложения автор не поленился наклеить и знаки восклицания.

Но как это Мария Чепикова и Петр Лагута могли быть оба виноватыми?

И почему в таком случае они убиты?

Не могли же они покончить самоубийством!

И. почему этот таинственный «очевидец» продолжает оставаться неизвестным?

Впрочем, следует ли вообще ему верить и принимать во внимание его письма?

Подполковник подумал о том, что таинственный корреспондент в первом случае знал, когда его, Коваля, не будет в гостинице, а на этот раз выбрал подходящий момент, чтобы подсунуть письмо. И где подсунуть?! Подумать только! Не в номере гостиницы, а в служебном кабинете, в помещении милиции!

Было чему удивляться!

Кто мог знать, что Коваль уехал в Черкассы? Кто наблюдал за ним?..

Убийство Марии Чепиковой и Петра Лагуты, раскрытие группы расхитителей в Черкассах, странные анонимки,— а что если в этих, казалось бы, разных событиях взаимосвязь?

Продолжая рассматривать письмо, поворачивая лист бумаги в руке, Коваль поднес его к окну. Буквы как буквы. Клей как клей.

Потом Дмитрий Иванович поднял на вытянутую руку письмо и стал разглядывать его на солнце. Он заметил под буквой «о» что-то странное, словно под наклеенным квадратиком газетной бумаги оказалась лишняя черточка или точка. Это его заинтересовало.

Он достал из тумбочки стола электрокипятильник, налил в стакан воды, воткнул прибор в розетку и стал ждать. Когда вода закипела, Коваль подержал письмо над паром и осторожно отклеил букву «о». Так и есть! Под ней, словно заноза, застряло крохотное инородное тело. Не надо было и экспертизы, чтоб расшифровать находку. Это была плоская чешуйка ярко-розового перламутра. Маникюрный лак! И высокого качества.

Итак, женщина. Поистине неожиданность!

Очевидец — женщина?! Ганна Кульбачка отпадает — во-первых, потому что давно уже находится в камере предварительного заключения, а во-вторых — это уже и не столь важно,— руки у нее не ухожены и вряд ли знали маникюр. Женщина... Женщина...

И почему сама не пришла, эта неизвестная женщина, почему присылает письма таким таинственным образом?! Может, кого-то боится?

Снова вопросы и вопросы... один вытеснял другой, и Коваль не мог остановиться на каком-то одном.

IV

Мария тихонько открыла дверь и медленно переступила порог. Входила осторожно, словно в чужой дом. Так постепенно все здесь становилось для нее чужим. Пока жили с Иваном душа в душу, дом радовал, а теперь и стены, возведенные его руками, и вещи в комнатах стали не только постылыми, но и ненавистными.

Раньше беспокоилась, когда Иван долго не возвращался с поля, тосковала, боялась, чтоб не забрел на «дубки», просила Ганку не давать ему вина. Теперь даже радовалась, если не заставала мужа в хате.

Не зажигая огня, Мария прошла в соседнюю комнату. Сегодня Иван был дома и, как частенько за последнее время, спал на диване в горнице. Дышал он тяжело, с присвистом, от его дыхания в комнате чувствовался легкий запах перегара, к которому Мария никак не могла привыкнуть.

В спальне зажгла свет. И здесь ей все показалось чужим.

Мария подумала, что надо приняться за работу, которую взяла в ателье. Она вернулась в большую комнату, освещенную отблесками света, падающего из спальни, посмотрела на открытую швейную машинку с оставленным на ней платьем, включила маленькую лампочку над ней и, усевшись на стул, взяла платье в руки. Так и сидела какое-то время. Шить ей не хотелось.

За спиной, как и прежде, тяжело дышал во сне ее муж.

Неужели это тот человек, за которого она выходила замуж с такими надеждами? Она еще раз придирчиво оглядела с ног до головы мужа, стараясь отыскать дорогие ее сердцу черты.

Иван продолжал храпеть. Неожиданно он застонал во сне и что-то пробормотал, при этом рука его немного приподнялась с пола и тут же упала, ударившись о доску.

Мария подошла к дивану и вдруг увидела у него под боком пистолет, который, по-видимому, выпал из пиджака. При слабом освещении комнаты черная полированная сталь сверкала матовым блеском и наводила страх.

Женщина замерла: «Откуда? Где он его взял?! Зачем?»

Потом испугалась еще сильнее: «Для кого же он его приготовил? Неужели для Петра?» Да кто знает, куда с пьяных глаз он может нацелиться?!

Неумело и осторожно взяла пистолет за ствол. Парабеллум оттягивал руку зловещей тяжестью.

Чепиков сердито заскрежетал зубами. Мария вздрогнула. Пистолет был последней каплей в той чаше горечи, которая переполняла ее за последнее время, и удушливая волна обиды захлестнула Марию: за что ей такая судьба — и увечье, и старый муж, пьянчуга, и не познала счастья материнства... Как будто она кем-то проклята!

Неожиданно возникла мысль: взять бы за рукоятку, нажать на курок и покончить сразу со всем. Господь уже давно ждет ее. Но она осторожно опустила руку с пистолетом, подумала другое: «Закинуть куда-нибудь?» И снова сомнение: «Проснется Иван, увидит, что нет пистолета... Тут уж не до шуток будет!»

Завернув пистолет в платочек, она оглянулась. Помотрела на старый сундук, где хранилось разное барахло, подошла к нему, подняла крышку и положила пистолет на самое дно.

Потом какое-то время Мария неподвижно стояла около сундука и краем глаза наблюдала за мужем. Чепиков продолжал тяжело храпеть. Тогда она опустила крышку и быстро отошла от сундука.

Прошло еще некоторое время. Чепиков начал дышать ровнее, видно, кошмары перестали душить его и он уже спал спокойнее; глубокие морщины на лице немного разгладились, и оно приобрело спокойное выражение. Страх у Марии проходил, теперь ей стало жаль мужа, который беззаботно спал. И она подумала совсем о другом.

Вспомнила, каким был Иван несколько лет назад, подтянутым, проворным, казалось, совсем не ощущал ни своих лет, ни ранений.

Вспомнила о том времени, когда Иван всегда торопился к ней... Она и сейчас видела его сияющее лицо и смущенный взгляд.

Тогда и Мария чувствовала такое же тяготение к Ивану, и ей так хотелось быть как можно красивее. С отчаянием всматривалась она

Продолжение. См. «Огонек» №№ 6—14.

в большое поцарапанное зеркало шкафа, разглядывая свое несколько перекошенное от постоянного прихрамывания тело. Всегда грустные серые глаза теперь сверкали радостно, приятно оживляя невыразительное вытянутое лицо. Она даже злилась на мать, которая запустила ее болезнь в детстве. Потом в конце концов поняла, что в этом просто-напросто виновата война. Да и после войны нелегко жилось на селе.

Мария была бесконечно благодарна Чепикову за его преданность. Она понимала, что любит он ее не из жалости, что любовь эта настоящая. И ей отчетливо представились первые дни их семейной жизни: как носил Иван цветы в больницу, как строил хату, как любил разговаривать с ней, как берег ее, не разрешая браться за трудную работу.

Мария встала со стула и, наклонившись над Иваном, осторожно подняла лежавшую на полу руку.

Чепиков повернулся к ней, что-то пробормотал. Марии даже показалось, что он улыбнулся — наверно, видел приятный сон.

Она подумала, что судьба ее и обидела и осчастливила: и увечьем наделила и замуж отдала за хорошего человека.

Мария села на диван у ног мужа. Перебирая в памяти всю свою жизнь, старалась разобраться, с чего же все-таки начались неполадки в семье.

Шаг за шагом вспоминала каждый день их совместной жизни: мертвый ребенок, врачи, утраченные надежды и опять обретенная вера.

Эту уверенность давал ей брат во Христе Петр. Он научил ее молитвам, он открыл ей глаза и распахнул ее душу богу. Брат Петр хотел «очистить» и Ивана, но тот отказался от благодати.

Она вспомнила, как приносила домой разные книги, которые давал брат Петр. Но муж не только не хотел их читать, а даже смеялся над ними и выбрасывал их. Тогда и началось отчуждение.

Ей долго не верилось, что они стали чужими людьми. Еще надеялась, что ссоры Ивана с ней и с матерью, его враждебность к брату Петру, весь тот ужас, среди которого жила,— кошмарный сон. Сильней всего ощущалось это по утрам, когда после ночного забытья, прежде чем окунуться в горькую действительность, она долго не приходила в себя... Но потом словно снова пробуждалась, и это возвращение к действительности было много тяжелее, чем обыкновенная физическая слабость тела, не отдохнувшего за ночь...

В чем виновата она перед Иваном? Ни в чем! Откажется она от низменной жизни и станет с ним жить в братском согласии, названой сестрой, а не супругой.

Мария посмотрела в угол комнаты, где стоял сундук, и помрачнела. Что же ей теперь делать? Куда девать эту страшную игрушку? Отнести брату Петру? Выбросить? Спрятать от мужа и от всех людей?

Она не знала, как поступить, тяжело вздохнула и, опустившись на табуретку и скрестив руки на коленях, тихо заплакала... Это были слезы беспомощности и отчаяния, но они облегчали душу — лились обильно, без боли...

V

На этот раз Коваль решил допросить Чепикова в камере. Спустился на первый этаж, в комнату дежурного по райотделу, откуда обитая железом дверь с маленьким решетчатым окошком вела к двум изолированным камерам. В одной камере вот уже в течение недели находился Иван Чепиков, в другой — Ганна Кульбачка. Нарушители общественного порядка, задержанные во время патрулирования на улицах райцентра, теперь находились в комнате дежурного.

Дежурный доложил, что всю ночь Чепиков не спал, метался по камере, стучал в дверь, но ничего не просил.

Перебирая в памяти события прошлого, Чепиков постепенно начинал понимать то, что раньше ему казалось необъяснимым. Он всегда удивлялся, почему Лагута, подчинив себе Марию, старался стать и его наставником. Если сосед просто влюбился в женщину, то зачем ему нужен был ее муж? Почему он так настойчиво ходил за ним, так терпеливо сносил все его грубости, успокаивая добрыми, елейными словами?

Только ли огород был этому причиной? Вряд ли. Ведь и огород он уже собрался отдать Степаниде.

А может, потому Лагута все ему прощал, что он был в Вербивке во время боев и люди, тогда еще живые, могли рассказать о темных делах божьего человека?

Вслушиваясь в звенящую тишину камеры, Чепиков вдруг понял: просто Лагута его боялся! И не Маруся была нужна ему, а больше всего он, Иван Чепиков, бывший воин, человек, который во время войны имел право покарать своей рукой, а теперь — поставить его перед лицом правосудия. Именно поэтому он стремился сделать его своим братом во Христе, послушным духовным рабом.

Кривая улыбка скользнула на тонких губах Чепикова. Парадокс состоял в том, что Лагуте нечего было бояться его. Ведь он не располагал никакими доказательствами о предательстве Лагуты, разве что мог повторить слухи. В те дни, когда Лагута творил свои темные дела, сам он, тяжелораненый, лежал в селе в лихорадочном бреду.

Вот уже семь дней и семь ночей не покидала Чепикова обжигающая сердце мысль: кто же свершил суд над Лагутой? Кто еще, кроме него, полившего своей кровью эту землю, имел право покарать Лагуту?

Но почему вместе с Лагутой погибла и Маруся?

И Чепиков снова и снова напряженно думал и в который раз спрашивал себя: «Неужели этого никто в милиции не понимает: ни Литвин, ни Бреус, ни даже Коваль?»

И вот, словно молния, вспыхнула в его возбужденном мозгу новая мысль: а не «братья» ли во Христе все это сделали?! Не они ли наказали его, Чепикова, за то, что он боролся за Марусю и не захотел принять их лжи?.. Но тогда почему они подняли руку и на «брата» своего?

И как попал к ним пистолет? Не отнесла ли им Маруся?

От этих мыслей, слившихся в одну душераздирающую боль, стало мучительно невыносимо, и Чепиков вскочил с нар и принялся колотить кулаком в дверь.

Когда прибежал помощник дежурного, Чепиков уже сидел с закрытыми глазами, вцепившись пальцами в склоненную голову. Сержант спросил, почему он поднял шум. Подозреваемый ничего не ответил, только застонал, и сержант, пожав плечами, закрыл дверь.

...Войдя в камеру, подполковник Коваль одним взглядом окинул и серые стены, и толстую решетку на высоком окошке, и стол с табуреткой, наглухо прикрепленные к полу, и бледное лицо подозреваемого.

У Чепикова, как показалось подполковнику, в его воспаленных от бессонницы глазах появился испуг и тревога. Но во взгляде подозреваемого была только отчужденность и печаль.

«Что с ним? — подумал Коваль.— Боится?»

Дмитрий Иванович решил, что Чепиков слишком поздно осознал все, что произошло. Сразу после ареста он находился в трансе, а потом, словно оглядываясь назад, ужаснулся и попытался покончить с собой.

— Ну вот что, Чепиков,— произнес подполковник, усаживаясь на табуретку и жестом приказывая дежурному выйти.— Мы должны передать ваше дело в прокуратуру. Время дознания ограничено. Но я все же хочу еще раз поговорить с вами,— добавил Коваль, вглядываясь в бледное лицо Чепикова.— Собранных нами доказательств вполне достаточно, чтоб предъявить вам обвинение. Но если вы считаете себя невиновным, помогите мне, дайте возможность это доказать.

Слова подполковника звучали чистосердечно, и Чепиков, движимый чувством благодарности, отвернул лицо, скрывая выступившие слезы. У майора Литвина, а также у других работников райотдела подозреваемый симпатии, конечно, не вызывал. Особенно после попытки покончить с собой. И, наверное, только Коваля не оттолкнул отчаянный поступок подозреваемого, а даже, наоборот, заставил еще внимательнее к нему присмотреться... Но чем он, Чепиков, может помочь? О какой возможности идет речь? Не издевается ли подполковник над ним, лишив свободы?

Чепиков огляделся по сторонам, словно хотел еще раз убедиться, что он в камере, откуда уже ушло солнце, оставив один лишь хмурый, серый камень.

— Ответьте еще на несколько вопросов, Иван Тимофеевич,— произнес Коваль.— Я жду от вас чистосердечных и точных признаний.

— Я уже все сказал... А вы держите меня за горло и не хотите искать настоящего убийцу,— с горечью ответил Чепиков.

— Какой интервал был между выстрелами? — невозмутимо продолжал подполковник.

— Интервал?

Чепиков наморщил лоб. Ну вот, пожалуйста, от него ждут ответа на какие-то пустяковые вопросы... И в самом деле, это просто издевательство!

— Один за одним...

— А если поточнее? — терпеливо спросил Коваль.

— Может, полминуты, не знаю... На второй выстрел я уже выбежал из хаты. А первый меня только разбудил.— Снова вспоминая ту страшную ночь, Чепиков в сердцах махнул рукой.— Ну что вы в конце концов от меня хотите? — Он зло посмотрел на Коваля.— Ни к чему все эти расспросы. Я уже сто раз одно и то же повторяю. А вы снова пытаете. Зачем?

И Чепиков на мгновение поднял лицо, искаженное мучительной гримасой, и в отчаянии крепко обхватил голову.

— Да вы ж правду не говорите, Иван Тимофеевич, а она нужна всем нам,— укоризненно заметил подполковник.— А вам, кстати, больше всего.

Чепиков посмотрел на подполковника в упор и спросил:

— Так почему ж до сих пор не нашли, кто убил?

У Чепикова задрожали пальцы, а потом его вдруг охватил такой же озноб, как во время прошлого допроса.

— Лагута имел оружие?

— Не знаю! Не видел, не знаю! — В голосе подозреваемого уже слышались истеричные нотки.

— Успокойтесь,— властно приказал Коваль.— Он мог найти ваш пистолет? Вспомните, где вы его уронили?

— Что Лагута! Сдался мне ваш Лагута!.. Скажите лучше, кто Марусю мою убил? — И Чепиков снова до боли сжал руками виски.— Ведь у нее и врагов-то не было. Никому зла не делала. Я все время думаю: кто это сделал? И зачем? У вас я тут с ума сойду!..— Чепиков снова окинул взглядом стены и, казалось, уже бессвязно продолжал: — Я каждый день ее терял понемногу... Она уходила от меня, как вода сквозь пальцы. Я понимал, что все это может плохо кончиться, но не в силах был что-либо изменить. И потому меня сжигала тоска!.. Да разве вам понять?.. Такое надо самому пережить...

От волнения Чепиков начал заикаться.

Коваль не перебивал его. Подполковник понимал, что нервная дрожь Чепикова — это не страх перед наказанием (таких на своем веку он повидал немало), а боль человека, который глубоко страдает. И это вполне понятно, даже если он в порыве ревности сам выстрелил в свою супругу.

— Сколько раз я просил этого Лагуту... И ее, Марусю, и Степаниду Яковлевну... А они опять за свое: «Пойдем к Петру, он молится за нашу семью, хочет, чтоб и у нас, как у людей, был ребенок...» Если бы к Ганне не повадился... Мне бы еще раз с Марусей поговорить, теперь я ей, наверное, все объяснил бы. Много я понял... Сам во многом виноват... Очень виноват!.. Понимаете? — сокрушался Чепиков, глядя на подполковника.— Что стоит огород, брань Степаниды Яковлевны, да и сам Петр с его богами по сравнению с жизнью моей Маруси! Ведь до встречи с нею не было у меня счастья!.. Ну, а теперь мне уже все равно. Жить? Зачем? Теперь я уже старый, слишком старый...

Чепиков осунулся в эти несколько дней. Он заметно похудел, отчего морщины еще глубже обозначились, уголки рта опустились.

Коваль сегодня допрашивал Чепикова не так, как всегда, когда опирался на факты, которые были против подозреваемого. И он был бы

бесконечно рад, если бы вдруг факты стали недоказуемы и этот человек с запавшими глазами, сидевший сейчас перед ним, оказался бы невиновен. Здесь словно все время только тем и занимались, что собирали факты, обвиняющие Чепикова, и никто не искал тех, которые оправдывали бы его.

А подозреваемый, забывая, где он находится и с кем разговаривает, только и знал, что рассказывал о своей супруге, о том, как благодарен ей, откуда у него и силы брались, как все спорилось в его руках: и хату построили и совместную жизнь наладили.

Все, что в свое время не успел сказать Марии, что только здесь, в камере, до конца осознал и понял, он излагал сейчас постороннему человеку...

— Любить — это прекрасно, но хочется быть и любимым,— запальчиво продолжал Чепиков.— И мне повезло. Ведь вышла за меня Маруся по любви, девчонкой. И вот сейчас я все время думаю, за что мне было такое счастье, чем заслужил его, почему не оправдал? Как же я мог стрелять в нее? Не понимаете! Считаете, из-за ревности? — продолжал он уже с горьким сарказмом.— Не ревновал я ее. Это было другое. Отрешилась Маруся от меня, от людей, от самой жизни отрешилась, и я вовремя не увидел... Не понял и того, как нужен ей был ребенок. А тут еще и мать и Лагута со своими обещаниями. Вот и затянули ее в глупую веру, да так, что потом о ребенке позабыла и думать, на глазах таяла, как свечка. Во всем Степанида Яковлевна обвиняла меня, дескать, без бога живу. Да если бы не я, то он, Лагута, совсем бы сожрал их...

Серые стены камеры в отделении милиции, наверное, никогда не слышали таких страстных признаний в любви, исходящих из уст подозреваемого. И Ковалю они не показались странными; наоборот, он все глубже убеждался, что не мог Чепиков стрелять в жену, что на этот раз произошло нечто исключительное, событие, которое не подходит под обычную мерку, редчайшая трагедия, которую невозможно вместить в статью уголовного кодекса. Дмитрию Ивановичу ничего другого не оставалось, как продолжать поиски, до самых мельчайших подробностей сопоставлять факты, чтоб увидеть полную картину и тем самым раскрыть истину.

— Вы говорили, что Петр Лагута вмешивался в вашу семейную жизнь? Зачем это ему понадобилось?

— Мстил он мне.

— За что?

— Да за все. За мое счастье. И за то, что ненавидел его и при каждом удобном случае открыто ему говорил. Как вспомню войну, своих погибших товарищей, так бы и порешил такого гада. Отсиделся за спиной у немцев, пятки им лизал, а пришли наши — прикинулся дурачком, юродивым, в яме прятался, корни жрал, словно зверь лесной... А потом вон какую махину поставил возле нашей хаты и людей стал с истинного пути сбивать... Я видел, что и Марусю тащит он за собой, понимал, что пропадет она из-за него, а ничего не мог поделать. Однажды взял пистолет — он у меня был припрятан в надежном месте, думал застрелить и не смог... То было на войне... А сейчас зайца или птицу и то не могу убить,— произнес Чепиков.— Он хоть и вражина, а все же человек.

— Давно у вас с Лагутой такие отношения?

— Давно. С тех пор, как я поселился у Степаниды Яковлевны. Он мне сразу не понравился.

— Ваша теща всегда дружила с Лагутой?

— Давно. После освобождения отсиживался Лагута в лесу, пока война не закончилась. В селе не появлялся. Долгое время никто о нем не знал. По-моему, Степанида Яковлевна и подкармливала его, стирала белье... Пока не появилась на селе Ганна Кульбачка.

— А почему вы не обратились к властям? — строго спросил Коваль.— Пришли бы к нам...

— Не было точных фактов и документов, гражданин подполковник. И свидетелей нет в живых. А Степанида Яковлевна — какая с нее польза! Она ни слова не скажет против Лагуты. Да и у меня, не скрою, сомнения закрадывались.

— Проверим,— сказал Коваль.— Но сейчас мы устанавливаем другое: кто же все-таки

убил Лагуту и вашу супругу. Все факты против вас. И они будут вас обвинять до тех пор, пока мы не отыщем пистолет. Пистолет нам необходим. Он или обвинит вас, или оправдает. Или — или... Так где же все-таки он, Иван Тимофеевич?

Чепиков сник.

— Я уже много раз вам говорил,— тихо произнес он,— не знаю, не помню!.. Все время думаю об этом, а припомнить никак не могу,— признался подозреваемый, и Коваль понял, что Чепиков говорит правду.

— Если не Рось, так где же?

— Верба там...— медленно припоминал Чепиков.— Да, верба. Я побежал и натолкнулся на нее... По лицу ударила ветка... Может, там я его и обронил... Нет, пистолета тогда не было у меня в руках.

— От речки вы побежали снова в лес?

— Этого не помню...— сказал Чепиков и тряхнул головой.

— Ну, что ж, Иван Тимофеевич,— заключил Коваль.— Поедем еще раз и на Рось и в лес...

После беседы с Чепиковым Коваль на несколько минут заглянул в камеру к Ганне Кульбачке.

Он задал ей несколько вопросов.

— Какой был интервал между первым и вторым выстрелами?

— Да никакого,— угрюмо ответила женщина.

— А если точнее?

— Ну, может, прошла минута, не больше... Не смотрела на часы, не знала, что станете интересоваться.

Продавщица заметно изменилась и даже постарела; она уже приготовилась к самому худшему и, казалось, смирилась со своей участью.

Коваль понял, что наступившая у Кульбачки депрессия пройдет, как только выяснится тяжесть ее преступления. После суда она быстро оправится и приживется в любом новом месте, даже в исправительно-трудовой колонии, как приживается везде бурьян. Она и там найдет местечко потеплее.

— В тот вечер, восьмого июля, когда вы шли от Лагуты, никого не заметили во дворе?

Кульбачка покачала головой.

— А у Чепиковых?.. Ведь заборчик там низенький, все видно.

— И там как будто никого не было.

— Ни Ивана, выходит, ни Марии?

— Я не приглядывалась.

Ответ Кульбачки не удовлетворил Коваля. Ничего больше не спрашивая, подполковник вышел из камеры, и дежурный закрыл за ним дверь.

На улице стояла невыносимая жара. После камер, освещенных лишь тусклыми отсветами дневного света и таким же слабым электрическим, после полуподвальной прохлады человек оказывается будто в другом мире. Укрываясь от жаркого солнца, Коваль быстрыми шагами пересек двор и поднялся на второй этаж к майору Литвину.

Он уже нашел ответ на самый важный вопрос. Если при первом знакомстве с трагедией в Вербивке люди и события виделись ему неясно, то теперь, точно в отстоявшейся воде, он отчетливее распознавал очертания трагедии и всех ее участников.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

I

Откинувшись в кресле, Коваль раздумывал над выводами эксперта о кусочке лака, найденном в клее на анонимном письме, как вдруг услышал в коридоре шаги Зои Анатольевны. Он сразу ее узнал по легкой и в то же время ровной походке.

Коваль улыбнулся: сегодня у капитана не было времени ни победать, ни поужинать, и он уже представил сцену, которая сейчас произойдет в кабинете начальника уголовного розыска.

Зоя Анатольевна прошла в кабинет мужа, а Коваль снова задумался о выводах эксперта.

Как и предполагал Коваль, кусочек засохшего лака для ногтей был производства польской фирмы «Поллена». Отпечатки пальцев на конверте и на самом письме подтверждали, что к бумаге прикасались женские руки.

Коваль распорядился проверить, когда продавался в районе лак этой фирмы. Вскоре ему доложили, что такого лака ни в галантерейных магазинах, ни в аптеках не было уже больше года. Розыск автора анонимки, казалось, заходил в тупик.

В таких случаях Коваль всецело отдавался интуиции. Он полагался на свой инстинкт — шестое чувство, которое постоянно развивалось в нем, возможно, благодаря профессии.

Впрочем, слово «инстинкт» он не особенно любил и обычно говорил: «чувство», «предчувствие», «предположение». А предположение он считал проявлением особой веры в себя, в свои силы, в свою правоту. Предчувствие — отнюдь не божий дар. Оно безошибочно, если подкрепляется опытом, знанием конкретных обстоятельств. В ином случае оно бессильно и может увести с правильного пути. Если бы спросили у Коваля, каким образом у него возникает это самое предположение, предчувствие, он не смог бы объяснить. Просто, когда оказывался в тупике, им овладевало сильное волнение, которое неожиданно, порой совершенно необъяснимо разряжалось предположением, как появлялась среди ночи молния — сначала далекая и невыразительная, потом ослепительно яркая.

Сейчас, рассуждая о женщинах, об их увлечении косметикой, он подумал о супруге своего коллеги — капитана Бреуса, о том, как тщательно ухаживает за своими руками Зоя Анатольевна, и, когда услышал, что она выходит из кабинета, неожиданно для самого себя вскочил, быстро распахнул перед нею дверь. Поздоровавшись, взял ее под руку, завел в свой кабинет и усадил на стул возле стола.

— Ну как, накормили «ребенка»?

Зоя Анатольевна, немного смутившись, улыбнулась.

Коваль сел на свое место, достал папиросу и, спросив разрешения, закурил. Он еще и сам не знал, зачем пригласил к себе супругу капитана. Он поступил машинально, подчиняясь скорее своей внутренней потребности.

Не понимая поступка подполковника, женщина выжидающе смотрела на него.

— У вас очень красивые руки,— произнес Коваль, тактично выпуская дым в потолок.— Вы, по-видимому, за ними хорошо ухаживаете.

Теперь в глазах Зои Анатольевны стала заметна растерянность. Всем своим видом она, казалось, спрашивала у Коваля, что значат все эти разговоры и к чему они. Ведь не собирается подполковник ухаживать за ней?

— Где вы достаете такой чудесный лак? — спросил Коваль.— Это польский, наверное, «Поллена»?

— Да,— ответила женщина.

— Даже у нас, в Киеве, он не всегда бывает...— сказал Дмитрий Иванович.— Я хотел для своей Ружены достать.

Насторожившаяся было женщина сейчас, казалось, снова успокоилась и сникла.

— К сожалению, у меня только один флакон, и тот кончается. Мне приятельница из Польши привезла.

— Ну что ж, обойдемся...— произнес медленно Коваль.— А «Поллена» — фирма отличная, и ее очень легко узнать.— Теперь он уже знал, почему его заинтересовала Зоя Анатольевна. Не торопясь подполковник достал из ящика стола оба анонимных письма и положил на стол перед женщиной, которая сразу зарделась, как мак.

— Объясните мне все это, Зоя Анатольевна, —сурово произнес Коваль.— Вот и заключение экспертизы с отпечатками ваших пальцев и исследование кусочка лака, прилепившегося к письму.

К удивлению Коваля, жена капитана как-то сразу успокоилась.

— Хорошо! — ответила она после небольшой паузы.— Расскажу. По-видимому, многое уже вам стало понятно и без меня. Но не все... Я не собираюсь ничего от вас скрывать, Дмитрий Иванович. Вы, возможно, удивлены, что я не пришла и не рассказала все сразу. Но у меня на это есть свои причины. Надеюсь, разговор останется между нами.

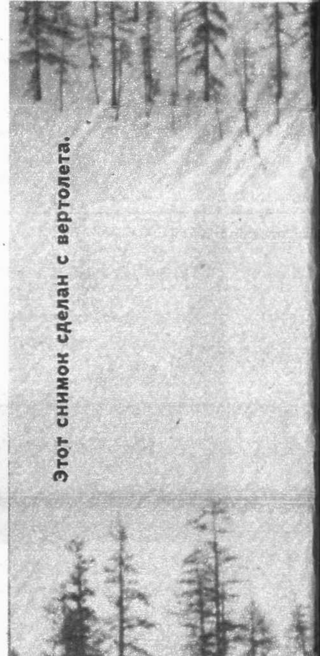
— Разумеется,— подтвердил Коваль.

Авторизованный перевод с украинского Веры БЕЛОВОЙ.

Продолжение следует.

ОСТРОВОК В ТАЙГЕ

Этот снимок сделан с вертолета.

Друзья.

В. КУЗНЕЦОВ

Фото автора

«Вся семья — оленеводы: отец Афанасий Николаевич, братья Николай, Дмитрий, Вячеслав, сестра Мария, и я тоже оленями занимаюсь,— говорил Владимир Слепцов.— Все село — оленеводы и колхоз оленеводческий, носит имя «XX партсъезд».

Сюда, к оленеводам, на север Хабаровского края, летит наш вертолет. Нас семеро пассажиров. Врачи-рентгенологи Владимир Емельянов и Леонид Кац с арманом — переносным рентгеноаппаратом — спешат в Кетанду. Там база и забойный пункт, туда сгоняют оленьи стада колхозные бригады. Для врачей это самое удобное время — можно провести профилактический осмотр каждого оленевода. Спешат в стада и представители красной яранги — агитационно-культурной бригады — Алексей Ефимов и Виктор Коваль. Летят в бригады парторг Александр Шарипов и мой собеседник зооветспециалист Владимир Слепцов.

...Кетанда. В этом слове сразу все: и название реки, и поселочек, и колхозная база. Где суша, где река — с воздуха определить трудно. Все белым-бело!

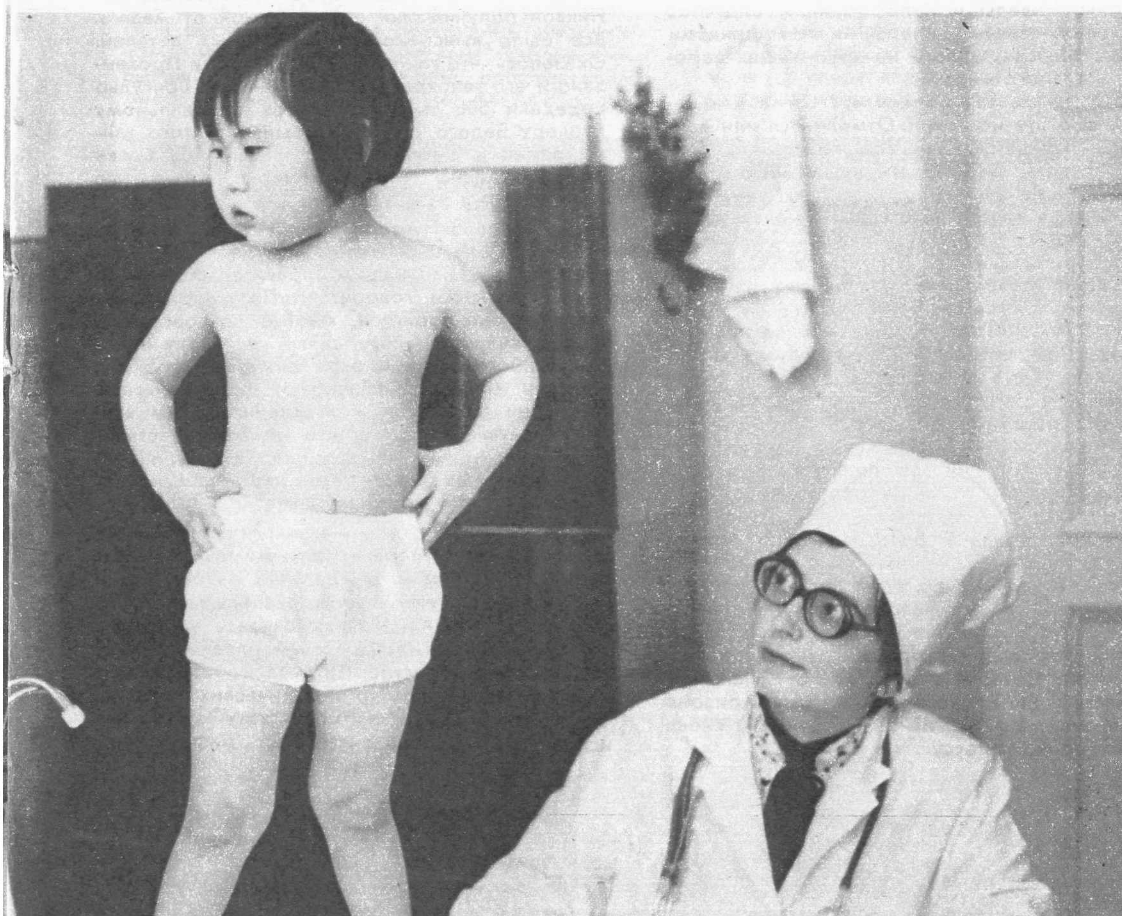
Сейчас на Кетанде седьмое стадо Алексея Чирикова. Мы «присели» на несколько минут, пилоты даже двигатели не выключили. Выгрузился Коваль с кинопередвижкой, выпрыгнули врачи со своим арманом. Я передал Чирикову привет от дочери. Девочка — я ее видел накануне — отлично учится в восьмом классе охотского интерната.

Взлетаем — и снова под нами тайга. Точнее, уже реденькая лесотундра.

Мы в теплых унтах, полушубках, а хозяева встречают нас в легких тужурках из оленьих шкур, из того же материала штаны и обувь. Олень, как и в старину, надежно кормит и одевает человека... Неторопливо, с достоинством, к вертолету подходят все семеро пастухов. Знакомство, короткий обмен новостями. Алексей Ефимов вытряхивает из своей сумки почту. Владимир Слепцов, отойдя в сторону, о чем-то расспрашивает ветеринара бригады Иннокентия Ермолаева. Парторга засыпают вопросами. Большие новости пастухи знают, приемник есть в каждой палатке. Сейчас их интересуют новости колхозные. Как дела в соседних бригадах? Не растерял ли оленей на перегоне бригадир Чириков? Сколько сдают мяса соперники по соревнованию? В свою очередь, поинтересовались и мы делами бригады. Пастухи Безносовы проводят сортировку в стаде, отбирают оленей для забоя, одновременно готовятся к перегону на место отела. Перегнать стадо без потерь — это главная задача пастухов, это — искусство оленеводов.

Пора улетать, наше время истекло. Прощаемся. Уже из вертолета вижу, как бригадир Роман Безносов, оседлав рогача, спешит к загону, а его брат Валерий в нартах покатил к реке. С воздуха сфотографировал упряжку. Еще минута — и этот крохотный клочок нашей земли скрылся за морозной вечерней дымкой.

Охотский район
Хабаровского края.

Юная пациентка на приеме у врачей А. А. Шопека и Т. И. Донец.

Владимир НИКОЛАЕВ

ПРОГРЕССИР

ОЧЕРК ПРЕСТУПНОСТИ В США, НАЧАЛО 80-х ГОДОВ

Широко известно, что одним из самых интимных друзей Рейгана является популярный в США певец и киноактер Фрэнк Синатра. К тому же он еще и удачливый бизнесмен, мультимиллионер. О нем давно ходили слухи, что он тесно связан с верхушкой «Коза ностры». В американском фильме «Крестный отец», рассказывающем о гангстерском синдикате, недаром есть такая линия: боссы мафии делают из молодого и никому не известного певца звезду первой величины, причем они при этом идут на все — и на террор и на подкуп, то есть действуют своими обычными методами; сам же певец показан в фильме любимцем и лучшим другом гангстерских боссов. Создатели «Крестного отца» неплохо изучили тему, положенную в основу ленты. Уже после выхода фильма на экран случилась история, пролившая свет на связи Ф. Синатры с мафией. Некий Джимми Фратианно, профессиональный убийца из рядов мафии, спасая свою шкуру, согласился сотрудничать с ФБР. Среди представленных им в распоряжение властей сведений и материалов оказался и фотоальбом, в котором Ф. Синатра сфотографирован в обнимку с боссами мафии. Вот что говорит сам Синатра:

«Мне приписывают дружбу с некоторыми людьми, не пользующимися хорошей репутацией. Конечно, я был другом Лаки Лючано, которого многие считают самым главным боссом «Коза ностры» в 50-х годах. Но Лаки был поклонником моего таланта. С ним я разговаривал только о лошадях и о женщинах. То же самое можно сказать об Альберте Анастазиа, о Джо Бонанно, о Фрэнке Костелло (это все боссы мафии, широко известные в свое время.— **В. Н.**). Я никогда не задавал себе вопроса, гангстеры они или не гангстеры. Они были поклонниками моего таланта, а я не требую от моих поклонников анкетных данных».

И вот такой человек является лучшим другом американского президента! В ходе избирательной кампании он собрал для Рейгана 20 миллионов долларов. Ф. Синатра — главный церемониймейстер на президентских празднествах. Это именно он руководил торжествами по поводу вступления в Белый дом Рейгана. Имея в виду связи своего друга Синатры с мафией, американский президент заявил: «Уже много лет мы слышим подобные вещи о Фрэнке. Мы надеемся, что все это не соответствует действительности». Такое дружеское беспокойство с оттенком сомнения не обижает Синатру, он настолько близок к главе американского правительства, что позволяет себе отпускать в его адрес и такие шутки, намекая на карьеру Рейгана в кино: «Рональд прекрасно знает правила шоу-бизнеса. Если ставят хорошие фильмы, то становятся великими актерами. Если ставят плохие фильмы, то становятся президентами». Рейган первый засмеялся над этой шуткой, забыв, вероятно, о том, что хорошо смеется тот, кто смеется последним. Как бы его любимый друг не сослужил ему в конце концов плохую службу!

Американская история знает немало о связях между политикой и мафией, причем связях на высоком уровне. В последние десятилетия одним из самых известных американских сенаторов был Барри Голдуотер, в свое время он даже выдвигался на пост президента США. Тогда он потерпел поражение, избрали Линдона Джонсона. Так вот, выяснилось, что политическая карьера Голдуотера была тесно связана с мафией. Это установил журналист Дональд Боллс, земляк Голдуотера, работавший в газете города Финикс (штат Аризона). Репортер Боллс специализировался на связях мафии с легальным бизнесом. Опасная тема! Боллсу не раз угрожали смертью, но он был не из робкого десятка. Когда в своих разоблачениях Боллс добрался до Голдуотера, его убили. Потом выяснилось, что это было делом рук мафии и политической верхушки штата Аризона, правда, при этом подлинные организаторы убийства журналиста остались безнаказанными. Это дело прогремело на всю страну, и несколько коллег Боллса, журналистов из разных органов печати, создали свою комиссию по расследованию его убийства. Возглавлявший комиссию известный публицист, лауреат премии Пулитцера Роберт Грин заявил: «Боллс был убит за то, что он делал, и делал он следующее: разоблачал преступность и коррупцию, с которыми мы все в нашей стране так или иначе миримся». Комиссия пришла к выводу, что Боллс пал жертвой мафии, политиков и юстиции Аризоны. Этот штат пользуется особым вниманием «Коза ностры». Только в Финиксе, столице штата, и городе Тусоне проживает более 170 известных гангстеров. Их привлек туда не столько благодатный климат, сколько тот факт, что Аризона является перевалочным пунктом для переправки наркотиков из Мексики в США. Вот отрывки из отчета комиссии журналистов, расследовавших убийство Боллса:

«Через Аризону проходил, вероятно, самый главный путь нелегальной доставки наркотиков в США»;

«Организованная преступность, возглавляемая такими гангстерами реактивного века, как Джо Бонанно, захватила в свои руки Финикс, Тусон и другие города Аризоны»;

«Голдуотер связан с «Коза ностpой»— так озаглавлен один из разделов отчета журналистов. «В течение почти тридцати лет,— говорится в нем,— сенатор Барри Голдуотер, его брат Роберт и их близкий друг Гарри Розенцвейг, бывший руководитель республиканцев штата, были главенствующими фигурами в столице Аризоны Финиксе и во всем штате. Все это время в штате существовала организованная преступность, что эти люди воспринимали как должное, поддерживая дружбу с главарями мафии. Рост Голдуотера до общенациональных масштабов был обеспечен тесными взаимоотношениями с гангстерским миром Аризоны, Невады и Калифорнии... Голдуотер был тесно связан с первыми помощниками Мейера Лански, одного из крупнейших воротил преступного мира».

Ну, а что же сам Голдуотер? Он-то как пережил всю эту историю? Отмолчался или возмутился? Пришлось ему все же кое-что процедить сквозь зубы. И эти несколько вынужденных заявлений с головой выдают сенатора.

«Я никогда ничего не слышал о человеке по имени Мейер Лански»,— сказал Голдуотер. Наглость неслыханная! Это имя в США знает каждый ребенок, а вот одному из ведущих политиков страны оно, видите ли, неизвестно. Комментируя это странное «незнание», американская пресса свидетельствует: «Мейер Лански — столь известная фигура в «Коза ностре», что его нельзя ни с кем сравнить, разве что с Аль Капоне (известнейший американский гангстер. — **В. Н.**). Каким образом сенатор Голдуотер никогда ничего не слыхал о Мейере Лански, объяснить просто невозможно».

Ну, а Джо Бонанно? Босс аризонской мафии и сосед Голдуотера — что же, и его не знал сенатор? На вопрос об этом Голдуотер ответил: «Я знаю одного человека в Тусоне — его зовут, кажется, Бонанно или что-то в этом роде, он как-то приобрел собачьи бега, потом продал это дело. И я никогда не слышал ни от властей, ни от кого-либо, что в Аризоне есть члены мафии». Ясно? Послушаем снова американскую прессу:

«С 50-х годов сообщения о нашествии «Коза ностры» на Аризону часто печатались в прессе. Дональд Боллс и Джек Уэст писали серии статей об этом в «Аризона рипаблик», а писатель Гей Тейлизи выпустил книгу «Чти отца своего», ставшую известным по всей Америке бестселлером, и затем переделал ее в телевизионный фильм. И в статьях, и в книге, и в фильме подробно говорится не только о Джо Бонанно, но и о многих других преступных лидерах, которые наводнили Аризону».

Остается только предположить, что Голдуотера так приперли к стене журналистскими разоблачениями, что у него просто остался один выход — столь беспардонно лгать и все отрицать. И такой деятель едва не стал американским президентом!

Впрочем, рука мафии дотянулась и до этого высочайшего поста. А дело было так.

Как известно, президент Никсон был вынужден уйти в отставку в связи с крупнейшим политическим скандалом в истории Америки — так называемым «уотергейтским делом». Пытаясь спасти себя в ходе все больше разгоравшегося скандала, Никсон шел на все, и случилось так, что он обратился за помощью даже к... «Коза ностре». Выяснилось это обстоятельство случайно, уже несколько лет спустя после отставки Никсона. Дело было в том, что попавшие под суд рядовые участники «уотергейтского дела» потребовали от Никсона (тогда он еще был в Белом доме) один миллион долларов за молчание в суде. Быстро достать наличными эту сумму было затруднительно, тем более на подкуп. Ведь заем на такое дело в официальном порядке был опасен. И Никсон решил обратиться за миллионом к мафии. Теперь этот факт установлен доподлинно. И помогла его установить больная подозрительность самого Никсона. Будучи президентом, он понаставил в Белом доме много подслушивающих устройств, на пленку записывались все разговоры президента. И вот на одной из пленок впоследствии обнаружились такие слова Никсона, обращенные к его советнику Джону Дину: «Я имею в виду, что вы можете достать миллион долларов... И можете достать их наличными. Я знаю, где можно было бы их раздобыть. Мы могли бы достать деньги. Здесь нет никакой проблемы». От этих слов и потянулась ниточка официального расследования, в ходе которого министерство юстиции США и ФБР установили, что Никсон получил-таки этот миллион от мафии. Все было выяснено до конкретных деталей. Оказалось, что гангстерский босс Тони Провензано и его телохранитель Сальваторе Бригульо передали 500 тысяч долларов специальному курьеру Белого дома, который для этого тайно ездил в Лас-Вегас. Остальные 500 тысяч были переданы Никсону через чикагского гангстера Аллена Дорфмана.

Нет, недаром американский журнал «Пэрейд» опубликовал статью под названием «Тень мафии над нашим правительством». В ней, в частности, говорится: «По утверждению федеральных юристов, многие конгрессмены поддерживают тайные связи с заправилами преступного мира, и это вызывает тревогу. Главари мафии финансируют предвыборные кампании политиков и обеспечивают им всевозможную поддержку, что весьма существенно для карьеры конгрессмена. Так возник нечестивый союз между теми, кто устанавливает законы, и теми, кто их нарушает».

Связь мафии с официальными властями не ограничивается перечисленными выше уровнями. В результате скандальных разоблачений деятельности Центрального разведывательного управления США (ЦРУ) выяснилась многолетняя связь «Коза ностры» с американской разведкой. Как известно, ЦРУ тайно совершило и планировало немало политических убийств, а в качестве исполнителей этих заговоров использовало специалистов из мафии. Так,

Окончание. См. «Огонек» №№ 13, 14.

УЮЩАЯ БОЛЕЗНЬ

планировалось убийство Фиделя Кастро, оно было поручено боссу чикагского отделения «Коза ностры» Джанкане, о котором журнал «Ньюсуик» писал, что он «был гангстером всех гангстеров, владельцем многомиллионной долларовой империи, в которую входили такие отрасли, как наркотики, азартные игры, секс и легальный бизнес. Он был также владельцем мэров, начальников полиции, политических деятелей, включая конгрессменов». По поручению ЦРУ Джанкана разработал несколько планов покушения на жизнь Кастро, но осуществить их ему не удалось. А когда эти и другие подобные грязные дела ЦРУ вдруг начали всплывать на поверхность, Джанкану вызвали в суд. И тут же матерый гангстер был убит, по принципу мафии «молчат только мертвые свидетели». Неважно, кто конкретно убрал его, агенты ЦРУ или сами гангстеры, скорее всего совместно. Точно так же были убиты и другие видные гангстеры, когда начались разоблачения этой стороны деятельности американской разведки.

С годами стало известно о сотрудничестве ЦРУ и ФБР с мафией в убийстве президента США Джона Кеннеди. Оказалось, что Освальд, названный убийцей президента, был агентом ЦРУ и ФБР, а Руби, убивший Освальда, был агентом ФБР и темной личностью из преступного мира. У определенных политических кругов Америки и у «Коза ностры» были свои причины убрать Кеннеди, обе эти силы и осуществили убийство президента США. ФБР и мафия причастны и к убийству выдающегося борца за права негров Мартина Лютера Кинга.

И еще о контактах мафии с властями, в данном случае — с полицией. Известно, что «Коза ностра» ежегодно расходует четыре с половиной миллиарда долларов на подкуп полицейских чинов, на взятки. То и дело разгораются скандалы, связанные с продажностью полиции. Руководящий сотрудник министерства юстиции США Хандли заявил, что если наугад воткнуть в карту страны булавку и начать расследование там, где она оказалась, то в этом месте будет наверняка обнаружено сотрудничество между полицией и гангстерами. И в самом деле, скандалы, связанные с коррупцией в полиции,— обычное явление в США. Один из многих взяточников-полицейских вынужден был признать, что в его нью-йоркском полицейском участке из семидесяти служащих только двое не брали взяток. «Новобранец, пришедший в полицию,— пишет журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт»,— оказывается в обстановке, когда легче стать взяточником, чем оставаться честным человеком». Бывший рядовой полицейский, прослуживший много лет на одном и том же посту в одном и том же городском районе, написал воспоминания. Читать их любопытно. Он, например, пишет о том, как не знал, на что ему тратить свои деньги. Он жил, не зная забот и не расходуя зарплату. С него просто не брали денег — от местного парикмахера до владельца ресторана. Это, так сказать, самый низкий, начальный уровень коррупции. А те полицейские чины, которые выходят на гангстерских дельцов (торговля наркотиками, азартные игры и т. п.), зачастую просто состоят на жалованье у боссов «Коза ностры». Время от времени такие преступные связи становятся достоянием гласности, разгорается очередной скандал, начинается расследование, но положение дел не меняется. Журнал «Тайм» справедливо отмечает: «К сожалению, такие расследования никогда не приносили пользы, они никак не влияют ни на тех, кто берет взятки, ни на тех, кто их дает». О разлагающем влиянии такой ситуации на общество бывший американский министр юстиции Р. Кларк пишет: «Быть может, наибольший вред, который причиняет организованная преступность, заключается в коррупции должностных лиц. От этого общество страдает в таких своих элементах, которые находятся далеко за пределами сферы непосредственных действий организованных преступников».

И еще об одной стороне деятельности мафии, крайне пагубно сказывающейся на жизни всей нации,— спекуляции на наркотиках. Их нелегальное распространение по стране — полная монополия «Коза ностры», главный источник ее дохода — 63 миллиарда долларов в год. Эта гигантская цифра вполне объяснима. Как сообщает журнал «Тайм», в США 42 миллиона человек курят сигареты с марихуаной, а журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» утверждает, что 15 миллионов американцев употребляют кокаин, очень сильный наркотик, причем из этого числа одну треть наркоманов составляют молодые люди от 18 до 23 лет. Именно кокаин дает «Коза ностре» наибольшую долю в доходах от нелегальной продажи наркотиков (30 миллиардов долларов, марихуана — 23 миллиарда). Один грамм кокаина стоит в семь с половиной раз дороже одного грамма золота.

Производство наркотиков, их доставка в США и продажа — подпольная индустрия огромных масштабов. Марихуана, например, выращивается в основном в Колумбии, а плантации коки (из ее листьев делают кокаин) находятся в Перу, Боливии, Эквадоре. Марихуану и кокаин гангстеры доставляют в США на судах и самолетах. Во Флориде, как сообщает журнал «Ридерс дайджест», для этого имеется 260 тайных аэродромов и взлетно-посадочных полос. Этот гангстерский бизнес не только губит здоровье миллионов американцев, ставших наркоманами, но и еще больше накаляет в стране атмосферу преступности и насилия.

Так, именно Майами (центр Флориды, через которую поступает основная часть наркотиков из Латинской Америки) держит по всей стране первое место по размаху преступности, которая за десять лет возросла здесь на 405 процентов. Баснословные прибыли от спекуляции наркотиками порождают такое разложение общества, какое пострашнее любой эпидемии. Убийства, насилие, подкупы, шантаж — неизбежные спутники этого гангстерского бизнеса. Убивают конкурентов, убивают при дележе добычи, убивают тех, кого подозревают в измене и т. п.

Так выглядит это общенациональное бедствие со стороны преступной. Есть у него и другая сторона — общественная, моральная. И вот как страшно пишет о ней журнал «Ридерс дайджест»: «Сегодня употребление кокаина стало своего рода символом богатства и положения в обществе (вспомните, сколько он стоит! — **В. Н.**) для миллионов американцев, которые в остальном ничем не отличаются от своих соотечественников».

Американская актриса Джулия Филлипс прославилась, удачно сыграв в нескольких фильмах, в частности в картине «Стинг». Как и многие ее коллеги по этому нелегкому бизнесу, она пристрастилась к наркотикам, особенно к кокаину. Кстати, в Голливуде модно вдыхать этот ядовитый белый порошок через свернутые в трубочку стодолларовые ассигнации. Джулия сама рассказывает о своих мучениях в те кошмарные годы, когда она была наркоманкой. Она, например, не спала по трое суток, ее преследовали кошмары, от нее остались кожа да кости. Джулия говорит, что за десять лет истратила на кокаин один миллион долларов. Каким-то образом ей удалось покончить с этим пристрастием, но подавляющее большинство наркоманов обречено на гибель, они неизлечимы и рано или поздно умирают. Так, недавно скончался от злоупотребления кокаином и героином известный комический актер Джон Белуши.

Прибыли от продажи наркотиков вызывают алчность не только у гангстеров. В южных районах Соединенных Штатов все больше фермеров тайно выращивают марихуану (например, в гуще кукурузных полей). Власти считают, что в Калифорнии марихуана тайно выращивается в 43 из 58 имеющихся там графств (административных единиц), что приносит один миллиард долларов.

Действия властей против нелегальной торговли наркотиками к заметным результатам не приводят. Дело в том, что и в этом противоборстве мафия оказывается сильнее. Начальник таможенной службы в Майами признается, что налицо «неконтролируемая ситуация», а командир американской береговой охраны во Флориде Джон Айкенс отмечает: «Мы отстаем от контрабандистов в маневренности и скорости. Дело в том, что у них больше денег».

В начале нашего разговора об организованной преступности мы упоминали, что существуют и другие, не столь мощные, как «Коза ностра», гангстерские объединения. Среди них отличается активностью так называемая израильская мафия (ее ядро составляют выходцы из Израиля). Как сообщает журнал «Ньюсуик», «она еще не столь сильна и организованна, как «Коза ностра», не имеет ее традиций и связей с политикой, но, по свидетельству специалистов, успела за пять лет добиться того, на что «Коза ностре» потребовалось сорок лет». От последней израильская мафия по своим методам ничем не отличается.

Несколько незнакомцев заходят в магазин, принадлежащий еврейскому бизнесмену. Дело происходит на Фейерфакс-авеню в Лос-Анджелесе. Вошедшие намекают, что отныне тот

Фрэнк Синатра (в белой рубашке), певец и бизнесмен, среди своих друзей из мафии.
Журнал «Ньюсуик».

будет должен платить им дань за то, что они возьмут его под свою защиту. Владелец заявляет, что он ни в чьем покровительстве не нуждается и денег платить им не будет. Ему угрожают будущими неприятностями и уходят. Через 48 часов он получает известие из Тель-Авива, что в доме его отца взорвалась бомба. В другой раз он будет уже иначе говорить с представителями израильской мафии. Власти утверждают, что израильская мафия снабжает кокаином половину Лос-Анджелеса, установив в этом бизнесе контакты с гангстерами Западной Германии и Израиля.

Недавно в одном мусорном ящике была обнаружена в мешке из пластика отрезанная женская нога. Затем были в разных местах найдены другие части тела молодой женщины, а также части мужского тела. Убитыми оказались супруги, связанные с нелегальной торговлей кокаином. Они не поделили добычу с членами израильской мафии. За это их заманили в гостиницу и разрубили там на куски. «Дикая жестокость и зверство, изворотливость и международные связи делают израильскую мафию особо опасной»,— пишет журнал «Ньюсуик».

Что ж! Вполне достойные продолжатели «Коза ностры»! Будни последней тоже заключаются не только во вторжении в легальный бизнес и политические верха. Один из рядовых членов «Коза ностры», Питер Салерно, как-то попал в ФБР и там кое-что рассказал о своей деятельности на самом низком, начальном уровне мафии. С первых шагов в ее рядах он выступал в такой роли: молча стоял, расправив широченные плечи, играя бицепсами, когда его коллеги занимались шантажом и вымогательством, запугивая мелких коммерсантов. Потом специализировался на поджогах заранее застрахованных зданий. Часто избивал тех, кого надо было еще запугать. «Я поступал так,— говорит Салерно,— не потому, что получал при этом удовольствие, а потому, что делал свой бизнес. Я не как другие. Я знал одного из наших, вот он всегда получал радость от такой работы. Как-то при мне избил свою жертву дубинкой, потом сломал ему руку, а затем и ногу».

Во Флориде полиции удалось арестовать одного из официальных палачей «Коза ностры», Бернарда Ханвика. Он возглавлял пятерку профессиональных убийц в одной «семье», которые расправлялись с неугодными мафии лицами. Попался Ханвик на конкретном покушении на жизнь одного американца, а во время следствия выяснилось, что он и его «пятерка» убили около 300 человек. А подобных «пятерок» в мафии много.

В ЧЕМ ЖЕ ДЕЛО!

Выше мы отмечали, что преступность в США объясняется царящей там социальной несправедливостью, бедностью и бесправием миллионов ее граждан, постоянной безработицей, национальным гнетом, классовой пристрастностью американской Фемиды. Но те же самые факторы мы обнаружим всюду, где правит капитал, не только в Соединенных Штатах. Почему же именно США держат пальму первенства по размаху и росту преступности? Значит, есть какие-то специфические причины чисто американского свойства. Пожалуй, их перечисление вернее всего начать с исторических предпосылок.

Как известно, в ходе создания и упрочения нынешних Соединенных Штатов было буквально сведено на нет коренное население североамериканского континента — индейцы. Вот строки из документального отчета:

«23 ноября 1864 года Сэнд-Крик стал местом массового уничтожения индейцев племени шайен третьим полком волонтеров штата Колорадо под командованием полковника Чивингтона. Он отдал приказ: «Убивайте и скальпируйте всех — взрослых и детей». Женщин, молящих о пощаде, пристреливали, других рубили саблями на части. Детей, выбегавших с белыми флажками, убивали, а беременным женщинам вспарывали животы».

В том самом лагере насчитывалось около тысячи человек. Газета «Денвер ньюс» сообщила: «Все солдаты показали себя хорошо. Только три женщины и четверо детей были взяты в плен, и их потом показывали в Денвере в клетке, как зверей. Солдат, хваставших скальпами в перерывах в ходе представлений в денверских театрах, встречали аплодисментами».

Так было. И сколько бы официальная американская пропаганда ни старалась исказить и приукрасить историю, от фактов никуда не уйдешь. Никуда не уйдешь и от того, как губительно сказалась на самих американцах такая жестокая политика по отношению к индейцам. Она, словно пуповина, связывает нынешнюю преступность в Америке с ее историей, начавшейся с преступления, с геноцида.

И дело не только в уничтожении миллионов индейцев. Культ насилия, преступление без наказания своими корнями уходят в историю страны. «В начале нашего пути как нации,— пишет газета «Нью-Йорк дейли ньюс»,— лежит проложенная силой и пулями дорога до западных границ. Сегодня мы считаем себя нацией закона и порядка. Нет, и сейчас мы остаемся продуктом той же эпохи. Убийство и насилие, как чума, расползлись по улицам наших городов». Такое положение — это уже образ жизни со своей философией: «Бог сотворил человека, а полковник Кольт (изобретатель револьвера «кольт» — **В. Н.**) дал ему равенство». Это «равенство» подразумевает прежде всего право сильного угнетать и грабить слабого. Такого рода «равенство» фактически является правом на преступление. И наконец, самое главное — в основе такой философии лежит дух наживы, приобретательства во что бы то ни стало, любой ценой.

Еще никто не сумел опровергнуть известный афоризм: «Все большие состояния нажиты нечестным путем». Уточним, нечестным — значит, преступным. Подтверждает эту истину лишний раз вся история развития Америки и, кстати, ее же литература. Достаточно вспомнить созданные Т. Драйзером, О. Генри, Джеком Лондоном и другими образы так называемых предприимчивых на американский манер людей, не останавливающихся ни перед чем ради наживы. Эти хищники чувствуют себя в атмосфере преступности, как рыба в воде. А ведь именно они олицетворяют в Америке все то, что принято понимать под законом, правопорядком, моралью и нравственностью.

В плане наших рассуждений можно обратиться и к другим страницам истории США — к эпохе рабства, к беспощадной эксплуатации негров. Снова преступление без наказания. Снова преступление во имя наживы. Несомненно, что и в эту эпоху глубоко уходят своими корнями проблемы современной преступности в США. Кстати, и в этой сфере статистика красноречиво говорит о том, что при существующем сегодня положении закон в США толкуется, мягко говоря, своеобразно. С 1930 года из общего числа казненных в США по решениям судов 55 процентов были небелые. Еще более показательный пример. В штате Мэриленд, в двух шагах от Вашингтона, за один и тот же период было приговорено к смерти за изнасилование 50 негров и 5 белых. Во всех случаях пострадавшей была белая женщина. И в том же самом штате за то же время черных жертв этого преступления было в 10 раз больше, но за всю историю штата не было ни одного случая казни за изнасилование негритянки. Как при столь очевидном беззаконии можно всерьез говорить о борьбе с преступностью?!

Рассматриваемую нами трагическую ситуацию в Америке в какой-то степени объясняет и распространение культа силы, который корнями своими тоже уходит в историю страны. «Супермен» — один из главных героев нации. Разумеется, он белый. Это сверхчеловек, то есть он наделен фантастической физической силой. На поклонении такому вот «супермену», на его газетно-журнальных и киноподвигах воспитаны целые поколения американцев. Один из самых известных американских писателей, Уильям Фолкнер, охарактеризовал этот культ так: «Слепая вера в физическую храбрость и беспрекословное повиновение, уверенность в том, что белая раса выше всех остальных рас, американская раса выше всех белых, а американский мундир превыше всего человечества».

Здесь совсем не случайно упомянут и «мундир» — непременный с точки зрения американской житейской философии атрибут силы, ее, можно сказать, олицетворение. Вспомните, что индейцев истребляли американцы в военных мундирах. Вспомните о преступлениях полумиллионной американской армии во Вьетнаме. Кстати, как известно, тысячи ветеранов американской агрессии во Вьетнаме, вернувшись на родину, пополнили ряды преступников. Это была вполне логичная трансформация профессиональных убийц в военных мундирах. Тот дух милитаризма, который все больше пропитывает жизнь сегодняшней Америки, конечно же, не способствует уменьшению преступности в стране.

В атмосфере, насыщенной преступностью и страхом перед ней, живет каждый американец, от нее никуда не деться. В отравленном общественном климате вырастают особые люди. Запуганный, затравленный, живущий в атмосфере террора и насилия обыватель с упоением погружается в будни преступного мира, воссоздаваемые для него в прессе, книгах, телепередачах, кино. Газета «Нью-Йорк таймс» пишет: «В наши трудные времена преступность — ходкий товар. Телекомпании собирают с нее обильный урожай. Крупнейшие издательства переиздают массу старых классических детективов. Владельцы книжных магазинов, специализирующихся на детективной литературе, говорят, что дела никогда не шли так хорошо».

Известный тележрежиссер и вице-президент ассоциации детективных американских писателей Крис Стейнбруннер считает, что такого рода произведения «одновременно развлекают и отвлекают, что очень важно в наше время всеобщего стресса». Специалист по средствам информации Антони Хоффман говорит: «В эти трудные времена человеку требуется какой-то выход. Люди хотят забыться, что и влияет на их выбор книг, телепередач, фильмов». Психоаналитик доктор Чарльз Райкрофт считает, что истории о преступлениях удовлетворяют чувство агрессивности и враждебности, сидящее во всех людях. Используя этот нездоровый интерес, бизнес, как обычно, говорит свое решающее слово. Специалист по составлению телепрограмм Майкл Дрекслер утверждает, что доходы телесетей от показа сюжетов, связанных с преступностью, исчисляются сотнями миллионов долларов. Другой эксперт в этом деле, Харольд Левин, считает страсть американцев к такого рода произведениям «весьма устрашающей», но в то же время, будучи бизнесменом, он говорит, что телепрограммы о преступлениях и насилии «лучше всего служат рекламе, так как они гарантируют большую аудиторию».

Столь же выгодные дела творятся и в киноиндустрии, тоже успешно эксплуатирующей тему насилия. Так, фильм «Крестный отец» (первая часть) дал 166 миллионов прибыли, которая продолжает расти и в настоящее время. Фильм этот рассказывает об одной гангстерской «семье» и ее боссе. Каким образом рассказывает? Журнал «Тайм» вынужден признать: «Мы сделали из этих подонков народных героев». А журнал «Ньюсуик» пишет: «В 1931 году в фильме «Маленький Цезарь» Эвард Робинсон сыграл гангстерского босса Рико Вэнделло таким, что того следовало только уничтожить физически... И вот наконец Брандо создал образ босса Вито Корлеоне в фильме «Крестный отец», и мы видим гангстера-героя, которого люди признают и с которым соглашаются».

Платит ли сама мафия за такую рекламу? Возможно, и платит. Как известно, в США без рекламы не обойдется ни одно начинание. Но, как бы там ни было, и при таком камуфляже не очень сложно распознать суть явления, названного организованной преступностью. Сыгравший главную роль в фильме «Крестный отец» всемирно известный актер Марлон Брандо сказал: «Я думаю, что это фильм не только о «Коза ностре». Организация эта как нельзя лучше характеризует образ наших капиталистов. Дон Корлеоне (гангстерский босс.— **В. Н.**) — это обыкновенный американский магнат большого бизнеса, который делает все возможное для процветания своей семьи и своего класса. Его тактика мало чем отличается от той, что «Дженерал моторс» применяет в борьбе со своими конкурентами».

Стремительный рост преступности в США называют внутренней болезнью общества. Эта прогрессирующая болезнь неизлечима, как и сама система, основанная на социальной несправедливости.

А. Соколов. НА СТЫКОВКУ.

Кукрыниксы. ВЗЯТОЧНИК. 1982.

СПЕКУЛЯНТКА. 1982.

О ДРЯНИ

Грядущий день.
Его приход
И в узком и в широком плане
Определяет весь народ —
Каким придет,
каким настанет.
Определяется трудом
Ежеминутно, ежечасно,
Каким построим мы наш дом
И как в нем будет жить
прекрасно.
Но кто-то есть,
что тех задач
Решать не хочет с нами вместе:
Хапуга, взяточник и рвач —
Все,
кто не трудится по чести.
И карьерист и бракодел,
Прогульщик,
спекулянт,
пройдоха,
Летун, летающий от дел,
Болтун, халтурщик, выпивоха,
Вор,
лодырь,
пустомеля,
хам
И др. и пр. такого рода —
Наносный,
чуждый,
грязный хлам
На теле нашего народа.
Не позовем
в наш светлый дом
Их, зараженных чуждым духом,
И средства нужные найдем,
Чтобы воздать им по заслугам,
Грядущий день.
Он настает,
Неотвратим и неминуем.
Грядущий день.
Его приход
Мы коммунизмом именуем.

Дм. ДЕМИН

ПОСЛЕДНИЙ ВЗРЫВ

Алексей МАСЛОВ

Он сидел, опершись спиной о стену по оси ушедшего в землю вагончика, и, сложив свои шесть мешков с пшеницей под его дырявой крышей, ждал, оказывается, попутный транспорт уже трое суток. Темное, цвета пережженного кирпича лицо, заросшее щетиной; с янтарными крапинками голубые глаза, клешневатые кисти рук с корявыми ногтями — словом, настоящий фиав, житель гор. Не успел я закурить, как мешки были заброшены в кузов, и машина тронулась.

Славное место это Джомагдонское ущелье. Крутые, скалистые его стены, поросшие елями, буком, березой, барбарисом и еще бог знает какими породами кустарников и деревьев, почти отвесно падают к кипящему Джомагдону. Дотлевающие языки лавин, усыпанные хвоей, серебряные нити ручьев и водопадов, мрачные, лохматые перья облаков, застрявшие в расселинах скал, а то и просто зависшие над рекой, придают картине колорит грозной и величавой неприступности.

— Да... черт подери! — невольно вырывается у меня.

— О чем и разговор,— на мое, скорее всего не в том смысле понятое восклицание неожиданным образом реагирует Леван Кортиев.— Сейчас мы с тобой на этой машине едем, а как ездили наши предки? Послушай. Где-то читал я, что перевозка одного центнера груза из Москвы до Владивостока до войны стоила столько же, сколько у нас в Осетии его доставка на расстояние в тридцать километров, вьюком на лошади. Представляешь? А сколько людей гибло у нас под завалами, срывалось с круч, замерзало в горах! Здесь вот, чуть дальше, был случай: упали с обрыва и утонули жених и невеста... Сейчас у нас техника, а что раньше было? Знаешь такую карету, арба называется?..

Я же, высунув голову из окна автомобиля, вижу, что «нашей технике» предстоит небольшое испытание: не знающий преград наш ГАЗ-66, буксуя всеми колесами, неотвратимо сползал на край раскисшей полки. Пока он медленно, как заупрямившийся слон, пятился от исчезающего в бездне водопада, отчетливо успел я представить себя на месте жениха, покинувшего мир преждевременно. Тем не менее ни в поведении водителя, ни в интонации голоса Левана я не заметил и тени душевного напряжения.

— Э, трудно! — не отвечая на мое замечание, продолжал Кортиев.— У нас такие бульдозеры — скалу как песок двигаем. Вон, Алексей Дмитриевич, смотри,— наклоняясь и указывая на противоположный борт ущелья, сказал Кортиев.— Вот кому было трудно. Видишь? То полка Рутена Гаглоева...

...— Когда Гаглоев узнал, что в Осетии Советская власть,— в то время он был далено от родных краев: за границей,— то сразу вернулся домой. Идея приступить наконец к строительству перевальной дороги, которая соединила бы Северную Осетию с Южной, была так популярна, что за один только день Гаглоев собрал на нужды строительства семнадцать тысяч рублей. Давали кто сколько мог. СНК из резервного фонда выделил сто тысяч... Динамит, бурильные ручные станки, кирки, тысячи лопат Гаглоев каким-то образом достал в Батуми.

За пять лет непрерывной работы — жители всех селений помогали ему — Рутен проложил основные полки до подошвы Рокского перевала и заложил штольню тоннеля. Не там, где находится она сейчас, а ниже, ближе к селению Рок, где нет угрозы лавинных сбросов...

— Что ж получается, проект, по которому сегодня ведется строительство дороги, не учел опыт Гаглоева?

— Учел, почему нет? Гаглоев очень грамотный инженер был. Он еще до революции окончил МВТУ, много лет работал горным инженером. Но сегодняшний день отличается от вчерашнего. Подсчитали, оказалось дешевле насыпать противолавинную дамбу, чем удлинять тоннель. А у Рутена что? Кроме динамита и лопат, ведь никакой техники у него не было...

...У каждого времени свои, впрочем, довольно ограниченные возможности. Сегодня мы можем многое. На все завели ГОСТ, на любой вопрос вам даст ответ БСЭ. Но найдется ли когда-нибудь мудрец, который предложит эталон, по которому возможно было бы соизмерять твердость человеческого духа и благородство его души — если не буквально, то примерно так под впечатлением рассказа Кортиева, размышлял я, пока водитель, ткнув пальцем в окно, не сказал:

— Послушай, здесь жили наши предки. Что видели, а?

Сакля Тотера, фиава, которого мы захватили в начале пути — овчарня, хлев, терраса жилого дома,— лепилась каменными ступенями на последнем ярусе в амфитеатре пустых домов, брошенных людьми. Под моросящим дождем мы разгрузили машину и, отдавая долг гостеприимству хозяина, оказались в большой, скупо освещенной двумя окошками комнате с глиняным полом и железной печью, стоявшей посредине.

— Нет, Тотер, арака будет дорого стоить,— отодвигая бокал, отвечал водитель на тост хозяина в его честь. И, правда, мы как-то позабыли, что этот скользкий, как сало, склон, и оползни, и река — все это у него сегодня еще впереди.

...Мой же маршрут лежал через перевал...

...Чувство это сродни ностальгии. Конечно, не такое острое, но тем не менее по какой-то неведомой спирали оно часто приводит меня к тем же людям и тем же местам, где когда-то я уже побывал.

Лет пять назад в какой-то газете я обнаружил сообщение о строительстве автодороги с тоннельным пересечением Главного Кавказского хребта в районе Рокского перевала. Заметка эта меня заинтересовала. Я связался с главным инженером проекта Николаем Варламовичем Нагаевским.

Принял он меня с той же интонацией усталости, отпечаток которой лежал, казалось, и на каждом предмете в его комнате, на стопках книг, не нашедших приюта на полках и потому дремавших на допотопном телевизоре; на листе бумаги, забытом в стареньком «Ремингтоне», в задернутых наглухо шторах и даже болезненно-желтом свете штабной настольной лампы. Тихим голосом, будто экономя энергию, он рассказал мне примерно следующее.

Замысел строительства дороги и тоннеля сквозь Кавказский хребет возник чуть ли не в середине прошлого столетия. Библиографический материал — более пятисот книг, статей, газетных публикаций — говорит, что по количеству проектов идея тоннельного пересечения Главного Кавказского хребта может соперничать с такими на первый взгляд, казалось бы, фантастическими замыслами, как строительство мостов через проливы Ла-Манш и Па-де-Кале.

То, что «дорога даст выгоду Империи и Кавказу», не вызывало сомнений. На изыскательские работы были затрачены сотни тысяч рублей, но дальше многочисленных дебатов в государственной Думе и газетных призывов «сломать хребту хребет» дело не пошло.

— Строительство дороги, о которой идет речь,— все тем же ров-

ным голосом говорил Нагаевский,— дело, конечно, дорогостоящее, но любая дорога всегда рентабельна, а эта тем более. Те 125 миллионов, которые сюда вкладываются, окупятся через восемь лет. Судите: Военно-Грузинская дорога — кратчайший тракт, связывающий Российскую Федерацию с Закавказьем, то есть Орджоникидзе с Тбилиси, зимой, то есть четыре-пять месяцев в году, закрыт. Весь пассажирский и грузовой поток идет через Баку. А это крюк больше чем в тысячу километров.

...Тоннель в сравнении с другими автодорожными тоннелями будет самый длинный в нашей стране,— продолжал Нагаевский.— Его длина больше трех с половиной километров. Сложность строительства заключается в том, что расположен он на высоте свыше двух тысяч метров, в районах лавинных и селевых сбросов, а это вызывает необходимость строительства дорогостоящих противолавинных галерей. Помимо этого,— Нагаевский взял лежавший на столе листок бумаги и нарисовал загогулину, обозначавшую схему дороги,— на многих участках, особенно на севере, полка дороги прокладывается по почти вертикальным бортам на большой высоте от дна ущелья...

В течение нашей непродолжительной беседы Нагаевский все время находился в тени, но я заметил, что тени под его глазами стали еще темнее. Под конец разговора он, откинувшись на спинку кресла, сказал:

— Некоторые экономисты считают, что их предмет, экономика, не знает альтруизма. Возможно. Но думаю, что это не закон. В этом вы еще, я думаю, убедитесь...

Пора было уходить. Но, вставая, я все же спросил:

— Николай Варламович, сколько времени отняла у вас работа над составлением проекта?

— Наверное, всю жизнь,— глядя на заправленный в печатную машинку лист чистой бумаги, тихо ответил он.

Тогда я еще не знал, что за месяц до нашей этой единственной встречи он перенес второй тяжелейший инфаркт...

...Недавно, получив книгу «Транскавказская Рокская автотрасса» — многолетний труд Л. И. Кортиева, посвященный истории Транскама, вспомнил я, каким, казалось, душистым был чай, который мы пили, сидя на бурках у костерка, разложенного чабанами под скалой, укрывавшей нас от пресного студеного ветра; как один из них, сухой, похожий на беркута в своей распахнутой бурке, длинной клюкой указал на два желтых бульдозера, ползущих через снежные заносы к седлу перевала. Увидел неутомимого Гурама, ввалившегося в саклю фиава Харго с косулей на плечах; осунувшегося, с пальцами, ободранными о скалы до крови, обессиленного, но полного негромкого, твердого мужского достоинства. Представил его товарищей-горняков, очередной сменой идущих в забой. Вспомнил, будто только что и сам побывал в забое, запах сырого камня, всплески воды, шипение сжатого воздуха... Как диапозитивы, картины, зафиксированные когда-то памятью, сменяли одна другую: вот односельчанин Гаглоева старик Арсен из села Ванели, в небрежно наброшенном на плечи бушлате, указывает на дом, окна которого, пустые и совсем мертвые, не мигая смотрят из каменных своих проемов на недавно асфальтированное шоссе. «Вот дом Рутена»,— сказал мне тогда Арсен. Вспомнил я и про старика Гедевана, уж не знаю, правда ли, нет, перед смертью завещавшего детям: когда построят дорогу, придете ко мне на могилу и крикнете: «Гедеван, дорога построена!» Нашел и долго рассматривал оставшиеся с той поры фотографии. Вот они, все дружные, как пальцы одной руки, «джентльмены взрыва». Вот умница и хохмач Алексей Бузаладзе, рядом с ним Роман Джиоев. В центре среди своих товарищей-взрывников элегантнейший Вахтанг Гассиев. Он строил дороги на Кольском, выплескивал взрывом болота в Коми, рвал базальты в Гвинее и Армении. Восемнадцать лет работал он там, куда направлял его «Трансвзрывпром». Спокойствие, дружелюбие, скромность, абсолютная надежность в любой ситуации — вот что стоит за этой элегантностью. Каждый, кого ни возьми,— личность. Все вместе — коллектив, но какой!

...В конце концов не так уж и важно, куда и на сколько едешь. Главное, чтобы было куда вернуться. Я люблю возвращаться в Москву. Но приходит пора и вместе с ней чувство вроде тоски по дому — потребность снова пуститься в путь...

...И вот снова, как пять лет назад, стеклоочистители стирают в привычном такте потоки дождя, разбивая рубиновые и белые огни на тысячи хрустальных игл, и только корма какого-нибудь «Икаруса», возникающая холмом перед носом машины, или синие блицы милицейской машины заставляют Гайеза сбрасывать скорость. Оказавшись в кильватере, он разглаживает свой черный пиратский ус, тянется за сигаретой, агатовым глазом пробегая по приборной доске, и, выбрав паузу между пролетающими мимо снопами огней, притапливает акселератор так, что стеклоочистители, кажется, начинают сбиваться с такта.

— Он думает,— говорит Алексей Бузаладзе, трогая меня за плечо,— что если он поедет тише, то мы поедем назад.

Я, сидя впереди, вижу, как наш шофер застенчиво ухмыляется.

— Нет, Алексей. Я думаю, что Гайез хочет, чтобы мы сами сообщили старику Гедевану, куда спешим. А, Гайез? — высказывается на этот счет Вахтанг.

Шутки шутками, но я замечаю, как в острых ситуациях правая моя ступня инстинктивно давит на отсутствующую под ней педаль тормоза.

Сколько уж? Да, вторую неделю я на колесах. Сейчас мы едем на последний взрыв. Последний, Гедеван! О чем просил ты своих сыновей, скоро услышишь: дорога построена!

— Вахтанг Николаевич, видишь, какая жара. Если обдувать не будет, так мухи же налетят,— сквозь дрему слышу я голос неугомонного Бузаладзе и открываю глаза: в свете фар машина наша идет сквозь белую пелену метели.

В кабине уютно. От печки идет по ногам струя горячего воздуха. Чуть пахнет бензином, машинным маслом, краской — знакомыми запахами добротной военной техники. Под баритон мотора на черном с исподу фоне век сменяют одна другую картины последних дней, как после азартной охоты все летят и летят перед закрытыми глазами табуны уток. Вот отчетливо вижу: в холодной и хмурой тишине ущелья безмолвно, с коротким, неожиданным, как выстрел, языком пламени взрыв поднимает вверх гигантские коричневые и сизые клубы дыма, и медленно-медленно, как мрачный салют, опускаются на землю тысячи кубометров вековечной скалы, и камни еще долго беззвучно и глухо бомбят где-то землю.

«Превосходно»,— отчего-то совсем неуместно думаю я.

— О чем задумался, Дмитриевич? — возвращает меня к реальности Бузаладзе.

— Да вот, Алексей, вспомнил,— говорю я,— один наш тезка сказал, что «превосходная должность — быть на земле человеком...» Как думаешь?

— Должность, может, и не плохая, платили только всегда за нее маловато,— отвечал мне Алексей Бузаладзе.

В ДОЛГУ ПЕР ЗРИТЕЛ

Е. Матвеев на съемке.

Евгений МАТВЕЕВ,
народный артист СССР

— Не знаю, кто как из моих сотоварищей по киноэкрану реагировал на постановление ЦК КПСС о белорусском театре имени Янки Купалы. Но думаю, что все мы тут единодушны. Думаю, это решение и для нас не постороннее. Я, например, встретил все, что сказано о долге нынешнего искусства перед зрителем, о необходимости наступательной, созидающей силы искусства, с живым чувством своей собственной, личной ответственности. С чувством еще и своей собственной причастности. Впрочем, уверен, что и все люди творчества, и, конечно, деятели кино, испытывают такое же волнующее, искреннее чувство. Думаю, что от лица многих актеров и режиссеров кино могу заинтересованно сказать о мыслях и планах, какие возникают при изучении важнейшего документа партии.

Постановление связано вплотную с главной и решающей задачей нашей общей деятельности. Оно впрямую относится к нам, поскольку призывает своим содержанием и нас, людей искусства, утверждать горячо и ярко своим творчеством советский образ жизни, видеть героику наших дней, показывать на экране сильного и умного советского человека — строителя и патриота.

На экране нынешнего кино появляется, пожалуй, как никогда, много новых картин. У зрителя огромная возможность выбора. Но, что греха таить, как же много в кинематографе похожего, однообразно унылого, узко домашнего б ы т а!.. Я никого не хочу в этом «бытовизме» даже не то что «винить», но в этих унылых подобиях жизни, наверное, все же заключается в той или иной мере наша общая вина.

Отход от традиций подлинной героики, от высоких и больших по содержанию кинополотен возникал мало-помалу, вроде бы сам собою. Постепенно происходил этот странный «поворот» к ситуациям камерным. К жалостливому

ЕД
ЕМ

изображению судеб неудачливых, отношений несложившихся... И поначалу это даже как-то привлекало... Да, кстати сказать, появлялись ведь и отдельные, пусть негромкие киноленты, где участие больших артистов, их талант, их проникновенное понимание души своего персонажа делали даже и такие фильмы непроходными, запоминающимися. Назову хотя бы Софью Владимировну Гиацинтову в ее последней, именно такой вот картине — пусть даже и сентиментальной, «негромкой». Но сердечность, самая сила личности артистки не только оправдывали создание ленты, а делали незаурядной последнюю работу Гиацинтовой...

Были недавно очень добрые «Мужики!..». Были и другие подобные картины... Но вот героики крупным планом почти не было. Если, конечно, иметь в виду такую героику, которая захватывала бы, покоряла собою зрителя, вызывала единодушное признание, каким, скажем, пользовался «Чапаев»... Эта картина с ее правдой характера героя — глубочайше народного, чистого и прямого во всех своих проявлениях, во всех отношениях с окружающим миром — для меня была и остается эталоном.

Но и бессмертный шолоховский образ Нагульнова, думаю, влиял на умы и сердца зрителей! Вложенная Шолоховым в натуру борца, строителя новой жизни самоотверженность, страстное тяготение к созиданию красоты, к переделке самого себя и всей действительности вокруг, непоколебимая вера в слово партии... Все это было сутью героя... Я был, мало сказать, влюблен в своего Нагульнова! По правде говоря, он остался жить во мне и по сей день. Временами я это очень ясно чувствую...

Бойцовские, живые, созидательные черты — они хоть и не часто, и по-разному, но и сегодня появляются в образах литературы и искусства. И порой оживают и на киноэкране. И они запоминаются!.. «Вкус хлеба» режиссера А. Сахарова... Грузинский фильм о секретаре райкома, который произвел на зрителей мощное впечатление нравственной чистоты и силы коммуниста, убежденного деятеля партии... «Надежда и опора» — картина о нынешнем председателе колхоза Куркове, которого бесподобно сыграл артист Демич, тоже прозвучала убедительно и живо... Можно и еще назвать несколько сильных, умных фильмов... Но все равно их мало, очень мало. Их значительно меньше, и они появляются гораздо реже, чем «интимные», «домашние»... Поэтому-то и не они «задают тон», определяют климат нынешнего киноэкрана.

Сам я остался «заражен» Нагульновым, его жизненной силой на всю свою жизнь в кино. И чувствую: никуда от этого уже не денешься. Я с удовольствием играл, например, Добротина в «Сибирячке»; и сколько же получил добрых писем от людей, которые живут так же стремительно, с тем же интересом к большим делам народа.

И, пожалуй, не только сегодняшний — впрямую сегодняшний — герой рождает такой счастливый отклик. Я, к примеру, люблю высокую душу Захара Дерюгина! Люблю его ничуть не меньше, чем своего же Емельяна Пугачева... Это мои герои! Мои актерские работы, где я погружаюсь в чужую судьбу и она становится моей... Это очень разные судьбы, разные люди, разные герои. Но для меня в них основным и решающим неизменно остается их несхожая, но абсолютная, кровная принадлежность своему народу. Их жизнь, их дело вне народа просто немыслимы.

И точно так же я отношусь к своим режиссерским задачам в кино.

Очень способный артист А. Михайлов, который играл в фильме «Мужики!..» главную роль, стал у меня главным героем, когда я ставил на «Мосфильме» пьесу Островского «Бешеные деньги». Казалось бы — что́ в пьесе общего с нашим днем?! Но меня целиком держала при осуществлении фильма мудрая мысль великого драматурга о том, как важно человеку всегда быть хозяином жизни! Человеком, во всяком деле рачительным и трудолюбивым...

Постановление ЦК КПСС обязывает нас всех задуматься о необходимости воспитывать высокие этические и эстетические вкусы, у зрителя формировать активную жизненную позицию, нравственную чистоту. Беречь классику... Как ничто иное, классика требует чистого и ясного к себе отношения. Но разве только классика?!

Сейчас я буду ставить вещь наисовременнейшую — публицистический роман Чаковского «Победа». И я рассматриваю в данном случае свои режиссерские обязанности, пожалуй, еще более ответственно и заинтересованно, чем всегда... Ведь тут многое надо сказать зрителю! Тут и наша современность, и наша история, и вся наша героика — слившиеся воедино... Главное же тут — живой рассказ о силе страны, одержавшей победу не только оружием, но и мудростью партии, умением анализировать самый ход событий и предвидеть их возможные последствия в будущем...

Рассказчиком о событиях того времени (у Чаковского в романе это журналист Воронов), наверное, в фильме «Победа» будет полюбившийся мне, тонкий и умный артист А. Михайлов.

Конечно, рано еще говорить обо всем, что волнует, тревожит, отнимает покой у режиссера, если он решился взять на себя задачу такого масштаба... Но вот я снова и снова обращаюсь к постановлению ЦК КПСС, перечитываю заново эти строки... И нахожу в них поддержку. Обретаю силу.

В наши дни работа художника — в любом виде творчества — это, наверное, прежде всего полная самоотдача. А значит, чистая совесть перед самим собой и перед друзьями-соратниками... Перед всем своим народом...

ПОВЕЗЛО ЛИ О. ГЕНРИ?

ТВ

Начало нового трехсерийного телефильма «Трест, который лопнул» обещало увлекательное зрелище. Погоня, всадники, преследующие молодого человека в канотье, даже на бегу не выпустившего из рук клетку с птицей; выстрелы, удаляющийся поезд, который благополучно увозит на крыше вагона ловких героев; популярные актеры: Николай Караченцов — Джефф Питерс и Регимантас Адомайтис в роли Энди Таккера. Правда, уже сначала такая погоня и стрельба показались ближе к ковбойским лентам, нежели к произведениям О. Генри, по мотивам которого режиссер А. Павловский и автор сценария И. Шевцов сделали картину на Одесской киностудии.

Воспоминание о вестернах возникало еще не раз в течение трех вечеров, пока демонстрировался «Трест». Стрельбы и драк было достаточно: и в той операции, предпринятой смекалистыми героями, которая дала название фильму — со скупкой салунов и знаменитой речью Энди о вреде пьянства. И особенно в последней части, где за основу взята новелла «Супружество как точная наука». Тут в ход идет все, о чем О. Генри и не помышлял: похоронные дроги, хромой бомбардир, пушечный выстрел, гнилые овощи, которыми бушующая толпа забрасывает героев, и даже пух из перины, выпущенный обывателями.

В своих сочинениях писатель не помышлял о многом: о лозунге «Даешь вдову!» в том же киносюжете; о салунах, которые — с трех — возросли в геометрической прогрессии и стали именоваться, как захотелось создателям ленты, «Пейте стоя», «Привет, мальчики!», «У тещи»...

Разные ассоциации возникают, когда смотришь эту картину: со студенческим капустником, с эстрадным шоу — в тех, например, кадрах, когда по пыльным улицам городка маршируют девицы в платьях цвета национального флага. Но не получилось ни под Макса Линдера, ни под маленького неудачливого персонажа Чарли Чаплина ранних лет.

Многое здесь есть, кроме, увы, примет творчества самого О. Генри. Он никогда не пользовался гротеском как приемом. Проза его, сдержанная, тонкая, ясная, наполнена добрым человеческим чувством. И хотя в каждой ситуации, описанной в «Благородном жулике» (взятом кинематографистами за основу), есть изрядная доля юмора, но юмор этот мягкий, спокойный, без злого сарказма. В новеллах О. Генри — естественная простота, а не фарс; не насмешка, а грусть и сожаление о людских пороках.

Формула «по мотивам» в данном случае оказалась бездонной. А фантазию создателей ленты вернее определить как своеволие.

Сцены с переодеванием, когда актеры на глазах зрителей становятся персонажами, намекают на уход от бытового правдоподобия в условную театральность. Они не только не спасают, но еще более загромождают насыщенный действием сценарий. Так же, как вставки из старых лент, которые по стилю и событиям опережают О. Генри по меньшей мере на два десятилетия.

Видимая легкость, доступность произведений писателя оказались слишком сложными для кинематографистов. За краткостью рассказов, за отточенной фразой — глубина и емкость образов, но их не удалось воплотить на экране при той погоне за темпом, которая есть в фильме, при недосказанности, мелькании элементов, чужеродных О. Генри.

Кстати, клетка с птицей, которую мы видели вначале в руках у Джеффа Питерса, так больше и не появилась. Хотя, как известно, ружье, висящее на стене в первом действии, обязательно должно выстрелить.

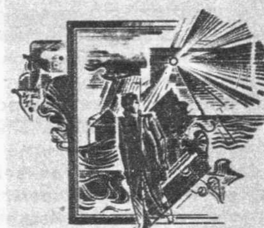
В последних кадрах звучит песенка: «Прощай, веселый пароход! Прощайте, капитан О. Генри! Героям вашим не везет. Но повезет еще, наверно...».

В фильме «Трест, который лопнул» им явно не повезло.

Ольга НЕМИРОВСКАЯ

ПУТЬ К СЕБЕ

ЕЛЕНА АНДРЕЕВА

ПУТЬ К ИСТОКАМ

Поэзии Елены Андреевой свойственна нераздельность лирического и гражданского начал, определенных собственной позицией и творческой индивидуальностью. Известно, что успех писателя зависит не только от наличия художественного таланта, но и от связей с реальной действительностью, от серьезности взглядов на жизнь и задачи искусства.

В своей четвертой поэтической книге «Путь к истокам» Елена Андреева размышляет, исследует, обобщает, ищет ответы на сложнейшие вопросы современности, ведет своеобразный диалог сама с собой...

Любовь к Родине, к национальным истокам находит выражение в характере поэтического мышления поэтессы, в глубокой внутренней связи со своим народом, с отчей землей.

Здесь, на кромке воды и земли,
Океаном кончалась Россия,
Волны гулкие к берегу шли,
А потом в океан уносили
Запах кедров могучих и мхов,
Сизый сумрак туманов
прибрежных,
Чтоб шептать у чужих берегов
О России щемяще и нежно...

Избрав форму своеобразного поэтического дневника человека, путешествующего по бескрайним просторам земли, Е. Андреева умеет увидеть и запечатлеть свежие краски русских полей, песков Средней Азии, виноградников Болгарии... Стихи поэтессы задушевного лирического склада — исповедь патриотического сердца перед Отчизной, друзьями и близкими, перед собственной совестью.

Благослови меня, София,
На путь к березам и снегам,
Твои предания живые
Я понесу родным местам.

И если больше мне с тобою
Дочерних встреч не суждено,
Тебя с родимой стороною
Соединю я все равно.

Маршруты путешествий всякий раз приводят автора к понятиям изначальным, к самому себе, к отчему порогу, заставляют лучше уяснить нравственные основы нашей жизни — об этом говорят сборники Е. Андреевой «Под звездами Балканскими» и «Мои мосты».

Удачны оформление сборника и иллюстрации, выполненные художником В. Толстоноговым.

Новый сборник стихов поэтессы, продолжая и развивая присущие ее творчеству мотивы, воссоздает одухотворенный облик нашего современника — человека, который всегда в поиске, всегда в пути.

Т. ПОНОМАРЕВА

Елена Андреева. «Путь к истокам». «Современник», 1982. 95 с.

К 75-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
С. А. КАЦА

ГОДЫ И ПЕСНИ

Судьбу композитора Сигизмунда Каца можно назвать счастливой. И не только потому, что в самые ранние годы раскрылся его музыкальный дар, но и потому, что жизнь его всегда была богата встречами с интересными людьми.

Уже в восьмилетнем возрасте Сигизмунд прославился в городе Твери — нынешнем Калинине — редкими музыкальными способностями. Он удивлял ими даже таких видных гастролеров, как пианист Игумнов, балерина Гельцер, певец Мигай. А Николай Семенович Голованов, услышав замечательную игру мальчика на фортепиано, сказал: «Тебе надо брать уроки в Москве у известного пианиста и педагога Александра Борисовича Гольденвейзера. Я тебе в этом помогу».

Занятия с Гольденвейзером длились целый год и оказали большое влияние на дальнейшее музыкальное развитие Сигизмунда Каца. Прощаясь с ним, Гольденвейзер сказал: «Мне кажется, что мы расстаемся ненадолго». Но все сложилось иначе: Кац занялся композицией. Студентом музыкального техникума имени Гнесиных он написал музыку к «Левому маршу» Маяковского и об этом рассказал поэту. Маяковский ответил: «Мой «Левый марш» не нуждается в музыкальном сопровождении. Он и без музыки хорошо организован, ритм его и так понятен слушателю».

Однако через несколько дней поэт и композитор встретились на Неглинной в музыкальном секторе Госиздата. «Левый марш» был показан комиссии, куда входили Мясковский, Гедике, Жиляев... И сочинение, принятое к печати, вскоре вышло в свет. Ноты «Левого марша» Сигизмунд Кац подарил Владимиру Маяковскому. Они до сих пор хранятся в музее-квартире поэта.

В 1932 году Сигизмунд Кац служил в 3-м полку Московской Пролетарской дивизии. Дважды Герой Советского Союза Павел Иванович Батов вспоминает, как красноармеец Кац помог организовать полковой хор, сочинил «Марш Пролетарской дивизии», получивший премию на Всеармейском конкурсе, выступал как пианист с оркестром Наркомата Обороны под управлением Чернецкого...

На композиторском отделении Московской государственной консерватории Сигизмунд Кац занимался со свойственным ему увлечением. Интересно, что его дипломной работой был первый акт оперы «Капитанская дочка», соната для фортепиано, квартет для деревянных духовых инструментов...

В годы консерваторской учебы Сигизмунд часто бывал в Сочи у писателя Николая Островского — они сердечно дружили. Островский очень любил музыку. У него был прекрасный рояль, и по вечерам Кац играл любимые произведения писателя.

Завидная судьба у песни «Как у дуба старого», в которой ожили бесстрашные воины Красной Армии, конники Буденного, славные герои гражданской войны, о которых рассказывал Николай Островский в Сочи композитору. Эта песня особенно дорога С. Кацу — она явилась началом его широкой популярности, поистине народного песенного пути.

В дни войны Сигизмунд Кац написал много песен, которые звучали и на всех фронтах и в тылу. В них нашли свое выражение героизм и лирика, уверенность советских людей в победе... Пожалуй, все они продиктованы самой жизнью тех лет.

Когда летом 1942 года из политуправления Брянского фронта приехал в Москву политрук Серафим Китаев, он просил написать песню к 25-й годовщине Октября. «Особенно нужна песня,— говорил он,— для партизанских отрядов. Мы хотим перебросить ее через линию фронта. Брянский фронт вдоволь снабжает партизан боеприпасами и продовольствием, а из леса все время радируют: «Патроны и оружие мы сами отберем у врага, а вот песню как трофей не возьмешь».

И вот родилась песня. Самолет, перегруженный боеприпасами, медикаментами, мукой, солью, вез еще и песню о брянских партизанах. Партизаны сразу ее запомнили. Так началась жизнь песни «Шумел сурово Брянский лес» на стихи А. Софронова, оставшейся жить не только в брянских лесах.

Много замечательных песен Сигизмунд Кац написал с поэтами Сурковым, Фатьяновым, Коваленковым, Светловым...

В произведениях Сигизмунда Каца нашла яркое воплощение тема борьбы за мир. Песни «Шире круг», «Если хочешь ты найти друзей», «Дай руку, товарищ далекий» неоднократно отмечались премиями на международных и всесоюзных конкурсах.

Народный артист СССР Борис Александрович Александров говорит о композиторе:

— Большая творческая дружба связывает меня с Сигизмундом Кацем. Его песни прочно вошли в репертуар Краснознаменного ансамбля. Они всегда любимы слушателями и исполнителями. Им сопутствует большой художественный успех не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

Каковы же творческие итоги последних лет? Каковы планы композитора?

— Моя творческая деятельность прежде всего связана с интересными встречами на фабриках, заводах, с тружениками полей, студенческой аудиторией, воинами Советской Армии... Недавно побывал в Кузбассе, Тюмени, Ставрополе... Эти встречи волнуют, требуют создания новой музыки о славных современниках. Сейчас издательство «Советский композитор» выпускает трехтомник, включающий двести названий моих песен разных лет, в том числе много совсем новых. Выходит из печати цикл песен на стихи прогрессивных зарубежных поэтов. Заканчиваю работу над музыкальной комедией «Похождения Сандро Уари» (либретто Токаева и Шкваркина)...

Композитору присуждена Государственная премия СССР. Музыка Сигизмунда Каца, народного артиста РСФСР, нашла дорогу к миллионам сердец.

Н. ЗАРАХОВИЧ,
заслуженный работник культуры РСФСР

Жанна **ОРЛОВА**

Молодой специалист Юра Карпов был в первом в своей жизни отпуске. Он хотел провести его на юге вместе с женой и маленьким сыном. Денег на такую поездку у Юры было не так-то много, но при условии, если тесть, как обещал, одолжит «Запорожец», на бензин и на питание хватало. Жена уже собрала чемоданы, сынишка — кубики и солдатиков, и тут-то произошло нечто непредвиденное: при возвращении с технического осмотра Юра вдруг обнаружил, что у доверенного ему «Запорожца» повреждена шина.

Разумеется, он тут же помчался в магазин, где скучавшая за прилавком продавщица от всей души посочувствовала:

— Шину? Ну и влипли же вы! Считайте, что поездка отпадает, или поезжайте на поезде.

— А если дежурить у магазина? Если переплатить? — не унимался неудачник.

— Нереально,— отрезала продавщица.— Времени зря не тратьте. Слишком дефицитный товар.

Продавщица говорила правду, но Юра отказывался поверить.

— Как же так — дефицитный? Наш город всю Украину снабжает шинами! В двух шагах от магазина Белоцерковский шинный завод...

— Завод-то рядом,— устало согласилась продавщица,— а за шинами проще в Киев съездить.

Ничего не добившись, Юра вышел из магазина в подавленном настроении и уныло побрел домой.

Его нагнал и бесшумно, по-кошачьи, зашагал рядом элегантный златокудрый юноша, похожий на зарубежную кинозвезду. Юра изумленно покосился на неожиданного попутчика и в конце концов остановился. Остановился и блондин.

— Мирослав,— представился он с лучезарной улыбкой.— А вас, если не ошибаюсь, зовут Юрий?

— Верно. Откуда вы меня знаете? — удивился Карпов.

— Я многих знаю,— уклончиво сказал Мирослав.— Просто в лицо. Мир-то тесен. Гора с горой и то сходится... Вы, я слышал, шинами интересуетесь? Могу посодействовать...

— Ради бога! — обрадовался Юра, решив, что незнакомец — банальный спекулянт.— Заплачу немедленно, сколько скажете...

— Обижаете, Юрий. Не ожидал.— Мирослав укоризненно и в то же время почти нежно смотрел Карпову в глаза. Карпову стало стыдно.

— Я же потому, что сами-то вы, может, тоже переплатили. Дефицитный товар...— пробормотал Юра.

— Не оправдывайтесь,— строго остановил его Мирослав.— Мы все теперь ближних не уважаем. А напрасно. И я вам это докажу: вообще не возьму денег. От чистого сердца помогаю. Человек человеку друг. Да что там! Идемте-ка со мной — сами увидите.

Мирослав решительно свернул в переулок, увлекая за собой по-прежнему недоумевающего собеседника. Они долго шли какими-то проходными дворами и наконец остановились возле свалки, находившейся в глухом тупике.

Поставив на землю свой вместительный саквояж, Мирослав раскрыл его, и Юра с удивлением обнаружил, что в саквояже только махровое полотенце.

— Сейчас мы останемся в плавках, а вещи сложим сюда. После чего совершим омовение в отличном теплом бассейне.— Мирослав показал на кучу металлолома и начал ловко, проворно раздеваться.

— Где же вы видите воду? — спросил Юрий, невольно отступая.

— Думаете, сумасшедший? — Мирослав расхохотался.— Вода здесь.

Он разгреб металлолом, обнажив при этом крышку люка.

— Сейчас мы вместе туда спустимся и выловим шины — сколько душе угодно.

Мирослав легко отодвинул крышку и прыгнул в темноту.

— Поторапливайтесь,— послышался его голос откуда-то из глубины.

Все еще не решаясь раздеться и плохо понимая, что же, собственно, происходит, Карпов стоял у зиявшего перед ним отверстия. Внезапно в отверстии показалась мокрая блестящая шина, а вслед за ней — рука и голова Мирослава. Выбросив шину из люка, Мирослав насмешливо предупредил:

— Это не ваша. Я за вас работать не собираюсь. Нырну еще, а вы как хотите.

Голова исчезла. Послышался смех и всплеск воды. И тогда Юрий решился...

Вода действительно была теплой. А на шину он наткнулся сразу же, как только погрузился.

И вот они уже снова на свалке. Юрий вытирается махровым полотенцем Мирослава, а возле них поблескивают три отличные шины. Неужели одна из них его?

— Почему здесь шины! Как вы догадались? — недоуменно спрашивает Юрий.

— Интуиция,— смеется Мирослав.— А почему именно здесь — не все ли равно? Бесхозяйственность, головотяпство, отсутствие учета. Газеты-то читаете? Нам с вами мир не переделать!

Они снова петляли в незнакомых дворах, а затем была поездка на юг, цветущие олеандры, встреча солнца на горе Ай-Петри, и... привлечение к уголовной ответственности, лишь только Юрий возвратился из Крыма.

Карпову было предъявлено обвинение как участнику шайки, расхищавшей продукцию Белоцерковского шинного завода. Похищенное незаметно забрасывалось в люк на заводской территории и по канализационным трубам, спускавшимся к реке Рось, сплавлялось к люку на свалке. Расхитители оперировали огромными суммами. Они нанесли предприятию серьезный ущерб.

Чувствуя приближение расплаты, один из руководителей шайки (Мирослав) попытался запутать следы, превратить преступление небольшой группы матерых хищников в некое массовое, но мелкое и необдуманное воровство. Для того-то и понадобился преступникам Юра Карпов и ему подобные.

Более того, Мирослав подбирал кандидатуры не случайно, а весьма придирчиво. Предварительно изучая биографии жертв, он тщательно взвешивал все «за» и «против». От совращаемых требовались, во-первых, безупречная репутация на службе и, во-вторых, уважаемые или даже влиятельные родственники.

По делу проходило весьма солидное количество побывавших в люке юношей. И перед областным киевским судом стояла непростая задача: необходимо было вникнуть в психологию каждого, разобраться, почему, для чего и в каких пределах совершал именно данный обвиняемый правонарушение, «омываясь» в канализационной сети.

Если главари белоцерковской шайки, обдуманно и расчетливо шедшие на преступление, получили суровое наказание, то Юрий Карпов, например, прямо из зала суда направился домой: суд счел, что год пребывания в заключении под следствием, учитывая чистосердечное раскаяние и примерное поведение, стал для него достаточным наказанием за вину. В самом деле: год лишения свободы — немалая цена за гражданскую незрелость, за безответственное поведение, перешедшее рамки законности. И, может быть, пример Юры и ему подобных особенно ярко продемонстрировал всему городу — а жители Белой Церкви очень внимательно следили за процессом — принципиальность, гуманность и справедливость нашего правосудия.

Так считает Кима Яковлевна Кожокина — народный заседатель. Дело, о котором мы рассказали, было для нее рядовым — вернее, одним из многих, где проявился ее многолетний опыт, ее умение вникнуть не только в факты и показания, но и в душу человека. Потому и называют Киму Яковлевну лучшим народным заседателем области, что она, опытный психолог, умеет понять личность каждого оступившегося и в то же время, опытный юрист, выносит приговор в полном соответствии с буквой закона.

К предстоящему суду Кима Яковлевна всегда готовится заблаговременно, тщательно изучая материалы следствия. Ее вопросы к подсудимому обычно немногочисленны, но помогают уяснить его роль в преступлении. С учетом всех смягчающих или отягчающих вину обстоятельств, вникнув во все детали судебного разбирательства, Кима Яковлевна первая высказывает свое мнение в совещательной комнате. И оно — как отмечают все без исключения судьи — всегда справедливо и гуманно.

— Бывали ли случаи, когда мнение Кожокиной противостояло мнению других членов суда? — спрашиваю я Михаила Мефодьевича Кисилевича.

Судья задумывается:

— Нет, такого случая не припоминаю. Мнение Кимы Яковлевны всегда настолько аргументированно, что спорить трудно. Ее участие в судебном заседании — гарантия того, что для попавшего в беду человека, если, конечно, правонарушитель заслуживает симпатии как личность, будет сделано все от нас зависящее.

Особенно охотно берется Кима Яковлевна за так называемые молодежные процессы. Эта ее склонность, видимо, связана с тем, что уже второй десяток лет Кожокина трудится в Киевском объединении автобусных станций, а большинство работающих там — юноши и девушки. Повседневно общаясь с ними, Кима Яковлевна (заместитель секретаря партийного бюро и заведующая юридической консультацией, созданной на общественных началах) смогла развить свой талант психолога-исследователя. К ней обращаются по самым различным вопросам молодые работники пятидесяти станций и всегда получают совет и помощь.

Одной из главных своих обязанностей в борьбе с преступностью Кима Яковлевна считает профилактику. На всех автобусных станциях она проводит лекции по сохранности социалистической собственности, по трудовому законодательству, а с каждым молодым специалистом, впервые поступающим на работу,— особую индивидуальную беседу.

После очередного участия в судебном разбирательстве Кима Яковлевна выступает на открытых комсомольских собраниях объединения, рассказывая о ребятах, нарушивших закон и понесших заслуженное наказание. Особенно часто она останавливается на проблеме соучастия в преступлении. Разве мог бы совершить, например, свое преступление Юрий Карпов, если бы четко знал, чем грозит ему соучастие в расхищении!

Многие молодые люди считают, что опьянение частично извиняет недостойное поведение. В своих лекциях и индивидуальных беседах Кима Яковлевна неустанно разъясняет ошибочность такого предубеждения, доказывает, что потребление спиртного лишь отягчает любую вину.

Неплохо окончив десятилетку, два допризывника (в ожидании службы в армии) отдыхали в деревне. Перед самым отъездом в город они решили выпить в местном сельмаге. После чего один из ребят, Андрей, стал приставать с любезностями к работнице магазина, молоденькой миловидной Люде. Но она не разделяла его игривого настроения, и тогда хулиган начал зверски избивать девушку.

Его товарищ, Олег, участия в побоях не принимал, но и не остановил Андрея. Он спокойно смотрел, как падала Люда, как поднималась и снова падала... Позднее, в суде, Олег пытался оправдать свою пассивность нетрезвостью. Но тщетно!

Вот об этом процессе часто рассказывает молодежи Кима Яковлевна.

— Я же никого не обидел! Я же только смотрел...— скажет Олег в своем заключительном слове и будет искренне недоумевать — «За что?!»,— когда суд вынесет суровый приговор не только изувечившему девушку Андрею, но и ему, на первый взгляд безобидному зрителю. А по закону, по его гуманнейшему требованию не закрывать глаза на чужую боль вина Олега очевидна. И поучительна!

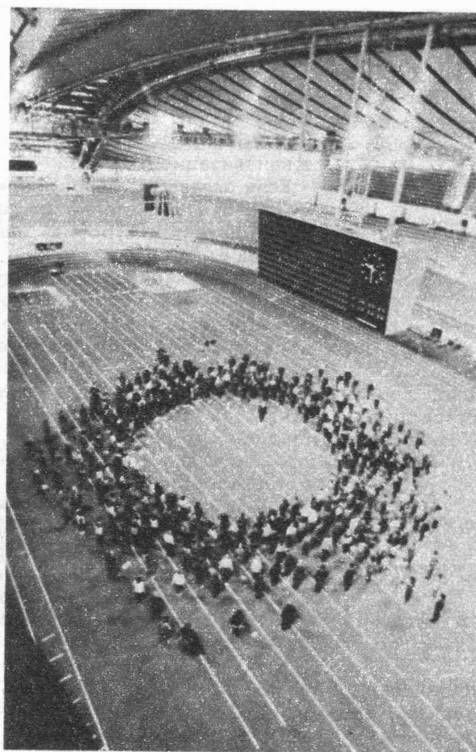
Кима Яковлевна — ярый враг пьянства. Человек добрый и отзывчивый, она ратует за установление строгого наказания за появление в пьяном виде на улицах и в других общественных местах.

...Наверное, немалая заслуга Кимы Яковлевны в том, что за последние годы в результате умело организованной профилактики количество правовых нарушений в объединении автобусных станций резко понизилось. И единственный человек, недовольный достигнутым,— сама Кима Яковлевна. Она полагает, что это — только начало, и верит, что добьется гораздо большего. Что ж, поверим тому и мы...

СУД ИДЕТ

Ни мороз нам не страшен, ни жара.

Общий сбор.

Фото Г. СТРЕЛЬНИКОВА

ЖИТЬ НЕ БОЛЕЯ

Виктор АНТОНОВ

Говорят, ценить начинаешь после того, как потеряешь. В самом деле, кто по-настоящему задумывается о своем здоровье, пока серьезно не заболеет?

Большинство людей считают болезни хоть и нежелательным, но, увы, неизбежным явлением жизни и с разной степенью покорности встречают их приход. Лишь немногие полагают возможным избежать, а то и вовсе исключить их из своего обихода.

И все же в этом вопросе наметился явный сдвиг. Увлек ли пример одиночек, недовольство ли собой подтолкнуло, но только появилась у людей потребность «сотворить себя заново». Научно-популярная литература пробуждала интерес к новым (или давно забытым) рецептам сохранения здоровья, да и пресса в последние годы не раз обращалась к «скрытым резервам». Словно бы вопреки новейшим достижениям медицины, время «стресса и страстей» все настойчивей выдвигает лозунг: «Не лечение, а оздоровление».

Клубы любителей бега, зимнего плавания, группы здоровья... Кстати, здоровье, как известно, не только закалка и мышечная тренированность. Это сплав и физического и психического, где одно без другого не звучит. Словом: в здоровом теле — здоровый дух!

Такую задачу и поставил перед собой московский клуб комплексного самосовершенствования «Космос». Физическая закалка, считают здесь, не цель, а лишь средство эффективно приносить пользу окружающим. Основная же забота как раз о гармоничном развитии человека. Выработанные в клубе рекомендации важны не только для занятий — еще нужней они в повседневной жизни.

...Разминка. Очень подходящее слово: одновременно с физическими движениями рекомендуется и мысленно прощупывать (своеобразный аутотренинг), массировать, разминать каждый позвонок, каждый сустав, что очень важно.

Затем полтора часа бег трусцой. Мне довелось бежать в группе начинающих километров семь в самом низком темпе. Но никто не страдал от холода, несмотря на легкую форму одежды и 20-градусный мороз, никто не жаловался на усталость, хотя люди были самых разных возрастов.

Это не просто бег. Ведущий постоянно дает настройку: «Чувствуете, какой чистый воздух?.. Как вольно дышится! Дыхание через нос — выдох длиннее вдоха. Нам хорошо, наши легкие, сердце, печень отлично работают...» (Тоже элементы аутотренинга.)

Одни упражнения сменяют другие. Вот бегущие выполняют «лесенку» — это очищающие дыхательные упражнения с фиксацией внимания на нервных центрах. Бег чередуется с ускорением и приемами расслабления мышц. Иногда основного ведущего сменяет кто-нибудь из группы. После бега — душ, многие обтираются снегом...

Теперь все в зал. Здесь усаживаемся вокруг ведущего группы. Проводим самомассаж, затем статические упражнения с концентрацией внимания (используются элементы хатха-йоги, в разных группах — различной сложности).

В конце — упражнения на расслабление и самоконтроль: проверить дыхание, мысленно нащупать пульс в разных точках тела, убедиться в положительном настрое...

Неподалеку занимаются детские группы. Вот кому раздолье! Еще бы: здесь-то им не запрещают «ходить на голове». Порой и не поймешь: где дети, где ведущие — кувыркаются на равных.

Доброжелательность — пожалуй, главное, к чему стремятся члены «Космоса». Когда же встречают непонимание, стараются терпеливо объяснить. «Управлять своими чувствами и эмоциями во всех обстоятельствах» — одно из правил комплекса самосовершенствования. Не таким ли представляется нам человек будущего?

— Что особенно привлекает людей в ваш клуб?

— Думаю, все дело в простоте, общедоступности методики,— отвечает инженер З. Г. Вартанова, член совета клуба.— И еще обстановка общего доброжелательства. Отстающий не вызывает раздражения, всегда встретит помощь и поддержку окружающих. Потому мы и говорим о соучастии каждого в создании общего положительного настроя. И люди идут к нам с удовольствием, иногда всей семьей, тем более что сразу замечают за собой перемены...

— А это чем объяснить?

— Система расковывает, дает уверенность, что с каждым шагом становишься лучше. Даже неудачники начинают верить в себя, в свои возможности. В программу комплекса естественным образом входят посещения музеев, театров, консерватории... Недаром у нас есть мнение называть в будущем подобные клубы «клубами интеллектуального бега».

О результатах занятий периодически ведется опрос, и среди сотен отзывов — в разной степени восторженных — самый частый: «В течение года ни разу не болел...»

Интересна история создания клуба. В одном ДК была лекция о резервных возможностях человека. И выступавшему задали вопрос (то ли в шутку, то ли всерьез):

— А не могли бы вы нам практически помочь в освоении этих скрытых ресурсов?

— А что,— ответил тот,— давайте попробуем. Всем желающим — сбор послезавтра в 6 утра. Форма одежды спортивная.

На первое занятие пришло человек пятьдесят. За семь месяцев клуб вырос почти до четырех тысяч. Такого наплыва людей, даже раз в неделю, не мог выдержать подмосковный Калининград. Пришлось перебазироваться в Москву. Сейчас, спустя три года, клуб насчитывает полдюжины филиалов, и все равно зал спорткомплекса в Крылатском по воскресеньям с трудом вмещает желающих.

Тем лектором, а затем инструктором и первым председателем клуба комплексного самосовершенствования был Ян Иванович Колтунов, лектор общества «Знание». Инженер по профессии, связанный с новейшими достижениями техники, он много лет изучает накопленный веками опыт развития человеческих возможностей. И этим опытом, критически осмысленным, проверенным на себе, и возникшей на его основе системой гармонического совершенствования Ян Иванович просто не мог не поделиться с другими. Разработанная им методика практических занятий в настоящее время принята несколькими районными спорткомитетами и проходит детальную апробацию во ВНИИ физической культуры.

— И все-таки как же прожить не болея? — спрашиваю Я. И. Колтунова.

— Человеческий организм — система саморегулируемая, нужно только знать, когда и что «выключить», чтобы избежать перегрузок...

— Значит, успех зависит в основном от умения расслабляться?

— Во многих случаях да. Но это не все. Необходимо дисциплинировать свое тело и психику настолько, чтобы поставить их под постоянный контроль сознания.

Клуб «Космос» молод, ему всего три года. Но популярность его так велика, что уже сейчас он не может принять всех желающих заниматься. Проблема эта, по мнению членов совета клуба, разрешима: нужно лишь организовать секции и в других районах города, а затем в других городах. Спортзалы могут выделить местные ДСО, а руководить занятиями на первых порах станут те же общественные инструкторы — ведущие клуба «Космос». Такие, как социолог С. В. Козлова, историк В. А. Артамонов, инженер М. А. Зорько, врач Т. Л. Максимова, певица Э. Б. Семенова, рабочий Ю. В. Аржанов, химик С. И. Грачева, и многие другие. С помощью Спорткомитета СССР клуб обязуется подготовить не менее тысячи инструкторов-общественников. Они сами изъявили желание отдать свое свободное время действенной пропаганде комплексного самосовершенствования.

Иначе, видимо, и быть не может для людей, чей принцип — «Ощущать ответственность за все». И за здоровье окружающих в том числе.

«ПОЗНАКОМИЛАСЬ С ПАРНЕМ»

Совсем случайно прочла обзор писем «Предательство не прощается» (№ 12 за 1981 год) и решила поделиться своим горем, попросить совета, как быть, что делать дальше.

Но сначала несколько слов о себе. Мне девятнадцать лет, по профессии фельдшер, работаю в Тайшете, живу на квартире у одной бабушки. Родных и близких у меня никого нет. Вечерами хожу в кино и читаю дома.

А теперь о главном. Познакомилась я с парнем с БАМа, ему двадцать девять лет, шофер по специальности, живет и работает в небольшом поселке в Якутии. Как он чуток, внимателен был ко мне в начале нашего знакомства, все шло очень хорошо, и мы полюбили друг друга. Строили планы на будущее. Ему должны были выделить отдельный вагончик, а потом и квартиру обещали. Получилось так, что на месяц мы расстались, а вернувшись к нему, я встретила перемены. Как-то, придя с работы, он резко заявил мне: «Тебе придется «дергать» домой, и поскорее». Да, так и сказал, ничего больше не объясняя, и ушел с друзьями в клуб на концерт. Ребята меня тоже позвали, а он промолчал. Я была совершенно ошарашена, а наутро узнала: какая-то женщина за две недели до моего приезда родила от него ребенка.

Сейчас я снова в Тайшете, совершенно убита, одна, и, наверное, навсегда. Никогда больше не поверю ни одному человеку, который произнесет слово «люблю». Но самое ужасное, что мне ничего не хочется, работать совсем не могу, а ведь профессия у меня такая гуманная, требующая не только большого умения, но человечной доброты, тепла, внимания. А что я могу дать людям в таком состоянии? Посоветуйте, что же мне делать, как выйти из этого положения?

Галя Г.

Тайшет.

Юмор

Михаил **АКСЕНОВ**

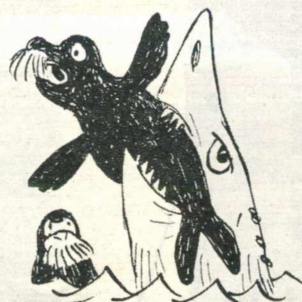
АКУЛА НА ПОРУКАХ

БАСНЯ

Тюлень-добряк
Не иначе
Как сдуру
Надумал
На поруки
Взять Акулу,
Хоть про ее
Разбойные дела
По всем морям
Худая слава шла.

«Акулу?
Что вы!» —
Ахнули Тюлени.
Но...
Взяли на поруки:
Пожалели!

Что было дальше,
Тут нетрудно угадать:
Акула плавает,
Тюленей
Не видать!

А У МЕНЯ ПРЕДЧУВСТВИЕ

Ефим **ФУРМАН**

Через день чемпионат мира по хоккею, а у меня, как назло, испортился телевизор. Звоню в телеателье, а у самого предчувствие: не дозвониться.

К удивлению, я тут же услыхал приветливый голос диспетчера.

— Нет видимости,— поведал я о поломке.

— Ясно,— послышалось из трубки.— Ждите мастера завтра, с семнадцати до девятнадцати вечера.

И вот сижу, жду мастера, а у самого предчувствие: не придет.

Не было еще такого, чтобы телевизионные мастера являлись в срок.

К удивлению, с вызовом не обманули. Мастер явился точно в назначенное время. Осмотрев телевизор, он с улыбкой проговорил:

— Плевое дело. Перегорел предохранитель. Сейчас я его заменю, и ровно в полночь вы сможете посмотреть репортаж с чемпионата мира по хоккею.

Смотрю я на его работу, а у самого предчувствие: «сейчас» — это час, а то и больше.

Покопался мастер в телевизоре ровно три минуты, и телевизор заработал. А у меня снова предчувствие: сейчас намекать начнет насчет вознаграждения за быстрое обслуживание. К удивлению, все произошло иначе. Выписал мастер квитанцию, собрал инструменты и вежливо попрощался.

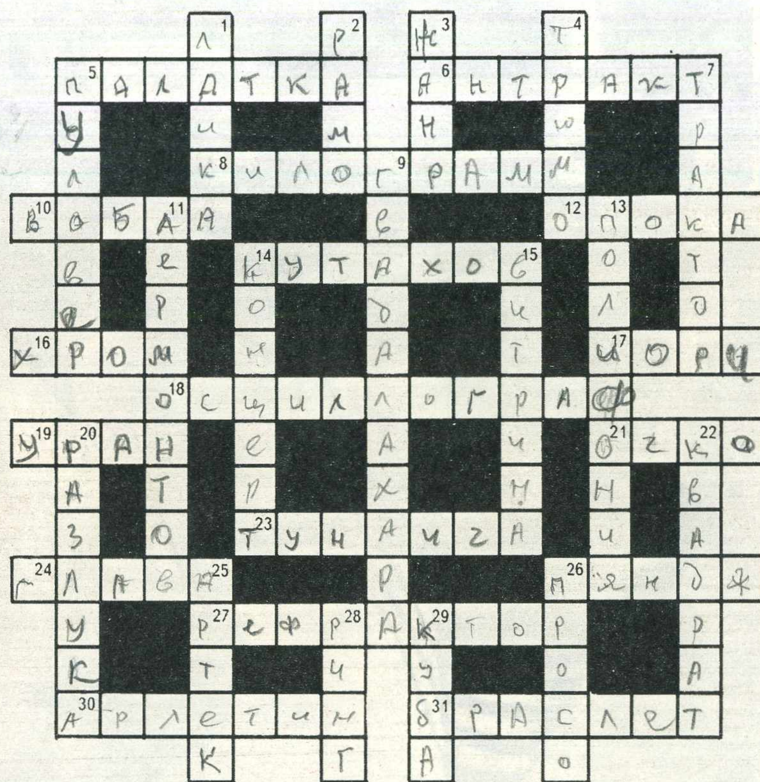
Смотрю я телевизор, а у самого предчувствие: и все-таки здесь что-то не так.

И точно — не так! Слышу отчетливый голос диктора: «В связи с забастовкой работников телекомпании Эн-си-эс прямой репортаж об открытии чемпионата мира по хоккею отменяется. Любители хоккея смогут услышать репортаж с чемпионата мира по программе «Маяк»...»

Ну, что я говорил? Нет, не обмануло меня предчувствие.

Ленинград.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Легкая постройка для торговли, ларек. 6. Перерыв между действиями спектакля. 8. Единица массы. 10. Промысловая рыба семейства карповых. 12. Рама для изготовления литейной формы. 14. Главный маршал авиации. 16. Химический элемент, металл. 17. Река в Закавказье. 18. Электроннолучевой измерительный прибор. 19. Планета. 21. Единица счета при оценке спортивных соревнований. 23. Озеро на Сахалине. 24. Раздел книги, статьи. 26. Пограничная река между СССР и Афганистаном. 27. Телескоп. 30. Традиционный персонаж итальянской комедии масок. 31. Ювелирное изделие.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Охотничья собака. 2. Французский композитор XVIII века. 3. Тип художественного произведения. 4. Высокое стоячее зеркало. 5. Трикотажная фуфайка. 7. Гусеничная или колесная машина. 9. Город на юго-западе Мексики. 11. Выдающийся русский поэт. 13. Вид многоголосия в музыке. 14. Публичное исполнение музыкальных произведений по определенной программе. 15. Окно в магазине, оборудованное для показа товаров. 20. Стихотворение А. С. Пушкина. 22. Прямоугольник. 25. Всесоюзный пионерский лагерь. 26. Растение семейства злаков. 28. Площадка для бокса. 29. Республика в Вест-Индии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Перепел. 4. Сегмент. 7. Красноуфимск. 9. Гулиа. 10. Аруба. 11. «Отелло». 13. Гамбит. 14. Кокора. 15. Мадрас. 16. Венера. 18. Колыма. 21. «Квант». 23. «Молох». 24. Островитянов. 25. «Иоланта». 26. Скрипка.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Педагог. 2. Праща. 3. Ланцет. 4. Софокл. 5. Гымза. 6. Терраса. 7. Килиманджаро. 8. Кругосветлов. 11. Отпуск. 12. Октава. 15. Макензи. 17. Архаика. 19. Орлова. 20. Мартос. 22. Титан. 23. Минор.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Солистка балета Киргизского государственного ордена Ленина театра оперы и балета имени А. Малдыбаева народная артистка СССР Айсулу Токомбаева. (См. в номере материал «Языком танца».)

Фото Л. Шерстенникова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: ТРАНСКАМ; вид от южного портала * Последний взрыв * Машинист БТС-150 Э. Ф. Албаров. (См. в номере материал «Последний взрыв».)

Фото А. Маслова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 21.03.83. Подписано к печати 05.04.83. А 00652. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 867. Заказ № 315

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Идет!

Лето. Фото Е. Сыманова. Тольятти.

ВЕРНИСАЖ ФОТО-ЛЮБИТЕЛЕЙ

На Севере дальнем.

Детство. Фото Н. Володько. Москва.

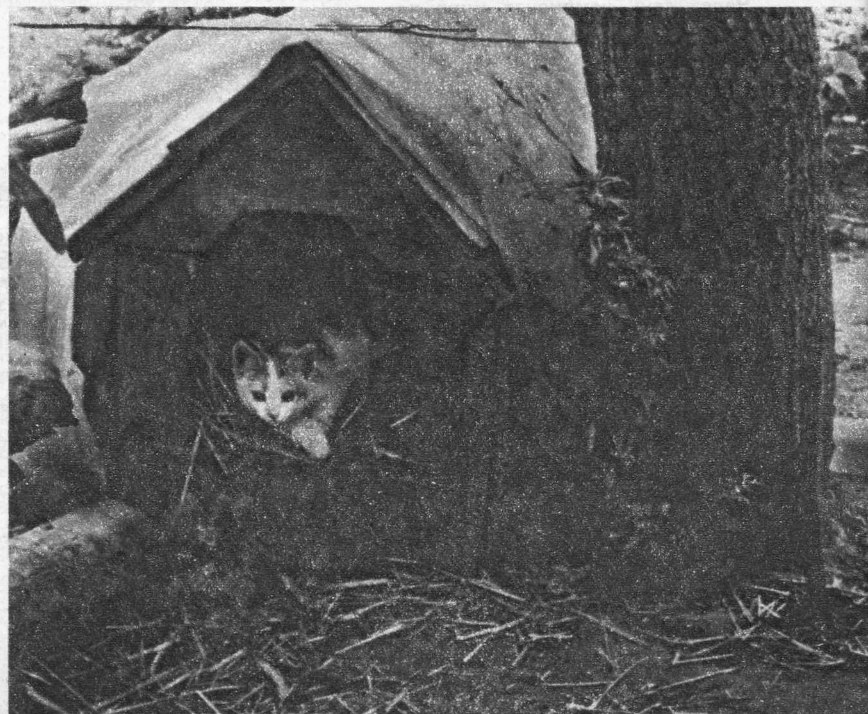
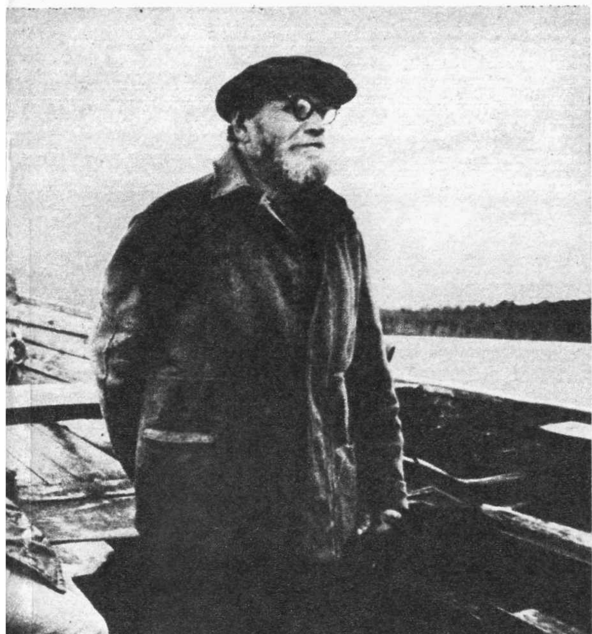

Фото А. Медведникова. Ленинград.

Фото А. Самошкина. Тамбов.

«Джентльмен».
Фото В. Охремеенко. Минская область.

Весна на нашей улице.

Фото В. Жука. Минск.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

